

МОЛОДОЙ

ISSN 2072-0297

учёный

научный журнал

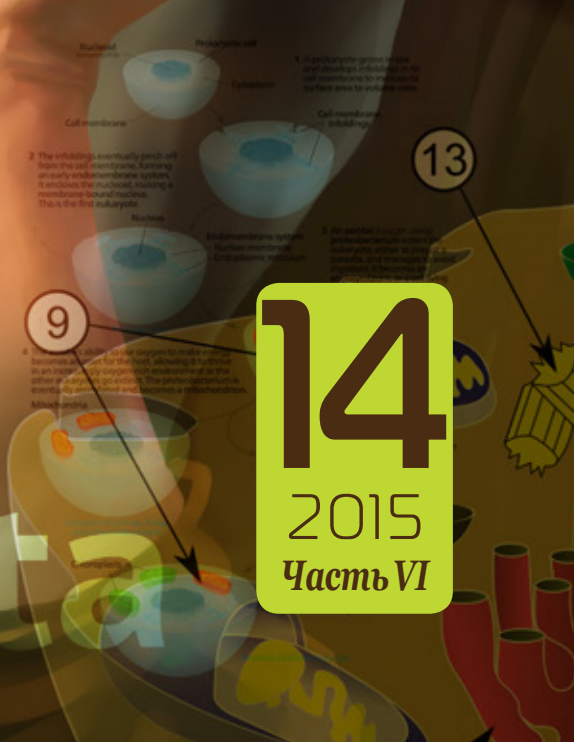
A New Look at Evolution

Symbiogenesis

Global Change,

Eukaryota

14
2015
Часть VI

ISSN 2072-0297

Молодой учёный

Научный журнал

Выходит два раза в месяц

№ 14 (94) / 2015

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: Ахметова Галия Дуфаровна, *доктор филологических наук*

Члены редакционной коллегии:

Ахметова Мария Николаевна, *доктор педагогических наук*

Иванова Юлия Валентиновна, *доктор философских наук*

Каленский Александр Васильевич, *доктор физико-математических наук*

Куташов Вячеслав Анатольевич, *доктор медицинских наук*

Лактионов Константин Станиславович, *доктор биологических наук*

Сараева Надежда Михайловна, *доктор психологических наук*

Авдеюк Оксана Алексеевна, *кандидат технических наук*

Айдаров Оразхан Турсункожаевич, *кандидат географических наук*

Алиева Тарана Ибрагим кызы, *кандидат химических наук*

Ахметова Валерия Валерьевна, *кандидат медицинских наук*

Брезгин Вячеслав Сергеевич, *кандидат экономических наук*

Данилов Олег Евгеньевич, *кандидат педагогических наук*

Дёмин Александр Викторович, *кандидат биологических наук*

Дядюн Кристина Владимировна, *кандидат юридических наук*

Желнова Кристина Владимировна, *кандидат экономических наук*

Жуйкова Тамара Павловна, *кандидат педагогических наук*

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, *кандидат педагогических наук*

Игнатова Мария Александровна, *кандидат искусствоведения*

Коварда Владимир Васильевич, *кандидат физико-математических наук*

Комогорцев Максим Геннадьевич, *кандидат технических наук*

Котляров Алексей Васильевич, *кандидат геолого-минералогических наук*

Кузьмина Виолетта Михайловна, *кандидат исторических наук, кандидат психологических наук*

Кучерявенко Светлана Алексеевна, *кандидат экономических наук*

Лескова Екатерина Викторовна, *кандидат физико-математических наук*

Макеева Ирина Александровна, *кандидат педагогических наук*

Матроскина Татьяна Викторовна, *кандидат экономических наук*

Матусевич Марина Степановна, *кандидат педагогических наук*

Мусаева Ума Алиевна, *кандидат технических наук*

Насимов Мурат Орленбаевич, *кандидат политических наук*

Прончев Геннадий Борисович, *кандидат физико-математических наук*

Семахин Андрей Михайлович, *кандидат технических наук*

Сенцов Аркадий Эдуардович, *кандидат политических наук*

Сенюшкин Николай Сергеевич, *кандидат технических наук*

Титова Елена Ивановна, *кандидат педагогических наук*

Ткаченко Ирина Георгиевна, *кандидат филологических наук*

Фозилов Садриддин Файзуллаевич, *кандидат химических наук*

Яхина Асия Сергеевна, *кандидат технических наук*

Ячинова Светлана Николаевна, *кандидат педагогических наук*

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231. E-mail: info@moluch.ru; <http://www.moluch.ru/>.

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, 26.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г.

Журнал входит в систему РИНЦ (Российский индекс научного цитирования) на платформе elibrary.ru.

Журнал включен в международный каталог периодических изданий «Ulrich's Periodicals Directory».

Ответственные редакторы:

Кайнова Галина Анатольевна

Осянина Екатерина Игоревна

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)

Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)

Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)

Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)

Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)

Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)

Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)

Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)

Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)

Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)

Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)

Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)

Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)

Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)

Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, кандидат педагогических наук, заместитель директора (Узбекистан)

Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)

Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)

Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)

Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)

Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)

Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)

Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)

Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)

Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)

Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)

Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)

Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)

Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)

Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)

Узаков Гулом Норбоевич, кандидат технических наук, доцент (Узбекистан)

Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)

Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)

Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)

Художник: Шишков Евгений Анатольевич

Верстка: Бурьянов Павел Яковлевич

На обложке изображена Линн Маргулис (1938–2011) — американский биолог, создатель современной версии теории симбиогенеза.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Материалы публикуются в авторской редакции.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СПОРТ

- Антонов М. В.**
Мотивация как средство для совершенствования управления коллективом в государственном учреждении (на примере ГОБУДОД ДЮСШ № 2 Калининского района Санкт-Петербурга) 551
- Коршунова О. С.**
Научно-исследовательская работа преподавателей физического воспитания в высших учебных заведениях 553
- Сергеева А. И.**
Система подготовки юных баскетболистов на этапе начальной подготовки в ДЮСШ № 4.. 555

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Анфиногенов Б. В.**
Этнофутуризм в современной удмуртской моде 559
- Бессонова Е. В.**
Василий Розанов как писатель Серебряного века 561
- Борисенко И. В., Григорьева Г. Б.**
National images of countries in intercultural interaction of world civilizations in modern period 564
- Иванова К. А.**
Лингвокультурологическая репрезентация фантазийных концептов в цикле К. С. Льюиса «Хроники Нарнии» 569
- Шаброва А. Д.**
В. Н. Андреев-Бурлак — гений провинциальной сцены 571

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

- Соколова В. Е.**
«Виртуальный гардероб» — современный помощник в формировании стилевого и модного образа 573

ФИЛОЛОГИЯ

- Блинова И. С.**
Реализация ориентирующей и манипулятивной функций в романе Каролины Мур «Подруги» 575
- Богданова А. А.**
«Я герой чумы, поражающий псов»: «говорящие имена» в ирландском фольклоре на примере саг Уладского цикла 578
- Болтакулова Г. Ф.**
Способы выражения обстоятельства времени в английском и русском языках и его место в предложении 583
- Гавриленко В. В., Горбунова В. С.**
Особенности суффиксального словообразования существительных английского языка 585
- Гавришева Г. П., Албанский В. В.**
Эжен Ионеско: «трагедия языка» в театре и прозе абсурда 589
- Казакова И. В.**
Проблемы перевода метафоры (на материале современной английской поэзии) 591
- Митяшов Р. П.**
Осмысление языческого начала в христианском контексте сказок А. С. Пушкина 593
- Михайлова А. Н., Ерещенко М. В.**
Документный текст в профессиональной коммуникации 596

Расулева М. О. Контракция терминов, обозначающих общехирургический инструментарий и приборы..... 598	Ганеева Р. Б. О возвращении образов из «изгнания» 619
Садчикова Я. В. Интеграция понятий «язык» и «культура» в процессе обучения иностранному языку..... 599	Котлярова В. В. Феномен информационного терроризма: аксиологические аспекты..... 622
Фильцова М. С. От понятия к номинации: идеографическое описание единиц с зависимым инфинитивом в русском языке 603	Македонская С. И. Формирование философской культуры учителя (элементы, противоречия, движущие силы, эволюция)..... 625
Черноситова Т. Л., Сулейманова Ю. С. Проблема билингвизма и диглоссии в контексте литературно-художественного транслингвизма 607	Писаревская А. А. Общественно-политическая и культурная ситуация во Франции XVIII века сквозь призму книги Алексиса де Токвиля «Старый порядок и революция» 628
Шереметьева В. К. Английский Петрарка: творчество Ф. Сидни в современном литературоведении 609	Рахматуллин Р. Ю. Мутазилиты — основатели рационализма в арабо-мусульманской философии..... 630
Шестаков В. В. Состояние природы как отражение внутреннего мира героев в повести А. Платонова «Котлован» 614	Рахматуллин Р. Ю. Картина мира и мировоззрение..... 632
ФИЛОСОФИЯ	
Андреева А. И. Средневековая мусульманская философия 617	Руденко А. М., Шестаков Ю. А. Проблема манипуляции массовым сознанием как фактор дестабилизации информационной безопасности современного российского общества 635
	Соболь Т. В. Роль философского образования в гуманитарном развитии современного общества 638

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СПОРТ

Мотивация как средство для совершенствования управления коллективом в государственном учреждении (на примере ГОБУДОД ДЮСШ № 2 Калининского района Санкт-Петербурга)

Антонов Максим Викторович, директор
ГОБУДОД ДЮСШ № 2 (г. Санкт-Петербург)

Мотивация (от латинского *movere*) — побуждение к действию; динамический процесс психофизиологического плана, управляющий поведением человека, определяющий его направленность, организованность, активность и устойчивость; способность человека деятельно удовлетворять свои потребности.

Существует множество видов мотивации, но я выделил несколько самых значимых для меня как для руководителя учреждения:

- внешняя и внутренняя;
- положительная и отрицательная;
- устойчивая и неустойчивая.

Также можно разделить мотивацию по типам: индивидуальные, групповые, познавательные.

Теперь попробуем разобраться, как же мне, руководителю государственного образовательного бюджетного учреждения детской юношеской спортивной школы, помогает использование мотивации в совершенствовании управления коллективом.

Применительно к детско-юношеской спортивной школе мотивация работника или сотрудника учреждения и занимающегося является главным побудительным признаком для деятельности и удовлетворения своих потребностей.

С помощью мотивации руководитель спортивной школы может влиять на производительность труда в своей сфере деятельности и на общее состояние внутри коллектива.

С помощью мотивации тренер может влиять на качество тренировочных мероприятий и результативность занимающихся.

Руководителю учреждения спортивной направленности важно правильно применять все виды мотивации таким образом, чтобы совокупность внутренних и движущих сил, побуждающих человека действовать специфически целенаправленным образом, вели к достижению целей организации или личных целей.

Т. е., руководителю необходимо своими действиями или решениями активизировать определенные мотивы у сотрудников, которые в дальнейшем помогут развиваться учреждению в целом и личности индивидуально.

При этом следует использовать внешнюю (экстринсивную) манипуляцию в виде: долга и ответственностью перед обществом, группой, коллективом, а в случае ДЮСШ № 2 и перед родителями занимающегося спортсмена и самого спортсмена; самоопределения и самоусовершенствования; стремление получить одобрение других людей, в том числе вышестоящих руководителей; избегания неприятностей и наказания, что представляет собой вид — негативная мотивация. Также обязательно необходимо указывать сотрудникам и занимающимся спортсменам на внутреннюю мотивацию (интенсивную), т. е. стремлению к саморазвитию, самоусовершенствованию, достижению высоких результатов и мастерства в выбранной деятельности. Которые проявляются в выборе сложных заданий и стремлении их выполнить.

Руководителю важно обозначить перед сотрудниками значимость достижения успеха, надежды на успех, движение вперед и другие факторы, которые предполагают предвидение новых приятных ощущений и впечатлений.

Не менее важно актуализировать мотивацию к саморазвитию, самоусовершенствованию, те признаки, которые пробуждают сотрудника много работать и развиваться.

По мнению видного американского психолога Абрахама Маслоу, саморазвитие — это стремление к полной реализации своих способностей и желание ощущать свою компетентность. Человек часто держится за прошлое, за свои достижения, покой и стабильность. Страх риска и угроза потерять все сдерживают его на пути саморазвития.

В рамках спортивной школы руководителю необходимо ставить такие цели и задачи, которые помогут сотруднику самореализовываться и доказывать свою значимость,

а мотивацией к этому и в дальнейшей работе для достижения высоких результатов могут служить различные поощрения и стимулирование со стороны руководства учреждения.

На сегодняшний день в учреждениях физкультурно-спортивной направленности методами поощрения и стимулирования служит эффективный контракт. Предполагается, что с введением этого контракта представление о труде работника учреждения как низкооплачиваемом и не престижном останутся только в воспоминаниях.

Конечно, никто не отказывается от таких видов поощрений сотрудника, которые существовали на протяжении многих лет, как благодарность, грамота за добросовестный труд, похвальное письмо, поздравительное письмо, награждение ведомственными знаками и наградами. Их никто не отменял, и они служат хорошим поощрением сотрудникам учреждения, тем более что почетные грамоты и ведомственные награды вышестоящих организаций дают возможность увеличения заработной платы работнику.

Так и целью введения эффективного контракта является увязка повышения оплаты труда с достижением конкретных показателей качества оказываемых государственных услуг в учреждении физкультурно-спортивной направленности. Таким образом, стимулирующего и компенсационного характера: выплаты за интенсивность и высокие результаты работы, за выполнение особо важных и ответственных работ; выплаты за качество выполняемых работ; выплаты за стаж непрерывной работы, выслугу лет; премиальные выплаты по итогам работы; выплаты работникам, занятым на тяжелых работах, работах с вредными (или) опасными и иными особыми условиями; выплаты за работу в условиях, отклоняющихся от нормальных; надбавка за работу со сведениями, составляющими государственную тайну.

Все выше сказанное это хорошо, но порой, главной мотивацией сотрудника или работника любого учреждения или организации является взаимопонимание с руководством возможность беспрепятственного общения со своим руководителем на предмет улучшения условий труда или реализации собственных инициатив, которые не противоречат целям и задачам, поставленным в учреждении. Такую мотивацию ученые называют аффилиацией, что означает стремление к установлению или поддержанию отношений с другими людьми, стремление к контакту и общению с ними. Сущность аффилиации состоит в самооценности общения. Такое общение должно принести удовлетворение, захватывать и нравиться человеку.

Очень часто аффилиционная мотивация является главным звеном, чтобы у школьника или занимающегося спортсмена было постоянное желание посещать занятия в школе или тренировочные мероприятия в спортивном учреждении. Параллельно с этим звеном идет негативная мотивация, которая может быть вызвана возможными неприятностями, неудобствами наказанием. Все это может произойти в случае невыполнения какой-либо деятель-

ности. Например, спортсмена к тренировкам могут побуждать требования и угрозы родителей, боязнь не попасть в состав члена команды для участия в соревнованиях или быть исключенным из спортивной школы. Тренировочные мероприятия под влиянием такого мотива приобретают характер защитного действия и являются принудительными.

Таким образом, негативная мотивация, в том числе и наказание, — достаточно сильный мотивационный фактор, который способен побуждать человека к деятельности, однако не лишенный многих недостатков и нежелательных последствий.

Так вот, чтобы избежать использование негативной мотивации, руководителю учреждения следует обязательно в своей работе исходить из определенного образа работника, его потребностей и мотивов, анализировать структуру потребностей и мотивов личности и их проявление, изучать влияние на мотивацию различных факторов среды.

Таким же образом, вышесказанное следует принимать в работе занимающимися в учреждении физкультурно-спортивной направленности. Также изучать потребности индивида, мотивы личности, анализировать структуру потребностей. При этом нельзя забывать о мотивации самоутверждения, когда у занимающегося появляется стремление утвердить себя в социуме, когда спортсмен пытается доказать окружающим, что он чего-то стоит, стремится получить определенный статус в коллективе, обществе, хочет, чтобы его уважали и ценили. Все это является стремлением к самоутверждению, к повышению своего формального и неформального статуса, к позитивной оценке своей личности, что является существенным мотивационным фактором, который побуждает спортсмена интенсивнее тренироваться и развиваться.

И вместе с этим работнику спортивной школы, который занимается со спортсменами важно учитывать в своей работе мотивацию идентификации с другим человеком — стремление быть похожим на героя, кумира, авторитетную личность. Это может быть сам тренер, квалифицированный спортсмен, старший товарищ, отец и т. п. Такая мотивация побуждает больше заниматься и развиваться.

К сожалению, ушло то время, когда спортсмены нашей страны и работники учреждений физкультурно-спортивной направленности работали и показывали результат не за материальные блага, как в основном в наше время, а за идеологию и ради престижа нашей страны. На сегодняшний день, руководителю учреждения необходимо провести большую психологическую, структурную, практическую работу по разработке мотивации для побуждения к результативной деятельности работников и спортсменов. Большую часть времени руководитель тратит на анализирование материальных благ и финансовых затрат для обеспечения функционирования труда работников различных профессий и привлечению населения занятием спортом и развитию заинтересованности в достижении высоких результатов как в работе, так и в спорте.

Для этого руководитель и административный персонал спортивной школы обеспечивает работников необходимыми средствами для высокой производительности труда. А занимающимся в спортивной школе, которые показывают своим стремлением и упорством достойный результат на соревнованиях, выделяются из запланированных средств учреждения спортивный инвентарь, спортивная форма, средства для обеспечения участия в соревнованиях и учебно-тренировочных сборах. Это еще один из видов мотивации, при которой сотрудник и спортсмен спортивной школы понимает, что он будет вознагражден за свою старательность и деятельность в процессе завоевания статуса, внимания, признания, славы.

Однако, если мотивация слишком сильна, увеличивается уровень активности (и в поведении), могут наступить

определенные разлады, т. е. эффективность работы и тренированности ухудшаются.

Экспериментально установлено, что существует определенный «оптимум» мотивации, при котором любая деятельность выполняется лучше всего.

В таком случае, руководителю учреждения и работнику, занимающемуся со спортсменами важно учитывать в своей работе конкретного человека, в конкретной ситуации.

Мотивировать человека означает затронуть его важные интересы, создать ему условия для реализации себя в процессе жизнедеятельности. Для этого человек, по меньшей мере, должен быть знаком с успехом, иметь возможность увидеть себя в труде, ощущать свою значимость.

Научно-исследовательская работа преподавателей физического воспитания в высших учебных заведениях

Коршунова Ольга Сергеевна, старший преподаватель
Новосибирский государственный университет экономики и управления

В статье рассмотрены возможности заниматься научной и исследовательской работой преподавателям кафедры физического воспитания. Предпосылки для привлечения к публицистической деятельности преподавателей, стимуляция со стороны администрации, возможные итоги.

Ключевые слова: научная деятельность, мониторинг, профиограмма, опыт, образовательный процесс, эффективность, результат

Мониторинг деятельности государственных образовательных учреждений высшего звена для оценки эффективности их деятельности, был инициирован Указом Президента РФ в 2012 г. Одним из важнейших критериев оценки, помимо непосредственно, образовательной деятельности, является научно-исследовательская работа профессорско-преподавательского состава ВУЗов. В расчет берется объем научно-исследовательской работы (НИР) в расчете на одного научно-педагогического работника учебного заведения. Что подразумевает по этой деятельности? Вот такой мы находим ответ на этот вопрос в материалах Википедии: «НИР — работы поискового, теоретического и экспериментального характера, выполняемые с целью определения технической возможности создания новой технологий. НИР подразделяются на фундаментальные (получение новых знаний) и прикладные (применение новых знаний для решения конкретных задач) исследования». А так же: «работа научного характера, связанная с научным поиском, проведением исследований, экспериментами в целях расширения имеющихся и получения новых знаний, проверки научных гипотез, установления закономерностей, проявляющихся в природе и в обществе, научных обобщений, научного обоснования проектов». [1]

Как же картина выглядит на практике, конкретно в Новосибирском Государственном Университете Экономики и Управления на кафедре физического воспитания и спорта. Не умаляя роли научных исследований в университете, преподавателям физической культуры сложно интегрироваться в этот процесс. Материально-техническая база кафедры не предусматривает наличие лаборатории и необходимого медико-биологического инструментария для проведения экспериментов. Да и сама публицистическая деятельность в ведущих научных изданиях материально затратная для преподавателей кафедры. А территориальная удаленность является препятствием для общения с представителями ведущих научных школ, освоения грантов и других внешних форм для финансирования науки. Да и явного энтузиазма в этом направлении преподаватели кафедры не проявляют. Фактором, влияющим на необходимость заниматься научно-исследовательской работой в вузе, является контрактная система заключения договоров, в которой обязательной статьей прописана наличие такой деятельности и критерии её оценки. Так же присутствует материальная заинтересованность, выраженная в стимулирующих выплатах по итогам календарного и учебного года, но эта мера не является эффективной. В целом можно отметить, что смещение

центра тяжести с преподавания на научно-исследовательскую деятельность сторону чревато снижением качества проведения практических занятий для студентов. Задача преподавателя, найти золотую середину, не быть назидательной и директивной фигурой в глазах студента, а регулировать учебный процесс и заниматься его общей организацией. [2] Но все же, положительная динамика в этом направлении появляется, если ранее в индивидуальном плане преподавателя в разделах НИР и НИРС (научно-исследовательская деятельность со студентами) были пробелы то в последние пару лет эти графы наполнены содержанием научных мероприятий. К ним относятся участие в ежегодной научной сессии преподавателей, в рамках дней науки НГУЭУ, подготовка студентов к аналогичному мероприятию среди молодежи, публицистическая деятельность, участие с докладами во внешних научно-практических конференциях и т.п. Планирование научно-методической работы и следование этому плану — объективная необходимость и одновременно важное условие формирования профессионализма преподавателей, развития креативности, компетентности, творческого подхода в педагогическом процессе. А это делает практические занятия эффективными, эмоциональными, адаптированными к здоровью и способностям современной молодежи.

Научно-методическая деятельность — целостная система мер, основанная на достижениях науки и практики, направленная на всестороннее развитие творческого потенциала педагога, а в конечном итоге — на повышение качества и эффективности образовательного процесса, на рост уровня образованности, воспитанности и развитости обучающихся. [3]

По итогам распределения дополнительных средств на развитие науки в НГУЭУ в 2015 году кафедра физического воспитания и спорта получила грант на исследовательскую деятельность. Заявку для гранта готовила инициативная группа, уже имеющая опыт научно-исследовательской работы. В команду входят кандидаты наук, аспиранты, студенты старших курсов, зарекомендовавшие себя отличной учебой и планирующие дальнейшее обучение в аспирантуре. Наименование проекта: «Развитие психолого-педагогических технологий в системе физического воспитания и саморазвития студентов экономического вуза». Тема исследования: развитие психолого-педагогических технологий в системе физического воспитания и саморазвития студентов. Коллектив преподавателей ставит своей целью создание условий по разработке новых образовательных, оздоровительных, и профилактических программ для студентов вуза. Методами исследования стали: диагностика психического состояния и свойств личности, и тестирование уровня физического состояния студентов. Исследования проводились со студентами второго курса экономического и социально-гуманитарного факультета. Научно-исследовательский грант рассчитан на 2015 календарный год, сумма грантовой поддержки составляет триста тысяч рублей. В эту сумму входит приобретение необходимого для исследо-

вания инструментария, публикация материалов, участие в конференциях по актуальной тематике, расходы на полиграфическую продукцию, оплату труда и т.д. В июне предусмотрен промежуточный отчет по результатам исследования. На начало нового учебного года планируется исследование студентов первого курса тех же факультетов, для проведения сравнительного анализа и разработки технологии физического воздействия, направленного на повышения уровня знаний, информативности, и практическому навыку по рациональному двигательному режиму. По итогам будут разработаны методики использования средств оздоровительной физической культуры для совершенствования морфо-функциональных возможностей организма с учетом психологического и физического состояния студентов. При рекомендации физических нагрузок будет учитываться профессиограмма будущих специалистов, их психологический и физиологический потенциал как будущих специалистов. В области сохранения и укрепления здоровья студентов в качестве структурных компонентов комплексного подхода используется множество параметров, отражающих особенности психофизического статуса и отдельных компонентов жизнедеятельности. В основном данное многообразие базируется на концептуальной основе изучения физического психического и социального компонентов здоровья. [4]

На повышение международной конкурентоспособности отечественного высшего образования правительством РФ в 2014–16 годах планируется направить 25 млрд. рублей. Стимулировать продвижение в международных рейтингах и попадание в первую сотню мировых образовательных центров распланировано до 2020 года. И результат уже не заставил себя долго ждать, по итогам Times Higher Education Московский государственный университет (МГУ) имени Ломоносова занял 25-е место в репутационном рейтинге вузов. Для России это удачный год, благодаря тому, что МГУ поднялся на 25-е место, а еще один университет вошел в рейтинг. Хорошая репутация в мире очень важна, поскольку помогает университетам и России в целом привлекать и удерживать талантливых людей. Но Россия тоже должна быть бдительна: между этими прекрасными репутационными данными и жесткой объективной методологией рейтинга лучших университетов мира — зияющая пропасть (из средств массовой информации от 12 марта 2015г)

Репутация университета субъективна, но она имеет большое значение при сегодняшней жестокой конкуренции на мировом рынке, помогая привлечь лучшие таланты среди студентов и профессоров и притягивая инвестиции.

Динамика в этом процессе наметилась, важно сохранить и развить этот потенциал. Эффективно использовать бюджетные средства, это даст возможность развиваться и периферийным высшим учебным заведениям. Талантливой молодежи много, и дать возможность получить ей достойное образование — задача и государства, и учебных заведений и преподавательского состава этих образовательных учреждений.

Литература:

1. По материалам Википедии: <https://ru.wikipedia>.
2. Коршунова, О. С. Философский взгляд на физическое воспитание в современной России Молодой ученый. 2015. № 3 (83). с. 868–870.
3. Кувишникова, И. А. Научно-методическое обеспечение регионального дополнительного образования. 13.00.01 Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. Рязань-2006.
4. Бондин, В. И. Здоровьесберегающие технологии в системе высшего педагогического образования/В. И. Бондин// Теория и практика физ. Культуры. — 2004. — № 10 с. 15–18.

Система подготовки юных баскетболистов на этапе начальной подготовки в ДЮСШ № 4

Сергеева Александра Ивановна, магистр педагогики, тренер-преподаватель
МБОУ ДОД ДЮСШ № 4 (г. Иркутск)

Спортивные игры, и особенно баскетбол, характеризуются значительными физическими нагрузками, которые определяются игровой деятельностью спортсменов-баскетболистов, условиями игры, характером выполняемых игровых действий и особенностями соревновательной борьбы, происходящей в ходе баскетбольного матча [1]. Специфика этого вида спорта, характер и содержание двигательных действий, а также условия, в которых они проводятся, в значительной мере определяют уровень специальной подготовки как отдельных игроков, так и баскетбольных команд в целом [2]. Двигательная деятельность баскетболистов во время игры сложна и разнообразна, и выполняется с большой интенсивностью мышечной работы. Включение значительного числа различных по структуре, характеру и степени сложности двигательных актов, среди которых основными являются действия с мячом (ведение, обводка, остановки, передачи, броски в кольцо из различных положений), а также перемещения по площадке в различных направлениях и различными способами (ходьба, бег, ускорения) предъявляют высокие требования к уровню подготовленности каждого баскетболиста, вынужденного к тому же играть в непосредственном контакте с соперником [3].

Процесс становления мастерства баскетболистов занимает длительный промежуток времени и, как известно из данных литературы, его основу составляет начальный этап подготовки, где наиболее важной задачей является обеспечение физической и технической пригодности спортсмена к занятиям баскетболом [6].

Баскетбол состоит из естественных движений (ходьба, бег, прыжки) и специфических двигательных действий без мяча (остановки, повороты, передвижения приставными шагами, финты и т. д.), а также с мячом (ловля, передача, ведение, броски). Противоборство, целями которого являются взятие корзины соперника и защита своей, вызывает проявление всех жизненно важных для чело-

века физических качеств: скоростных, скоростно-силовых и координационных способностей, гибкости и выносливости. Достижение спортивного результата требует от играющих целеустремленности, настойчивости, решительности, смелости, уверенности в себе, чувства коллективизма. [9]. Такое всестороннее и комплексное воздействие на занимающихся дает право считать баскетбол не только увлекательным видом спорта, но и одним из наиболее действенных средств физического и нравственного воспитания в различные возрастные периоды [10].

Задачи этапа начальной подготовки

1. Отбор способных к занятиям баскетболом детей.
2. Формирование стойкого интереса к занятиям.
3. Всестороннее гармоническое развитие физических способностей, укрепление здоровья, закаливание организма.
4. Воспитание специальных способностей (гибкости, быстроты, ловкости) для успешного овладения навыками игры.
5. Обучение основным приемам техники игры и тактическим действиям.
6. Привитие навыков соревновательной деятельности в соответствии с правилами мини-баскетбола.

Задачи начальной специализации

(1–2-й годы для девушек, 1–3-й годы для юношей)

1. Воспитание физических качеств: быстроты, гибкости, ловкости и специальной тренировочной выносливости.
2. Обучение приемам игры («школа» техники), совершенствование их в тактических действиях.
3. Обучение тактическим действиям (в основном индивидуальным и групповым) и совершенствование их в игре. Баскетболисты выполняют различные функции во взаимодействии. Четкой специализации по амплуа еще нет.

4. Приобщение к соревновательной деятельности. Участие в первенстве района, города. — Начальной подготовки (НП) — на него зачисляются учащиеся общеобразовательных школ, желающие заниматься спортом и имеющие разрешение врача. На этом этапе осуществляются физкультурно-оздоровительная работа, направленная на разностороннюю физическую подготовку и овладение основами техники выбранного вида спорта — баскетбола, выбор спортивной специализации и выполнение контрольных нормативов для зачисления на учебно-тренировочный этап подготовки [7].

Система отбора

Отбор в ДЮСШ представляет собой многолетний и многоэтапный процесс реализации комплексных мероприятий, направленных на оценку перспективности юных баскетболистов, правильную их ориентацию в спортивной деятельности, полноценное комплектование учебных групп и игровых команд, подготовку спортсменов в команды мастеров и сборные команды.

В группы принимаются практически все желающие, так как этого требуют педагогическая этика и психологические законы спортивной ориентации. На протяжении первых двух месяцев тренер ведет наблюдение за поведением и деятельностью детей при выполнении различных упражнений и участии в подвижных играх. По данным этих наблюдений делается предварительное заключение о соответствии учащихся основным требованиям баскетбола. В случае явных противопоказаний родителям в тактичной форме указывается на то, что их ребенку нецелесообразно заниматься баскетболом [8].

Параллельно тренеры, ответственные за подготовку учащихся данного возраста, осуществляют целевой набор по общеобразовательным школам, основываясь на визуальных оценках роста и некоторых морфофункциональных особенностях детей.

Затем отбор осуществляется на протяжении трех этапов.

— 1-й этап (вторая половина ноября). Специально сформированная при директоре СДЮШОР экспертная комиссия (завуч, руководитель методического объединения, старший тренер школы, старшие тренеры клубов девушек и юношей и старший тренер, ответственный за набор) организует просмотр учащихся в форме экспертизы, игр и соревнования. Экспертиза учитывает: рост, вес, длину тела с вытянутой вверх рукой, размер ноги, рост и конституцию тела родителей, проявления двигательных способностей детей в сложнокоординационных упражнениях. В форме игры проводятся различные эстафеты, в ходе которых также оцениваются двигательные способности детей. В форме соревнований осуществляется прием контрольных нормативов по следующим тестам: бег на 20 м, высота выпрыгивания, прыжок в длину с места.

— 2-й этап (через три месяца после 1-го этапа, вторая половина февраля). Экспертно оцениваются рост, морфофункциональные особенности и проявления двигательных

способностей (темп прироста по сравнению с 1-м этапом). В форме соревнований проводятся названные выше три теста, подвижные игры («Разведчики», «Охотник и утки», «Быстро в щит», «Бегуны») и игры в мини-баскетбол.

— 3-й этап (через два месяца после 2-го этапа, конец апреля — начало мая). Принимаются контрольные экзамены по общей и специальной физической подготовке (те же три теста, тест «5х6» и «Комбинированный тест»), проводится турнир по мини-баскетболу. По итогам 3-го этапа отбираются лучшие юные баскетболисты для выезда в летний спортивно-оздоровительный лагерь [2].

ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ

Одной из наиболее актуальных проблем подготовки юных баскетболистов является необходимость совершенствования учебно-тренировочного процесса направленного на повышение эффективности и качества обучения. При решении задач развития физических качеств рекомендуется преимущественно использовать скоростные и скоростно-силовые упражнения, выполняемые сначала в оптимальном, а затем — в максимально возможном для спортсменов каждого возраста темпе. Силовые нагрузки следует дозировать в пределах 60–80% от максимальной (8–19 повторений одного действия).

При беговых циклических упражнениях на короткие отрезки скорость передвижения необходимо устанавливать в зависимости от возраста занимающихся в пределах 70–90% от максимальной [4].

Структуру учебно-тренировочных занятий рекомендуется строить по обще принятым компонентам: вводную, основную, заключительную части.

Во вводную часть (до 25–30 мин.) следует включать упражнения, направленные на развитие статико-кинетической устойчивости (8–14 раз продолжительностью 15–20 сек. каждое с интервалом отдыха между ними 35–45 сек.); подвижности в суставах, силы мышц брюшного пресса и т. д. (5–7 мин. от времени вводной части с интервалом 30–40 сек.).

В начале основной части тренировочного занятия по баскетболу, особенно в подготовительных группах, рекомендуем отводить 12–15 мин времени на развитие скоростно-силовых качеств с одновременным выполнением элементов базовых двигательных действий баскетболистов.

В середине основной части тренировочных занятий 15–20 мин. следует отводить на разучивание, закрепление и повторение элементов двигательных действий, а конце 20–25 мин. отводить на подвижные игры и эстафеты в которых идет развитие двигательных качеств. При этом в первые 9–10 мин. следует выполнять скоростно-силовые упражнения с преимущественной скоростной направленностью. Продолжительность одноразовой нагрузки должна составлять 15–20 сек. Упражнения следует повторять 3–5 раз с интервалом отдыха 60–70 сек. Перед выполнением 3–5 упражнений время отдыха следует увеличить. В качестве примера можно перечислить некоторые из них: челночный бег 10x10 м; бег спиной

вперед; бег с поворотами на 90° и кругом; бег с 2–3 набивными мячами в руках весом 1 кг каждый; продвижение вперед подскоками в упоре лежа с одновременным отталкиванием руками и ногами; бег с партнером на спине, плечах; передвижение на руках с поддержкой партнером за ноги; опорные прыжки через 2–5 снарядов; кувырки и т.д.

В последующие 10–15 мин. следует продолжить выполнение скоростно-силовых упражнений с преимущественной силовой направленностью и собственно силовые упражнения. Величину нагрузки (сопротивления) при выполнении силовых упражнений рекомендуем выбирать такой, чтобы юные баскетболисты могли повторить данное упражнение в одном подходе с большим напряжением 8–10 раз, при использовании отягощений — продолжительность упражнений должна составлять до 30 сек., интервалы отдыха между упражнениями до 45–60 сек. Всего рекомендуется 3–5 упражнений.

В тренировочных занятиях силовые упражнения рекомендуем для 2–3 смежных групп мышц, которые делятся на четыре основные группы: мышцы спины, рук и плечевого пояса, брюшного пресса, ног. Если на тренировке выполнялись упражнения для мышц спины, рук и плечевого пояса, то на следующей тренировке — рук и плечевого пояса, а также брюшного пресса, на следующий — для мышц брюшного пресса и ног, потом ног и спины. Таким образом, цикл воздействия на основные группы мышц продолжается 4 занятия. К концу учебного года рекомендуем увеличить продолжительность одноразовых нагрузок на 10–15 сек. за счет сокращения интервалов отдыха. При выполнении скоростных и скоростно-силовых упражнений рекомендуем применять соревновательный и игровой методы с делением группы на 2–4 команды, а при выполнении силовых упражнений — фронтальный или групповой.

При проведении микроцикла с силовой направленностью, рекомендуем после подготовительной части в течение 15–20 мин. выполнять силовые упражнения с небольшими весами, отягощениями и амортизаторами, затем планировать разучивание или совершенствование учебного материала, проведение двусторонних подвижных игр с элементами баскетбола и т.д., на что необходимо отводить 30–45 мин [1].

Таким образом, начальный этап подготовки предусмотрен для тренировки всех желающих детей заниматься спортом по программе общей физической подготовки, не имеющих медицинских противопоказаний. В нашей ра-

боте целесообразно отметить несколько тенденций, характерных для развития детско-юношеского спорта в стране.

На ранних этапах подготовки (предварительной подготовки и начальной спортивной специализации) особенно важно выявить морфологические особенности занимающихся, их соответствие конкретным требованиям вида спорта, определить сенситивные периоды в свете развития основных физических качеств, способности к обучаемости различным упражнениям, типологические свойства нервной системы, темперамент.

Результативность процесса спортивной тренировки во многом зависит от правильного планирования средств и методов для развития физических качеств. Тренер-преподаватель должен хорошо знать основные средства и методы развития и совершенствования разных двигательных способностей, а также способы организации занятий. В этом случае он сможет точнее подобрать оптимальное сочетание средств и методов их совершенствования применительно к конкретным условиям.

Эффективность тренировочного процесса может быть обеспечена на основе определенной структуры, представляющей собой относительно устойчивый порядок объединения компонентов тренировочного процесса, их общую последовательность и закономерное соотношение друг с другом [5].

Спортивные занятия с юными спортсменами строятся в соответствии с общими закономерностями построения занятий по физическому воспитанию. Их эффективность в значительной степени зависит от рациональной организации, обеспечивающей должную плотность занятий, выбора оптимальной дозировки нагрузки, тщательного учета индивидуальных особенностей занимающихся. В зависимости от вышеперечисленных факторов, этапа подготовки предпочтение может быть отдано различным организационным формам тренировочных занятий; групповой, индивидуальной, фронтальной, а также самостоятельным занятиям.

В основу методики физической подготовки по программе «Баскетбол» положена концепция тренировки, как научно обоснованная теория управления повышением физического потенциала школьников. Высокий уровень развития двигательных качеств и способностей, общей и физической работоспособности могут быть приобретены воспитанниками путем тренировки, путем реализации целенаправленного процесса адаптации их к двигательной деятельности необходимого объема и достаточной интенсивности [4].

Литература:

1. Аль Кхатиб Ахмад, автореферат Начальное обучение юных баскетболистов на основе скоростно-силовой подготовки., Волгоград, 2004, — 209 с.
2. Бабушкин, В. З. Специализация в спорт играх. Киев, 1991, — 164 с.
3. «Баскетбол». Поурочная учебная программа для детско-юношеских спортивных школ и специализированных детско-юношеских школ олимпийского резерва под редакцией Ю. Д. Железняка. Москва — 1984 г. 4
4. «Баскетбол. Азбука спорта». Костикова Л. В. — Москва — 2001 г. Физкультура и спорт.

5. Костикова, Л. В., Родионов А. В., Чернов С. Г. Целевая комплексная программа подготовки российских спортсменов к Играм XXX Олимпиады 2012 года в Лондоне (баскетбол). — М., РФБ, 2005.
6. Нестеровский, Д. И. Баскетбол. Теория и методика обучения. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. —: Издательский центр 1. «Примерная программа спортивной подготовки для детско-юношеских спортивных школ (ДЮСШ), специализированных детско-юношеских школ олимпийского резерва (СДЮШОР)» Ю. М. Портнов и др. Москва — 2004 г. «Советский спорт». 100 с.
7. «Примерная программа спортивной подготовки для детско-юношеских спортивных школ (ДЮСШ), Иркутск — 2013 г. 27 с.» Академия». 2008.
8. «Примерная программа спортивной подготовки для детско-юношеских спортивных школ (ДЮСШ), специализированных детско-юношеских школ олимпийского резерва (СДЮШОР)» Ю. М. Портнов и др. Москва — 2004 г. «Советский спорт». 100 с.
9. «Спортивные игры». Учебник для вузов. Том 1. Под редакцией Ю. Д. Железняка, Ю. М. Портнова. Москва — 2002 г. Издательский центр «Академия».
10. Программа дисциплины «Теория и методика баскетбола». Для вузов физической культуры. Под редакцией Ю. М. Портнова. Москва — 2004 г.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Этнофутуризм в современной удмуртской моде

Анфиногенов Богдан Витальевич, аспирант
Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН

В статье впервые с позиции идеи и философии этнофутуризма рассматривается деятельность ведущих удмуртских дизайнеров одежды. Охвачен период 1990-х и 2000-х годов, в котором были различные тенденции в создании удмуртской одежды, как сценической, так и повседневной. Рассматриваются такие модельеры как Л.А. Молчанова, Т.Н. Москвина, Полина Кубиста, Дарали Лели, Зоя Лебедева. В качестве источников используются различные интернет публикации об удмуртской моде и собственные наблюдения автора.

Ключевые слова: этнофутуризм, этномода, удмурты, финно-угры, современная удмуртская культура, национальная одежда, Дарали Лели, Polina Kubista.

Этнофутуризм как направление в современной культуре финно-угорских народов берет свое начало в 1989 году, когда в среде молодой эстонской интеллигенции родилось данное слово, автором которого считается Свен Кивисилдник. С тех пор, на территории Эстонии, Финляндии и России проводилось большое количество конференций, фестивалей, симпозиумов и других мероприятий, посвященных этнофутуризму. Этнофутуризм стал объектом исследований культурологов, искусствоведов и литературоведов, на эту тему защищено уже несколько кандидатских диссертаций. Стоит отметить, что основными проявлениями этнофутуризма до сих пор считаются работы художников и литераторов, чаще всего представителей финно-угорских народов. Однако, это не совсем правильно. Ведь этнофутуризм давно перешел рамки финно-угорского мира и стал распространяться практически повсеместно на территории России, в культурах различных народов. В то же время, этнофутуризм совершенно не обязательно может развиваться в рамках только художественного и литературного направления. Известно, что еще на самой первой этнофутуристической конференции в Тарту, в 1994 году одной из главных целей этнофутуризма было поставлено создание малочисленным народом собственной городской культуры, с использованием массовой культуры в том числе. Поэтому, нам стало интересно рассмотреть, как же этнофутуризм развивается в такой популярной сфере современной культуры, как дизайн одежды, в каких формах присутствует он в моде Удмуртии, региона, в котором этнофутуризм развивался наиболее активно.

Перед тем как начать обзор, необходимо отметить, что на данный момент самым популярным и известным

модельером, называющим свой стиль этнофутуризмом, является Дарья Разумихина. Она является владельцем собственной одноименной торговой марки, существующей с 1998 года. С 2010 года она имеет свой интернет-магазин и шоу-рум «ЦЕХ Дарья Разумихиной» в Центре современного искусства «ВИНЗАВОД». Примечательно, что она разрабатывала также костюмы для Театра русской песни Надежды Бабкиной. Ее коллекции показывались в Норвегии, Швейцарии, Великобритании, Голландии. Ее костюмы хранятся в Парижском Музее моды и костюма Гальера. «Коллекции создаются из традиционных для RAZU MIKHINA материалов: русские кружева и тесемки, настроенные на ткань всегда в разных и новых комбинациях и образующие драгоценную парчу, только натуральные ткани, аппликации с использованием различных фольклорных мотивов, оригинальные аксессуары и нестандартные решения. Разумихина, художник-орнаменталист, создает живописную, ярко декорированную одежду, близкую по приемам к этническому костюму за счет использования различных комбинаций декоративных элементов, нашиваемых на ткань» — именно так характеризуется одежда дизайнера на официальном сайте марки [4]. Исходя из всей этой информации становится ясно, что на данный момент этого дизайнера можно считать флагманом российского этнофутуризма, представляющем это направление на самом высоком уровне.

Если же перейти конкретно к урало-поволжскому региону, то в первую очередь хочется обратить внимание на Удмуртию, так как именно здесь этнофутуристическое движение набрало наибольшую популярность еще в 1990-х годах, породив появление нескольких масштабных этнофутуристических фестивалей и бурное раз-

витие этнофутуризма как направления в художественной культуре, литературе, музыке, этнотуризме и т.д. Первым удмуртским «этнофутуристом» в области дизайна одежды является Л.А. Молчанова. Именно она работала художником по костюмам к фильму «Тень Алангасара» и после этого реконструировала древнеудмуртский костюм начала нашей эры, при этом еще и защитив на эту тему кандидатскую диссертацию [2]. Затем она создавала костюмы для этнографических удмуртских ансамблей, сотрудничала с режиссером Ольгой Александровой, сшив костюмы для молодежного театра «Иднакар» и театра обско-угорских народов «Солнце», ее коллекции показывались на этнофутуристических фестивалях в Ижевске. В данный момент она является доцентом УдГУ и продолжает работу над новыми коллекциями. С 2003 года на факультете удмуртской филологии УдГУ начинает работу студия молодежной этнической моды «Неофолк», творчество которой также можно назвать этнофутуристическим. «Задача студии — не дать угаснуть этой исторической памяти, не дать раствориться ей в так называемой «массовой культуре» гласит концепция студии [3]. Коллектив становился дипломантом первого и второго этнофутуристического юмшан-фестиваля «Новая песня Древней Земли» в 2003, 2004 году. Отметим, что коллекции «Неофолка» были также ориентированы в основном на специальные показы, нежели на повседневное использование, как и проекты Л.Н. Молчановой. В одежде этого периода доминировали мифологические, древнеудмуртские мотивы, геометрическая удмуртская символика.

Однако, со временем ситуация в этномоде Удмуртии начинает меняться. Происходит это благодаря появлению новых, молодых дизайнеров, таких как Полина Кубиста и Дарали Лели. В 2008 году выпускница УдГУ Полина Булдакова берет себе псевдоним «Кубиста», что в переводе с удмуртского значит «капуста», и начинает создавать свою линию одежды. Продюсер Павел Поздеев в том же году покупает некоторые ее вещи для музыкальной группы «Малпан» и со временем она начинает обретать большую популярность в удмуртском мире и за ее пределами. Стоит отметить, что на данный момент марка Polina Kubista известна как в России, так и зарубежом, особенно в Финляндии. В июле 2012 года модельер открыла собственный шоу-рум в Ижевске. Полина Кубиста также является участницей Международной недели моды Aigoga Fashion Week в Санкт-Петербурге. Принципиальным отличием продукции Кубисты от предыдущих удмуртских этномоделеров является то, что ее можно носить в повседневной жизни, а не только на сцене или в фильме. Отсюда и большой коммерческий успех данной марки. «Стиль Polina Kubista — это сочетание женственности и универсальности, изящества и удобства, этнического и интернационального.

Многослойность, необыкновенные стилевые решения, игра с цветом и фактурами — особенная черта коллекций — написано в официальной группе марки Вконтакте [6]. На данный момент, по ее примеру движется

целая плеяда молодых модельеров. Это Дина Derem, Ольга Vuzheg, Никита Inwoo, Катерина Сюан, Вера Кузнецова, Ксения Чимали, Надя Сапожникова и другие. Работы практически всех удмуртских дизайнеров, развивающих национальный материал, можно приобрести в еще одном шоу-руме Ижевска «ДаралиЛавка», владельцем которой является Алёна Петрова (Дарали Лели). Переводчик, писатель, сценарист, культурный менеджер, диджей Дарали Лели, открывшая в 2012 году собственное модельное агентство «Mademoiselle Oudmourte» является одной из самых значимых фигур национальной удмуртской моды. Важной чертой ее деятельности является привнесение новейших тенденций мировой авангардной культуры в удмуртское общество, попытка синтеза гламура и удмуртского национального колорита. Она же является организатором фестиваля удмуртской моды «Эль ныл». Интересно, что Дарали Лели в студенческие годы писала дипломную работу на тему «Этнофутуризм в удмуртской литературе». «Деревня, признавая удмуртский язык умирающим, еще реже стала уделять внимание национальным журналам, книгам на родном языке, а подключилась к интернету, стала покупать на базарах блестящие в стразах платья, лакированные туфли и золотые сумки. Единственно правильным способом уцелеть стало схватить остатки национальной гордости и приноровиться к законам гламура» — пишет она в своей статье «Этнофутуризм vs. гламур» [1]. Однако, несмотря на отрицание самого термина «этнофутуризм» и его перспектив, деятельность Дарали Лели по своей сути вполне соответствует концепции этнофутуризма и решает те цели, которые ставили основатели этнофутуристического движения.

Также этнофутуристическими по своему характеру и направленности можно назвать работы З.М. Лебедевой из села Бураново и Татьяны Москвиной из села Малая Пурга. В художественном пространстве Ижевска и Удмуртии, да и шире — в Поволжье и больших культурных центрах страны Лебедеву хорошо знают как создателя уникальной техники плетения панно из растительного сырья. В основу изделий ложатся любые травы, собранные на лугах Удмуртии. Большим успехом пользовались ее выставки «Бöлякьёс», «Актуальная этнография». Среди работ З.М. Лебедевой не только плетение из трав, ею была создана коллекция этно-фантазийных шапок, кукол-«онгонов», коллекций лоскутных платьев, проведено большое количество перфомансов, в том числе на самых первых этнофутуристических фестивалях в Удмуртии.

Пожалуй, самым авторитетным удмуртским модельером на данный момент является Т.Н. Москвина. Долгое время она работала реставратором в Республиканском музее изобразительных искусств, изучала народный удмуртский костюм во всем его многообразии. На основе традиционных знаний ею были созданы коллекции удмуртских платьев, дукесов, головных уборов и т.д. Знаменитый ансамбль «Бурановские бабушки» заказывает костюмы только у Татьяны Никитичны, собственного дизайнера и модельера. «Я в национальном платье хожу, из современных тканей

шью платья, которые когда-то носили в Удмуртии. Эта традиция сохранилась в деревнях нашего Малопургинского района, в некоторых деревнях Алнашского и Киясовского районов. Сейчас современные сельские жители носят турецкий или китайский ширпотреб, и не потому, что он им особо нравится. На рукоделие просто не остаётся времени» — рассказывает она в одном из своих интервью [5]. Своей деятельностью, созданием удмуртской одежды, которая не только подчеркивает национальную удмуртскую самобытность, но и имеет удобные и практичные современные качества Т. Н. Москвина борется с этой ситуацией. Этнофутуризм в одежде от Т. Н. Москвиной проявляется во всём: например, используя современные ткани, заказанные из Индонезии и Китая, она создаёт платья с традиционным удмуртским фасоном и кроем. А дукесы, также имея этнографическую точность в форме и деталях, благодаря интересным цветовым решениям становятся актуальными предметами гардероба молодой девушки, наравне с современными пальто.

Подводя итог этому краткому обзору, хочется выделить несколько основных выводов. Во-первых, несмотря на нечастое присутствие названия этнофутуризм по отношению к национальной моде, нельзя отрицать наличие данного направления в Удмуртии. Как и в случае с художниками и писателями, сами авторы могут не знать о су-

ществовании каких-либо направлений и не задумываться о их названиях. Однако их творчество при этом может органично вписываться в это направление, в его основную идею. Во-вторых, этнофутуризм в удмуртской моде можно условно разделить на два периода: 1990 — первая половина 2000-х и вторая половина 2000х — наши дни. Если для первого периода было характерно обращение к древноудмуртскому костюму, мифологическим мотивам, авангардным, сценическим костюмам, не предназначенным к повседневному использованию, то второй период меняет эту тенденцию, делая попытки коммерческого использования национальных удмуртских мотивов в современной одежде, создавая вещи с удмуртским колоритом для обычных людей, городских и деревенских жителей. Хочется отметить, что в настоящее время всё чаще можно увидеть на улицах удмуртских городов и деревень девушек в современных модных национальных костюмах, разработанных местными удмуртскими дизайнерами, модно становится использовать в качестве аксессуаров традиционные удмуртские украшения: например мониста, но уже из современных монет, посесы в качестве браслетов и т. д. Всё это говорит о том, что создание современной городской культуры, с целью которого и была разработана идея этнофутуризма, находит свое отражение и развитие в национальной удмуртской одежде.

Литература:

1. Дарали Лели. Этнофутуризм vs. гламур? [Электронный ресурс] URL: <http://uralistica.com/xn/detail/2161342:BlogPost:10410>
2. Людмила Молчанова [Электронный ресурс] URL: <http://toun.ru/comanda/spec/molchanova>
3. Неофолк [Электронный ресурс] URL: <http://finno-ugry.ru/interculture/projects/neofolk>
4. О дизайнере [Электронный ресурс] URL: <http://www.razumikhina.com/about/#.VZ0i5JCnzZ8>
5. Татьяна Москвина: «Костюм можно читать как книгу, полную важных и древних знаний о жизни и о людях» // Известия Удмуртской Республики № 147, 2012. [Электронный ресурс] URL: <http://izvestiaur.ru/ashalchi/6581501.html>
6. Polina Kubista Studio [Электронный ресурс] URL: <https://vk.com/polinakubistastudio>

Василий Розанов как писатель Серебряного века

Бессонова Елена Васильевна, специалист-историк
Пермский государственный национальный исследовательский университет

Василий Розанов был не только мыслителем, философом, публицистом, литературным критиком, но и писателем. Его собственный вклад в литературу — это прежде всего «Уединенное» (1912) и «Опавшие листья» (короб первый — 1913; короб второй — 1915). В. Розанов создал новый жанр, в основе которого лежит принцип «случайных записей», набросков «для себя», подчас бесформенных и непоследовательных, но отражающих процесс мышления, что было для В. Розанова существеннее любой законченной системы или догмы.

В этих книжках Василий Васильевич предстает перед нами совершенно открытым, нараспашку открывая дверь в свой внутренний мир, «как в бане нагишом» [13, с. 145]. М. Гершензон писал: «Бездна и безнаказанность —

вот что в ней («Уединенное»); даже непостижимо, как это Вы сумели так совсем не надеть на себя системы, схемы, имели античное мужество остаться голо-душевым, каким мать родила, — и как у Вас хватило смелости в XX веке,

где все ходят одеты в систему, в последовательность, в доказанность, рассказывать вслух и публично свою наготу...» [12, с. 231]

Этой трилогией В. Розанов хотел преодолеть литературу, хотел возвращения литературного языка к допечатному состоянию, более исконному, к вечному звучанию. Эта трилогия уже не просто книга, она становится частью человека, это беседа вдвоем, наедине с читателем, обращение к каждому лично. «Опавшие листья» — не случайно метафора, опавшие листья — листья, которые еще оторвались от дерева, но они еще живы, так же и мысли Розанова еще живут на бумаге, переливаясь всеми цветами радуги, они не стали застывшим печатным словом, потому-то главный признак творчества В.В. Розанова — рукописность.

Г. Адамович писал о стиле В. Розанова: «Но никому не удавалось создать иллюзию полного слияния слова с мыслью, никто не писал с такой непосредственностью: будто каждая фраза — моментальная фотография мысли. Никакого красноречия, никаких гармонически закругленных периодов, а все же розановский стиль — подлинное волшебство». [1, с. 157]

В.В. Розанов сам писал Э. Голлербаху 7 июня 1918 г.: «Вы знаете, что мое «Уединенное» и «Опавшие листья» в значительной степени сформированы под намерением начать литературу с другого конца: вот с конца этого уединенного, уединения, «сердца» и «своей думки!»» [11, с. 106]

В этой трилогии противоречивость, двузначность В. Розанова сменяется многоголосием! К. Чуковский писал: «Как будто не одно, а тысяча сердец, и каждое полно каким-то горячим вином, в каждом — этот изумительный «зеленый шум», «весенний шум». [16, с. 170]

В этой трилогии В. Розанов обращался к существу литературы и писательству. Современная литература казалась ему искусственной, бездушной и вину за это он возлагал на Гуттенберга, на изобретение печати: «Как будто этот проклятый Гуттенберг облизал своим медным языком всех писателей, и они все обездушили в печати; потеряли лицо, характер». [13, с. 18] И отсюда вывод о литературе сегодняшнего времени: «Оловянная литература. Оловянные люди ее пишут. Для оловянных читателей она существует». [13, с. 331]

Но это все только внешние причины; далее В. Розанов проникает глубже в суть вещей: «Не литература, а литературность ужасна; литературность души, литературность жизни. То, что всякое переживание переливается в играющее, живое слово: но этим все кончается, — само переживание умерло, нет его». [13, с. 92]

Литературность жизни ужасна для Розанова, но он сам, пытаясь преодолеть литературу, был ею поглощен, он в ней жил. «И у всех «литература» была «для чего-нибудь», у меня же «литература в литературе», или другие привносили в «литературу» — несли достойнейшее, чем у меня, — как во что-то вне себя, как в «гости» и в «гостиницу». Моя же литература и даже (чего-то брезжит

на уме) литература вообще в своем рождении и существовании есть «мой дом», в который я никогда не «приходил», но тут жил всегда и должно быть беспмятно родился», — пишет Василий Васильевич. [14, с. 117]

Вот и в «Уединенном» Розанов замечает: «Литературу я чувствую как штаны. Так же близко и вообще «свое». Их бережешь, ценишь, «всегда в них» (постоянно пишу). Но что же с ними церемониться???!!!» [13, с. 172] Характерно также воспоминание З. Гиппиус: «Писанье, или, по его слову, «выговариванье», было у него просто функцией. Организм дышит, и делает это дело необыкновенно хорошо, точно и постоянно. Так Розанов писал, — «выговаривал» — все, что ощущал и все, что видел, а глядел он в себя постоянно, пристально». [3, с. 143]

Но это была единственно возможная победа над литературой, узнать ее изнутри, довести до предела. Жанр розановской трилогии — это реализм, доведенный до предела, до микроскопичности, — куда же дальше?

Вообще же свой дар, свой талант В. Розанов считал грехом, как считал греховой всю литературу. Не каждому дано — выставить себя всего напоказ: все мысли, чувства, движения души. Постоянно записывать этот нескончаемый водоворот мыслей: не характерно ли это для модерна — поставить жизнь как искусство, всю жизнь как литературу? В этом смысле у В. Розанова было ощущение, что он — последний писатель, поскольку он дошел до предела жанра. Но ощущение конечности, финальности вообще было характерно для эпохи Серебряного века, так В. Маяковский в стихах также называл себя последним поэтом.

Но есть в этой трилогии и более оптимистичные высказывания о литературе: «Вот когда почувствуешь свое бессилие в литературе, вдруг начинаешь уважать литературу: «Как это трудно! Я не могу!» Где «я не могу» — удивление и затем восхищение (что другие могут). У меня это редкий гость, редчайший». [13, с. 141]

В русской литературе В. Розанов подчеркивал ее гуманизм, психологичность, тема человека, его души — главная тема русской литературы. «Вся русская литература антропологична, — космологический интерес в ней слаб. Вся сосредоточенность мысли, вся глубина, все пронимание у нас относится исключительно к душе человеческой, к судьбе человеческой, — и здесь по красоте и возвышенности, по верности мысли русские не имеют соперников, — пишет он. [13, с. 390] С этой точки зрения В. Розанов высоко оценивал русскую литературу. Она прекрасно выразила глубину русской души и те она выше литературы европейской.

Но литература, по мнению Розанова, в России близка к общественному, освободительному движению, ведь «каждая большая книга русской литературы становилась ступенью в согревании русского общества». И потом, по его мнению, литература «убила государственность», развалила Россию. Мы отдали государство, Россию взамен литературы: «Еще никогда не было случая, «судьбы», «рока», чтобы литература наконец сломила

царство, «разнесла жизнь народа по косточкам», переделала «делание» в «неделание» — завертела, закружила все и переделала всю жизнь. «Литература» в каждой истории есть «явление», а не суть. У нас же она стала сутью. Россию разорвало, разорвала ее литература». [9, с. 660]

Оригинальные взгляды на русскую культуру и литературу доказывают, что В. Розанов был удивительным, противоречивым писателем. Эта противоречивость привела к тому, что вокруг Василия Васильевича постоянно бурлили полемики. П. Перцев подметил эту черту: «Вообще уже тогда стала обозначать характерная черта розановских писаний — умение вызывать по поводу себя полемику. И сколько их, этих разнообразных полемик, последовало всюду за тем! Я думаю, мало найдется в русской литературе писателей, вокруг которых кипели бы такие литературные битвы, перекрещивалось столько копий из противоположных лагерей, как вокруг и по поводу Розанова». [8, с. 149]

Среди современников были люди, которые уже тогда считали, что В. Розанов талантлив. З. Гиппиус писала: «Розанов — писатель громадного, почти гениального дарования». [3, с. 145] Н. Бердяев отзывался о нем: «Розанов был одним из самых необыкновенных, самых оригинальных людей, каких мне приходилось в жизни встречать. В нем были типично русские черты и вместе с тем он был ни на кого не похож. Литературный дар его был изумителен, самый большой дар в русской прозе. Это настоящая магия слов. Мысли его очень теряли, когда вы излагали их словами». [2, с. 168] И даже М. Горький писал Розанову: «какой у Вас огромнейший талант, какая жадная, живая, цепкая мысль. Рано Вы родились или поздно, но вы удивительно несвоевременный человек». [5, с. 306]

Но практически также много было у В. Розанова и противников, тех, кто не верил в его талант. Луначарский писал о нем: «Большой, но подлый ум». [4, с. 118] П. Струве называет его: «Большой писатель с органическим пороком». [15, с. 271] Н. Михайловский писал: «Розанов не ведет не может вести за собой: просто по-

тому, что физически невозможно идти зараз направо и налево». [12, с. 5]

Эти полемики продолжают и сейчас, после второго открытия В. Розанова в 1990-м году. Существует множество точек зрения по поводу идей, мыслей, писаний В. Розанова. Так, например, В. Библихин пишет: «Но именно у нас Розанов смеет позволить себе бескрайнюю широту вопросов. После него говорить, принадлежит ли Росси мировой цивилизации, уже анахронизм. После Розанова Россия вся, с провинциями, пригородами, огородами, коровой, колодцем, пьяным в канаве, вошла, широко въехала в единственную историю мира». Ж. Нива пишет о понятии «розановизм» — это не «двойственность кривляющегося фигляра, не гегелевская диалектика, но неповторимое своеобразное единство противоположностей». [6, с. 171] Есть и не слишком лестные высказывания. Б. Парамонов пишет: «Розанов остался тем же провинциалом: темой его писаний стали быт, кухня, задворки и кулисы семейной жизни. На его страницах душно, как в детской, — и повсюду висят предметы домашней одежды, «исподнее». [7, с. 357]

В. В. Розанов не только мыслитель, философ, но и яркий писатель-художник Серебряного века. Он создал особый жанр в литературе — на грани эссе, дневника, философского трактата. В этом он близок С. Кьеркегору, который говорил, что он не философ, а поэт; Ф. Ницше, Л. Шестаккову, философам, которые создали, по словам П. Слотердайка, особый род кентаврической литературы, жанр «живой» мысли.

В. Розанов, как и другие представители эстетики модерна, считал, что творчество должно быть спонтанным, стихийным. В. Розанову ближе созерцание, созидание мира, природы человек. Его жизнь прошла в литературе, свою жизнь он превратил в объект искусства и сделал это непосредственно, искренне. В. Розанов также ценил красоту в искусстве, определенную игру. Все эти идеи близки духу модерна с его культом красоты, жизни, ставкой на самоценность искусства. В то же время его взгляды на русскую классику, как и стремление «обнажиться» до мельчайших подробностей, предвосхитили время.

Литература:

1. Адамович, Г. Одиночество и свобода. СПб., 1993
2. Бердяев, Н. Самопознание. М., 1991
3. Гиппиус, З. Живые лица. Л., 1991
4. Горбунов, А. Н. Философ-лирик//Кентавр. 1991, № 6
5. Иокар, Л. Письма М. Горького к В. В. Розанову и пометы на книгах Розанова//Контекст — 90 М., 1990
6. Нива, Ж. Возвращение в Европу: статьи о русской литературе. М, 1999
7. Парамонов, Б. Конец стиля. СПб.; М., 1999
8. Перцов, П. П. Воспоминания о Розанове//Новый мир. 1998, № 10
9. Розанов, В. В. О писательстве и писателях//Собрание сочинений М., 1995
10. Розанов, В. В. Гершензон М. О. Переписка (1909–1918)// Новый мир. 1991, № 3
11. Розанов, В. В. Письма В. В. Розанова к Голлербаху// Звезда. 1993, № 8
12. Розанов, В. В. Религия. Философия. Культура. М., 1992
13. Розанов, В. В. Уединенное. М., 1990

14. Сукач, В. Г. Литературный феномен В. В. Розанова и его книга «Сахарна» // Литературная учеба. 1989, № 2
15. Струве, П. PATRIOTICA. М., 1997
16. Чуковский, К. Книга о современных писателях. СПб., 1914

National images of countries in intercultural interaction of world civilizations in modern period

Борисенко Ирина Вячеславовна, кандидат экономических наук, доцент;

Григорьева Гюльмира Балага кызы, старший преподаватель

Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) Донского государственного технического университета в г. Шахты
(Ростовская область)

Borisenko Irina Vyacheslavovna, Associate Professor, Candidate of Economics of the Department of Tourism and Hospitality;
Grigoryeva Gylmira Balaga kisi, Assistant Professor of the Department of Foreign languages
Institute of Services and Business (branch) DSTU Shakhty

Analysis of the problem of identity of national culture is closely linked with the definition of the place and role of Russia in the world culture. The formation of the national identity is due to the process of comparing «yourself» with «other». The sense of your national identity is the fixation of distinguishing «ours — strangers» When the ethnic culture itself is formed, then there is an intensive process of self-reflection, self-identification; «the image of yourself» is created in relation to the «images» of other people, countries and cultures. Even in ancient times in the European consciousness there was a problem of geographic and cultural identity and differentiation of people and countries. Ancient Greeks called all those who did not speak their language «barbarians». As the historian Jaspers C. says: «The Greeks laid the foundations of the Western world, and made sure that the world exists only insofar as they constantly direct their gaze to the East, which is in the disengagement with it, understanding it and pulling away from it, taking over from it some certain characteristics and processing them, fighting with it, and in this struggle the power goes alternately from one side to another». Thus, since ancient times human consciousness has had a special attitude towards the problem of forming the image of one's people and images of the others.

Our own image in Russian culture and the image of the others (the other country and its people) is an instrument of self-knowledge, the method of creation of «your own image», comparing «images» with the dynamics of the Russian cultural process and the evolution of ideas about others and about yourself.

In the history of national cultural — philosophical ideas, A. N. Erygin identified the following conceptual ideas about the definition of the place and role of Russia in the global cultural context:

The idea of exclusivity of Russia in the world history and culture;

- 1) The idea of Russia as the East;
- 2) The idea of Russia as the West;
- 3) The idea of Russia as a special Slavic civilization;

4) The idea of Russia as a Eurasian country different from the East and the West;

5) The idea of Russian specificity which is expressed in a combination of Eastern and Western characteristics or in the swinging between the East and the West;

6) The idea of Russian identity in the Christian world;

7) The idea of universality of the Russian spirit;

8) The idea of Russia as a «third force» and in this case as a synthesis of the East and the West;

9) The idea of Russia as a necessary element of global fusion [1].

Since the times of Peter I the West has been one of the important factors of national identity in Russia. «Looking in the West like in a mirror, comparing itself to it, Russia was trying to grasp its essence, to define its place in the world and its mission in history. As a result of comparing our country with its western neighbors some people came to the conclusion that Russia has its own way of development and we should not change it. Other people, while noting its backwardness of Europe and America, offered compatriots to ask «Germans» to train us and try to follow their own way». [2]. As the political scientist E. Y. Batalov says, Russia has never been a factor in the political or civilizational identity for the West. The West has always had a sense of superiority in relation to Russia. This can be explained by the influence of Eurocentric ideological doctrine, specific to Western consciousness. It is interesting to note that in times of war and conflicts the West was afraid of Russia. «But at the same time, says Batalov, they have never seen Russia as an authoritative mentor, and even more — a model to follow. So without much emotion the West concerned to Russia's opinion of itself. And it also made Russia offended and irritated» [2].

Historically Russia has formed an ambivalent attitude toward the West. Russia perceived the West as an entity different from it and at the same time as the multi-sided, internally differentiated world. This was reflected in the philosophical essays, works of art culture of the Russian thinkers and artists. Why does the West play such a crucial role in the

identity of Russia? Firstly, for Russia the West above all is its neighbor which borders it on land and sea. Since ancient times, there has been considerable interaction of the Slavic peoples with their neighbors, especially the representatives of the Roman-Germanic language community. Secondly, the West is perceived as a distinct socio-political and economic community («the capitalist world», «the bourgeois world»).

Russia in the XIX century and at the end of XX century recognized that the West had achieved considerable success in its economic, social and political development. The Euro-American civilization finds its expression in life values, social relations and institutions based on liberal-democratic values. Ideals and conceptual notions of liberal-democratic ideology were laid in ancient culture, and it was the West who brought them to perfection [2].

It is important to note that in the modern sense the term «West» is greatly extended. In addition to European countries and the U. S. it includes Canada, Australia and New Zealand.

The West is the personification of «civilization», the «civilized world» that Russia is perceived as the best example of the organization of public and private life. We should note that for many years during the reign of Soviet ideology, our people were inspired the idea of a terrifying character of the capitalist system, inhibiting the freedom and rights of ordinary people. Since the late 80s the mass media has widely popularized the idea that joining the Western world, the entry into being regarded as the immediate historical task of Russia.

In our study we believe that Russia is an independent local civilization. The well-known historian of the last century, A. J. Toynbee defined a civilization as a community of people living in a certain area and having common spiritual traditions and a similar lifestyle. Civilizations can be spread to different countries, and exist for a long time, walking the path from their birth to decline. In the very period there are five civilizations: Western Christian, Orthodox Christian, Islamic, Far Eastern, Hindu [3].

Russia is one of the largest countries in the world. Russia lies in Europe and Asia, it is inhabited by various peoples and races, having different religions and a diversity in social and cultural lifestyles. It is not surprising that since immemorial times Russia has been pictured as a mythical country to the strangers. Its features were very contradictory — «a country full of ice», «a cold country», «a militant country», «a tale country» in which «beautiful and strong» people, on the one hand, and «monstrous, coarse, ignorant» people, on the other hand, live. Thanks to the notes of Western travelers of XV–XIX centuries. (J. Gorsey, S. Herberstein, H. Staden, J. de Stael, etc.), a stable geotereotype of Russia as a country of a mystery was formed in the minds of foreigners. In XIX–XX centuries this stereotype was backed with the works of Russian classical writers translated into foreign languages in which some questions about the nature and meaning of human life were answered through the prism of the national identity of the Russian culture [4].

We should note that literature can not be regarded as the only true and direct source of information about the Russian situation. For example, A. P. Chekhov depicts images of Russian landowners or officials who are largely collective in nature and intended to ridicule in the grotesque form some common human vices and weaknesses.

The modern researcher E. I. Volkova analyzes the allegorical meaning of a smile, and its absence in American and Russian cultures. American smile indicates a country's openness to other people, willingness to accept and absorb them into itself, while Russia throughout its history was forced to repel the attacks of the invaders, closing its borders that symbolically reflected in the fact that the Russian lips are closed and never smile. The openness of the borders of Russia caused a subconscious desire of the people somehow to dissociate themselves from a hostile world, to surround with a kind of the wall — not only militarily but also culturally. It resulted in «repeated attempts to present itself as a center, if not of the world as a whole, but of a some kind of a relatively small community around its borders, such as «Orthodox world», and later «Slavic world», and then «the socialist camp», but the logic of historical development led to a dialogue between cultures...» [5]

Perceptions of Russia as something different are focused on the image of the «mysterious Russian soul» in the West. The poetic expression by Tyutchev is widely known — «Russia can not be understood intellectually». Such an attitude to Russia is probably one of the ways to avoid any contact, attempts to create a dialogue and mutual understanding. It is known that the Russian language is very complex in grammar and synthesis, and it is not so easy to learn.

In the light of Euro centrism prevailing over the centuries, Russia does not correspond to the standards of the Western civilization as Danilevsky wrote. Russia is an original historical and cultural institution. In cross-cultural communication between Russia and the West there are the barriers that impede adequate understanding of the two civilizations. Among the most significant barriers we see: differences in languages, differences in religious traditions of the Christian faith, especially psychology and world view of the two — the West and Russia [6]. H. Triandis points out that cultural distance influences the adequacy of convergence of cultures. According to Triandis, «... the negative aspects of diversity are associated with a lower level of cohesion, due to cultural conflicts and differences in cultures» [7].

In the West's attitude towards Russia there are political considerations and economic calculation. As a result, Russia's image might undergo deliberate distortion. So the perception of Russia abroad, the attitude towards it during the «cold war» was defined by the increase of confrontation of capitalist and socialist camps. At the time of the USSR, the idea of Russia with Western people was complex and ambiguous. Ideological confrontation with the West marked public consciousness. After the collapse of the Soviet Union and the socialist camp extremely complex stereotypes of «the cold war» started in the West and in Russia. The process of es-

establishing new political priorities in the world is controversial and it defines the modern view of the West and Russia against each other in connection with the attempts to balance the global and national interests.

In today's world the range of spheres for intensive interaction between people and countries is being significantly broadened — policy, trade, culture, science, education and tourism. Many people are aware of the necessity to study foreign languages for better communication with foreigners. For example, in Europe it is considered the norm, if a modern educated person knows two or more foreign languages (primarily European ones). There is also a growing interest in studying Japanese and Chinese languages, which is due to expanding business contacts. Unfortunately, the majority of population in Russia does not speak foreign languages fluently. We don't pay much attention to studying languages of neighboring Slavic nations — Ukrainian, Belarusian, etc. Hence, we formulate a scientific and educational aim — to enlarge our knowledge about other peoples' cultures, by identifying, describing and analyzing the specific features of the national image.

The image of the country is a complex, multifaceted phenomenon that must be thoroughly studied, including both the analysis of the image perception of the country by its citizens within the state and the analysis of perception from outside by other nations and civilizations. What we think about foreign countries, their historical and cultural development, national identity, lifestyles of their people are the problems that cause the closest interest in the contemporary humanities. History has put our country in the center of the global, sharply heightened contradictions between countries. In order to counter the negative trends of its development, its development strategy and actions must be based on scientifically based theory, including the formation of the positive self-image.

On the one hand during the Soviet era the Russians formed (due mainly to political propaganda) cautious attitude towards foreign, primarily as a product of capitalist nature. At the same time the Russians were always ready to learn from the West and invited scholars and experts, many of whom stayed to live here, and the Russian culture was proud of their works. Russian people have been always trying to prove to themselves that they are in no way worse than the West. (Hence the popular expression «To shoe a flea» or saying «no other view — show yourself»).

Russia takes foreign countries ambiguously. Their image in the minds of the Russians is determined not only by an objective place of these countries in the world, their attitude towards Russia and its citizens, but also by common thinking of the Russians about these countries and their people. This thinking is formed in the process of socialization and enculturation, the information received from various sources (radio, television, cinema, Internet, advertising, etc.).

As B. Dubin notes, citing the poll results, the autarky of self-consciousness of the Russians growing in the second half of the 90-s of XX century is accompanied by the fact that

the Soviet regime had changed «the nature» of the Russian people that they no longer look like «the western people», and these changes are irreversible, and the sample is unreachable («the sense of latecomers»). [8]

An American scientist Joseph Nye in his works «Bound to Lead: The Changing Nature of American Power» (1990) and «Soft Power»: The Means to Success in World Politics» (2004) distinguishes three components with the help of which the government can have an impact on the foreign policy arena: culture, values and foreign policy itself. America's «Soft power» comes to a large degree not out of state action, but by penetrating into the mass consciousness of American culture, popular brands, ideas of democracy, human rights, globalization and liberal economy. [9,10]

The phrase «image making» is getting more and more popular in our life; it means the targeted making of a necessary image of a customer (individual, organizational, state) on the basis of certain stereotypes that make the object highly understandable and important to the party concerned. The effective methods of political image making are being developed to create a visually attractive image, to achieve certain goals — namely, the formation of person's ability to act and think clearly.

The theories of «social exchange» (G. Homans, P. Blau) where human goals (satisfaction or reward) can only be achieved in social interaction, consider the interaction as a constant activity exchange («benefits» or «values») between people. Everyone, according to G. Homans, seeks to maximize the rewards of their actions and minimize costs. Regular exchange generates the system of mutual expectations; the value-regulatory system plays an important role in the regulation of exchanges.

In recent years the world has entered a sort of a battle not yet of civilizations and states, but of their images. Images often begin to play even a greater role than the «physical force». To create an image of the state we can draw the images visibly expressing the peculiarities of thinking and behavior which a national character is associated with. For example, the UK clearly represents a sensible and careful image of Sherlock Holmes. The U. S. is often associated with Uncle Sam. Beauty, courage and freedom of France are expressed by the image of Marianne. To create a national image we can use cultural traditions of everyday life and everyday culture (cuisine, national costume, folklore). For example, in advertising beer festivals in Germany they use the figurines of German girls in national costumes. In terms of reconstruction of the country's national image it is interesting to analyze the epithets traditionally given to different countries. England is often said to be «old and good», Germany — «scientific and educated», France — «beautiful», Spain — «noble», etc. But since ancient times Russia has been considered to be «holy» and «suffering».

The national image of the country in many respects has a collective character and is always multifaceted; it historically depends on relations between states, the geographical location of the country, the presence or absence of common in-

terests or, on the contrary, their collision. So for centuries the British and French have not liked each other since the Hundred Years War giving each other offensive nicknames and telling jokes. Things began to change during the Russian — Crimean War in the XIX century, a period when France and Britain became allies against Russia.

For most Americans the idea of their own country is based on the concepts of freedom and democracy. The national consciousness includes pride of their own country, superiority, confidence in law and the implementation of democratic principles. In the U. S. to create a positive image is one of the traditional foreign policy priorities. Since September 11, 2001, Washington has intensified their activities in the Islamic world in their attempts to change its international image. China, India, South-East Asia are working upon their international images. A favorable reputation encourages investment and strengthens the position of its leading corporations. In turn, the success of national retail brands contributes the prestige of the state.

There is a standard set of stereotypes about Russia in foreign countries. It includes myths about consumer habits (Russian bath, vodka), some objective characteristics (wide open spaces, cold, Siberia), confidence in its inexhaustible resources. For the West, Russia is associated with a specific set of stories that do not add any attractiveness to the country. Attitude of the elite, mass media, scientists, and ordinary people in the West toward Russia is often opposite. It increases or decreases depending on the events that occur in Russia.

L. S. Ruban says that there has been a paradoxical situation around the image of Russia in the world. The USSR, the empire, has fallen to pieces and Russia turned out to be independent from others and passed into the «Third World countries» de facto. [11]

According to E. A. Galumov, «the international image of Russia as an economically and politically undeveloped country was largely formed as a result of the information war organized by the USA against the Soviet Union which in fact led to the collapse of the latter... Today, multi-media separates not a socialist system but the Russian society itself from the civilized world». [12]

For the ordinary people the perception of someone or something occurs mainly through emotions and their own feelings. On the one hand, this quality makes it easy to «assimilate» someone else's image, but on the other hand, prevents the penetration into the essence of things. «To understand and accept or reject someone else's value system, it is necessary to touch the original sources, to understand the mechanisms of historical stereotypes, the reasons for the change of values», — believes Belgorodskaya. The results of her research are rather interesting. She examines images of the Russians (historical leaders, monarchs, generals, explorers, etc.) in the Anglo-American encyclopedias. Belgorodskaya analyses the image of the prominent historical figures of Russia in the Anglo-American encyclopedias, among them there being Britannica, Americana, Oxford Encyclo-

pedia, dictionaries by A. Palmer, R. Pearce, etc. She concludes that achievements of historical figures at the forefront of world events are very often underestimated. For example, the historical encyclopedia Kingfisher provides information about Napoleon, Nelson, Wellington, but there is not a single word about Kutuzov and Suvorov (Russian outstanding military men). In this case, the mechanism of the so-called thesaurus approach to the knowledge of a foreign culture starts working, when «yours» seems important, essential and fundamental, and «someone else's» looks peripheral, primitive and not worthy of attention. For example, in foreign publications trends of development in Russia are estimated only in the western system of goal setting. Key words «Westernization», «modernization» are suggested as the criterion of historical progress. [13]

The strengthening of the positive image of Russia is one of the priorities of Russian foreign policy. As E. A. Galumov suggests: «The problem of country's image formation is directly linked to the current system of government and its direct representatives. In the West, the image of Russia is often identified with the image of power. In an era of intense competition among states for spheres of geopolitical and economic and financial impact, foreign media emphasize the negative perceptions of Russia. The image of the state should be synthetic. It must be planned to produce a certain impression with the help of symbols (the heraldic symbols). Country's image should be bright and specific». [12]

The creation of a positive image of the state belongs to the sphere of public diplomacy which is a set of measures aimed at learning and informing the foreign audience, as well as establishing contacts. This sphere includes public diplomacy journalists writing about this country and foreign nongovernmental organizations. An example of exchange of scientists and young leaders is American Fulbright Program which has been a bridge between the U. S. and the world's intellectual and political elite in recent decades.

According to Russian experts, the image of the New Russia is at the stage of its formation, and therefore did not get a clear perception abroad. It is not easy to accept a new image of post-communist Russia. There is a conflict of transition from one quality to another, social and political transformation. Much is seen through the prism of the «Soviet model». The process of self-knowledge and the process of perception of Russia coincided in time, giving rise to psychological difficulties.

Russia's image formed abroad can be traced in foreign and domestic mass media, the performances of top leaders of states and international organizations. In today's information society it is the media that are an important source of the country's image. They have a strong influence on public opinion; serve both as a source of information and powerful information weapon which is actively used in the information war. And the information policy of the government is the main communicative channel that allows to put into effect political messages, to form an image of government and the state both domestically and abroad.

In the modern era, thanks to the expansion of information channels and means there is an opportunity for the artificial formation of a national image. Certain intellectual elite in the case of socio-economic order can create a series of symbolic texts, embodied in the context of political, social, cultural, religious and other practices. In modern science the concept of «brand image» of the country is becoming more and more popular. This is due to the desire of individual countries to form a positive image of their country through the prism of military, political, economic and industrial, advertising, trade and socio-cultural purposes. Unlike the national image of the country, which is formed for decades and sometimes centuries, based on various historical, cultural, and philosophical and political texts, the country's image can be artificially created by media and various kinds of PR-technologies relying on the latest achievements of science and technology (computer technology, Internet development, etc.). In the political-military and the promotional competition some countries tend to portray a negative image of other countries. As E. A. Galumov suggests: «Country's importance and relevance in international relations, in global model of world order, in the system of world civilizations depends on its international image». (Galumov, 2003) In the modern world relations between the countries should be developed on the basis of respect for cultural differences, tolerance and desire to the peaceful resolution of global problems of mankind.

In today's society through various technologies the possibilities for forming an artificial image of the state are increasing, and they do not always adequately reflect the real and sometimes artificially distort the true situation in the country.

Hence the problem of purposeful formation of a positive international image of Russia as an equal partner with the state's natural and human resources, the rich historical and cultural traditions occurs.

So, as the result of our research, we can make a following conclusion. National images of people and nations of each other are perceived ambiguously. National image of the country in many respects has a collective character and is always multifaceted, historically dependent on relations between states, the geographical situation of the country, the presence or absence of common interests or, conversely, their collision. The opinions of other people formed in the process of socialization and enculturation are based on the information received from both the official (radio, television, films, advertising, etc.) and unofficial sources (stories of tourists, anecdotes, rumors, etc.). In today's society through various technologies, the possibilities for forming an artificial image of a state are not always adequately reflects the real and sometimes artificially distort the true situation in that country. Hence the perceived problem of purposeful formation of a positive international image of Russia as an equal partner with the state's natural and human resources, the rich historical and cultural traditions.

References:

1. ERYGIN, A. N., (1998) Historical typology of cultures // Culture / — Rostov n/D, P. 127.
2. BATALOV, E. Ya., (2003) Russia and the West: the evolution of Russian public consciousness // Russia between East and West: bridges to the future. — M., P. 432.
3. TOYNBEE, A. J., (1996) Civilization in the face of history. — M.
4. TEN, Y. P., (2007) Cultural Studies and Intercultural Communication. — Rostov n/D, P. 254.
5. BORISOV, Y. S., GOLUBEV, A., SAKHAROV, A. N., (1998) The history. Russia and East // The image of Russia in world culture and images of other countries in the Russian culture XIX–XX centuries. — M., P. 22.
6. ILYIN, I., (1992). Our task. M.
7. TRIANDIS, G. K., (2007). Culture and social behavior. M. P. 294.
8. DUBIN, B., (2000) The West, border, specific way: symbols of «someone's» in political mythology in modern Russia // Monitoring of public opinion. № 6 (50) November — December. P. 30.
9. NYE, J., (1990) Bound to Lead: The Changing Nature of American Power
10. NYE, J., (2004) «Soft Power»: The Means to Success in World Politics.
11. RUBAN, L. S., (2002) The evolution of the phenomenon «Powerful State». Systems of collective security and the modern world // Information. Diplomacy. Psychology. — M.
12. GALUMOV, E. A., (2003) International image of Russia: strategies of forming. — M.
13. BELGORODSKAYA, L. V., (2005) Images of the Russians in English-American encyclopedias // Teaching History at schools. № 4. P. 66.
14. KONONENKO, V., (2006) To create the image of Russia? // Russia in the global policy. T. 4. № 2. P. 196.
15. KOVAL, B. I., DYAKOVA, L. V., (2006) Latin America is looking with surprise at Russia // Latin America. № 12. P. 5.

Лингвокультурологическая репрезентация фантазийных концептов в цикле К. С. Льюиса «Хроники Нарнии»

Иванова Ксения Анатольевна, магистрант
Тюменский государственный университет, Ишимский филиал

В статье представлены примеры и формы лингвокультурологической репрезентации фантазийных концептов в цикле Клайва Степлза Льюиса «Хроники Нарнии». В данном исследовании рассмотрено понятие «концепт», виды репрезентации концепта, а также рассмотрены основные концепты «Хроник Нарнии», связанные с религией. Выявлена основа христианских заповедей в тексте цикла К. С. Льюиса и конкретизированы примеры концептов «Бог» — «Дьявол», дан анализ уровней концептов данного фантазийного цикла.

Ключевые слова: концепт, репрезентация концепта, «Хроники Нарнии»

Сказочно-фантазийная составляющая сказок — достаточно распространённое явление, которое присутствует в разнообразных сказочно-фантазийных текстах, которые в последнее время приобретают всё большую популярность. Если говорить о репрезентации фантазийных концептов в литературных сказках, то стоит упомянуть и о традиционных фольклорных сказках, ведь именно литературная и авторская сказка являются преемниками этой составляющей.

Но не только авторские и литературные сказки содержат компонент, содержащий чудо, фантазийная картина мира проникает и в другие жанры литературы, усложняя их сюжет и заинтересовывая читателя. Например, в некоторых любовных романах, триллерах, детективах можно наблюдать сказочную основу, и они также будут являться репрезентацией фантазийной картины мира.

Понятие «картина мира» представляет собой сложное образование, выходящее за пределы традиционных лингвистических интересов, составляющими которых являются и религиозный опыт, и идеология, и виртуальные построения искусства, и глубинные пласты мифологического и коллективного бессознательного. Термин «языковая картина мира» обычно предполагает за собой в языке обыденное, ненаучное отражение действительности в мыслительном опыте человека [4].

Известный исследователь литературной сказки Л. Ю. Брауде предполагает, что волшебство и чудо выступают в литературном тексте как сюжетобразующая основа, и в этом мы полностью согласны с ней. Именно фантазийные концепты волшебства и чуда являются основными концептами любых сказочно-фантазийных текстов [3].

Под фантазийными концептами Е. Е. Петрова предполагает определённые единицы коллективного сознания, которые отражают некие явления и объекты вымышленных миров и фантазийной основы, передающиеся в вербальной форме, представленные в коллективной памяти носителей языка [8]. Мы же понимаем под фантазийными концептами единицы коллективного сознания, обработанные в результате мыслительной деятельности,

в которой соединены как признаки, отражающие реально существующие элементы действительности, так и признаки, отражающие несуществующие в том или ином конкретном сочетании. Они представляют собой «смысловую аномалию, фикцию».

Волшебные сказки повествуют о невероятных событиях, явлениях, делах, поступках. Фантазийная картина мира помогает нам передать весь замысел написанного, но это требует особых форм написания; поэтому нам нужно будет определить каким образом эта картина концептуализируется: что составляет содержание фантазийных концептов, из чего состоит внешняя оболочка слова, как образуется смысл концепта.

Многие из фольклористов, таких как Афанасьев А. Н., Мелетинский Е. М., Аникин В. П., Дж. Джейкобс, считают, что сказка является одним из гармоничных продолжений мифа. В сказке, также как и в мифе, нет разграничений между естественным и сверхъестественным, реальным и нереальным; вместо аналогии и ассоциации — причинно-следственные связи. Сказочный дискурс, таким образом, выстраивает определённые правила грамматики, синтаксиса, употребления лексики и отличается определённой семантикой, что, в конце концов, образует сложный, но достаточно удивительный мир [9].

Путём сложной переработки и переосмысления, комбинирования и неожиданного сочетания образуются новые образы — фантазийные концепты. Фантазийные концепты отражают нечто, рождённое в сознании человека, что не имеет прямого соответствия в реальном мире, — что-то необычное, сверхъестественное, аномальное. По мнению А. Бабушкина, они являются самыми идеальными образами, которые не отягощены отношением связи «вне нас» с существующим предметом и его репрезентацией «внутри нас» [2].

Отправной точкой в трактовке концепта является его философская интерпретация. Одно из первых определений было дано ещё в 1928 году философом С. А. Аскольдовым, который следующим образом сформулировал суть проблемы: «Концепт есть мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределённое множество предметов одного и того же рода» [1].

И хотя термин «концепт» широко используется в разных областях научного знания, его основа неизменна: это смысловая константа, вбирающая в себя множество сем, которые реализуются в конкретной ситуации или определенном тексте и имеют надличностную природу. Именно это объединяет такие понятия, как «психологический концепт», которое служит для маркированности эмоций человека, состояний сознания, связанных с определенной мыслительной деятельностью (концепт счастья, концепт страха, концепт радости, концепт эгоизма и др.) [7], «культурный концепт», который, по Ю. С. Степанову, есть «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [10] и множество других. Концепты выступают как первичные культурные образования, которые проявляются в различных сферах человеческой деятельности. Большинство лингвистов сходятся во мнении, что концепт репрезентируется в языке:

- 1) готовыми лексемами и фразеологизмами;
- 2) свободными словосочетаниями;
- 3) синтаксическими конструкциями;
- 4) текстами и совокупностями текстов

Концепты, существующие в пространстве культуры, насыщаются конкретным содержанием, отражающем представление автора о мире, только в конкретном произведении. Следовательно, можно говорить, например, о фантазийных концептах в волшебном цикле «Хроники Нарнии», которые напрямую связаны с религией: концепт «бог» репрезентуется львом Асланом, творцом Нарнии, создавшим страну песней из тьмы, а не из хаоса. Практически все «нарнийские» происшествия репрезентуются библейскими историями. В пятой книге («Покоритель Зари, или Плавание на край свет») герои (Эдмунд и Люси) приплывают на край мира Нарнии, снова предстает концепт «Бог» только не в образе льва, а репрезентуется ягнёнком (агница Божьего). То, что лев — концепт Сына Божьего, показывает и сцена добровольного прине-

сения себя в жертву. Иисус Христос был распят за грехи людские, он сам пошел на смерть ради спасения человечества. Так и Аслан отдает себя «по законам древней магии» за совершенное предательство «сыном Адама». Но, как и Иисус, он воскресает, показывая, что добровольная жертва дарует вечную жизнь. Также из библейского текста мы знаем, что свидетелями Воскресения Христа были жены-мироносицы. В «Хрониках Нарнии» (во второй книге по хронологическому порядку «Лев, Колдунья и платяной шкаф») именно девочки — сестры Люси и Сьюзен — видят воскрешение Аслана с первым солнечным лучом.

В контраст добру и концепту «Бог» имеется противопоставление: Колдунья Джадис. В цикле «Хроники Нарнии» Колдунья не создана песней Аслана, она появляется из другого мира. Паразитирующая природа зла раскрывается по несознательной вине человека — детей, перенесших Колдунью в мир Нарнии. Как в библейских текстах зло может получить власть после искушения, со- вращения человека, так и в цикле «Хроники Нарнии», Колдунья может действовать, взяв в соучастники человека. И как объясняет Кураев А.: «христианские заповеди не объясняют природу зла, чтобы было легче противостоять ему. В человеке сильно искушение найти каждому событию логическое объяснение, установить причинно-следственную связь. Но в понимании природы зла кроется опасность его принятия и смирения с ним» [6]. Именно поэтому в своем цикле К. Льюис не раскрывает перед читателями его суть, а лишь показывает, что зло может проникнуть в наши сердца, когда мы обижены, расстроены или испытываем гнев или зависть.

Приведенные выше примеры религиозных концептов и их репрезентации в фантазийном цикле К. С. Льюиса не исчерпывают все возможности этого явления, которое требует более тщательного изучения, но позволяют сделать вывод о том, что анализ разных уровней концепта является чрезвычайно продуктивным направлением дальнейшего исследования данного цикла.

Литература:

1. Аскольдов, С. А. Концепт и слово [Текст]/С. А. Аскольдов // Русская словесность: антология. — М., 1997.
2. Бабушкин, А. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика: диссертация доктора филологических наук [Текст]/А. Бабушкин. — г. Воронеж, 1998.
3. Брауде, Л. Ю. К истории понятия «литературная сказка» [Текст]/Л. Ю. Брауде // Известия АН СССР. Сер. Лит. и яз. 1977. Т. 36. № 3.
4. Долженко, С. Г. Единство темы как выражение смысловой целостности художественного текста: на примере англоязычных художественных произведений [Текст]/С. Г. Долженко. — Ишим, 2013.
5. Колшанский, Г. В. Объектная картина мира в познании и языке [Текст]/Г. В. Колшанский. — М.: Наука, 1990.
6. Кураев, А. Неамериканский миссионер [Текст]/А. Кураев. — Саратов: Издательство Саратовской епархии Кураев, 2005.
7. Немов, Р. С. Психологический словарь [Текст]/Р. С. Немов. — М., 2007.
8. Петрова, Е. Е. Образная составляющая фантазийного концепта «Water» в английских волшебных сказках [Текст]/Е. Е. Петрова // Известия Уральского государственного университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры № 6 (85), 2010.
9. Степанов, Ю. С. Язык и метод. К современной философии языка [Текст]/Ю. С. Степанов. — М., 1998.
10. Степанов, Ю. С. Константы: Словарь русской культуры [Текст]/Ю. С. Степанов. — М., 1997.

В. Н. Андреев-Бурлак — гений провинциальной сцены

Шаброва Анастасия Дмитриевна, студент
Ульяновский государственный университет

В последнее время появилось немало исследований, которые посвящены театральной жизни российской провинции. Эта тема интересна исследователям и широкому кругу читателей в связи с тем, что в обществе есть понимание места и значения театра вообще и провинциального театра в частности в становлении культуры России.

«Единственный царь и владыка сцены-талантливый артист», — говорил Константин Сергеевич Станиславский. Симбирская земля щедра на таланты, в том числе и на театральные. В числе выдающихся мастеров театральной сцены XIX века, особо выделяется уроженец города Симбирска Василий Николаевич Андреев-Бурлак. Именно с великой русской рекой Волгой и городом Симбирском неразрывно связаны детские годы, юность и становление его, как артиста.

В. Н. Андреев (сценический псевдоним Андреев-Бурлак) родился в Симбирске в 1843 году в дворянской семье. Его родители владели небольшим поместьем. В. Н. Андреев окончил симбирскую гимназию. После окончания гимназии он поступил в Казанский университет, который являлся одним из лучших ВУЗов Российской империи того времени. Андреев-Бурлак определился вольнослушателем, т. е. человеком, слушающим лекции без зачисления в студенты. Но природный темперамент и творческие устремления молодого человека не позволили Андрееву-Бурлаку завершить обучение. Не окончив полного курса университета он поступает на службу. Будущий артист становится помощником капитана на буксирном пароходе. В скором времени становится капитаном пассажирского парохода курсировавшего по Волге.

Именно в Симбирске впервые проявился его талант импровизатора, имитатора и лицедея. На литературных вечерах В. Н. Андреев-Бурлак блистал своими актёрскими импровизациями и представлял на суд публики свои первые литературные работы. Но по мнению многих современников литературный талант меркнул перед талантом актёрским. Щедро одарённый от природы Андреев-Бурлак отдавал предпочтение театру. Просвещённая публика из числа симбирской интеллигенции любила театр. Между тем, наряду с литературным творчеством до нас дошли альбомы с рисунками Андреева-Бурлака. Он был незаурядный художник. Перед нами предстают: живописные берега Волги, образы городских купцов, крестьян, подёнщиков и прочего обездоленного люда. Существует мнение, что сценический псевдоним Бурлак В. Н. Андреев взял в честь того первого буксирного парохода с названием «Бурлак», на котором будущий артист служил помощником капитана. По другой версии В. Н. Андреев оставил свой выбор на данном псевдониме, так как с детства любил творчество Н. А. Некрасова и часто декламировал

знаменитые некрасовские строчки «Выдь на Волгу, чей стон раздаётся...»

В возрасте двадцати пяти лет В. Н. Андреев-Бурлак принимает окончательное и бесповоротное решение. Он мечтает стать профессиональным артистом. Это решение молодой человек принял осознанно. К этому шагу его подталкивал успех у зрителей. Его импровизации на литературных вечерах в родном Симбирске неизменно вызывали одобрение слушателей из числа просвещённых и демократически настроенных горожан того времени. Он становится провинциальным артистом. Артист подолгу выступал на подмостках Москвы и Петербурга. Между тем, русская провинция до конца его дней оставалась основным приютом творческой деятельности. Провинциальный театр России В. Н. Андреев-Бурлак именовал «колыбелью истинных дарований». «Вместе со стаей перелетных птиц старого актерства, — писала о нем известная актриса и театральная педагог А. Я. Глама-Мещерская, игравшая с ним на одной сцене, — он не вил себе нигде прочного гнезда и по сухопутью и по водным просторам Дона и Волги исколесил пространство вдоль и поперек». Один из крупнейших русских живописцев конца XIX — первой половины XX века М. В. Нестеров в своей книге воспоминаний живо и образно повествует о художественной и культурной жизни России. «Андреев-Бурлак был первоклассный сценический талант. Раньше, до сцены, он был капитаном одного из волжских буксирных пароходов. Талант его — был русский талант, так называемый «нутрянной», — пишет он об артисте. «Безыскусственность, простота, непосредственность. Ничего вымученного, театрального, бьющего на эффект»... — писали театральные критики того времени о творчестве В. Н. Андреева-Бурлака.

Одним из первых артист использовал в своём театральном творчестве импровизацию. Его по праву считали «королём импровизации» того времени. В. Н. Андреев-Бурлак предстал перед зрителем в образах комических и трагических. С особой теплотой и грустью артист отзывался о провинциальном театре России. Однако, хорошо зная, чем живёт театральная провинция, наблюдая её изнутри артист часто пенял на искажение театрального искусства, когда «наденут на актёра какой-нибудь седенький паричок» и вот «на помощь является парикмахер, который жженой подмазкой (красок маленьким актёрам не дают) начинает на его физиономии рисовать не то карту Италии, не то Волгу с притоками».

Другом В. Н. Андреева-Бурлака был М. И. Писарев. Они завязали знакомство и сдружились в Симбирске, когда оба только начинали свой путь на театральном поприще. Там же в Симбирске служила молодая подающая

надежды актриса П.А. Стрепетова, которая позже стала супругой М.А. Писарева. Симбирск с его театром и благодарной публикой привлекал к себе взоры театральных деятелей XIX начала XX веков. На этой провинциальной сцене в разное время играли: А.А. Рассказов, К.З. Пузинский, М.С. Савина, основавшая Всероссийское театральное общество, С.С. Расатов, М.М. Москвин, выступавший под театральным псевдонимом Тарханов, Б.И. Пясецкий, А.Я. Таиров, И.К. Самарин-Эльский и многие другие.

Дружба Андреева-Бурлака и Писарева, начавшаяся в Симбирске переросла в творческий союз. В 1883 году они организуют «Товарищество московского русского драматического театра». Труппа артистов, организованная основателями Товарищества отправилась с гастрольями по городам России. В Симбирске «Товарищество московского русского драматического театра» на суд публики представило спектакли; «Лес», «Не в свои сани не садись» А.Н. Островского и ряд других постановок. В.Н. Андреев-Бурлак читал со сцены «Записки сумасшедшего» и рассказ Мармеладова. В своем творчестве артист говорил о современности, о жизни простого народа, им наблюдаемой и хорошо ему знакомой. Он с уверенной точностью художника копииста воспроизводил окружающую его реальность. Иудушка Головлев, Аркашка, Недыхляев, Расплюев, Поприщин, Мармеладов, капитан Копейкин. Современники отмечали, что это были самые яркие образы, которые артист создал на сцене. Эти образы были типичны для той эпохи. Особое место в творчестве артиста занимала тема «маленького человека». Жизнь и судьба «маленького человека» в России того времени представлялась Андрееву-Бурлаку именно тем материалом, с которым он мог идти к зрителю. «Артист предельной выразительности, Бурлак умел передать те мысли и чувства, которые волновали его, мысли и чувства, особенно близкие широкому демократическому зрителю той эпохи... Подавляющее большинство его почитателей, принадлежало к демократическим слоям..., — отмечал русский артист А. М. Горин-Горяинов.

«Андреев-Бурлак был рыцарь, рыцарь слова», — писал об артисте русский писатель и журналист В.А. Гиляровский. Без преувеличения можно сказать, что В.Н. Андреев-Бурлак заложил фундамент жанра, который позднее

получил название — театр одного актёра. Моноспектакли артиста вызывали неизменный интерес публики и получали самые высокие оценки театральных критиков того времени. Начало этому творчеству было положено в Симбирске. Юношеское чтение стихов и прозы перед публикой на литературных вечерах, импровизации и пародии с годами и приобретенным актерским опытом переросли в явление, имя которому — В.Н. Андреев-Бурлак. Андреев-Бурлак был обласкан публикой и театральной критикой того времени. Он выступал на весьма выгодных условиях, как следует из его записок. В провинциальных театрах Российской империи артист получал большие гонорары. Однако, как отмечали современники, у артиста никогда не было свободных денег. По окончании представления он звал к себе в гости актеров театра. Всех от мала до велика. Дома увлеченно беседовал, сыпал шутками и остротами, веселился в кругу коллег по актёрскому цеху. Неизменно следовали одна за одной блестящие импровизации. Своих многочисленных гостей Андреев-Бурлак, как радушный и хлебосольный хозяин щедро угощал, а зачастую и одаривал деньгами.

Осенью 1886 года, Андреев-Бурлак прочитал в Одессе публичную лекцию. Тема лекции — «Драматическое искусство». Артист лелеял мечту организовать курсы для начинающих артистов. Он разработал систему для обучения актёрскому мастерству. Эта система призвана была «развить в нем (в ученике) способность работать самостоятельно, без указок». Анализируя игру артистов провинциального театра России того времени, Андреев-Бурлак говорил, что «актер даже не понимает, что он сам такое».

В неустанном совершенствовании актёрского мастерства и в постоянных думах о театре и театральном искусстве В.Н. Андреев-Бурлак прошёл долгий путь. Скоропостижная кончина оборвала триумфальный путь в искусстве большого мастера, талантливого артиста. Будучи уроженцем провинциального Симбирска В.Н. Андреев-Бурлак всегда трепетно относился к российской провинции. Он верил в талант народа. «Таланты явятся сами, — говорил он на своей лекции на тему «Драматическое искусство» в городе Одессе, — ведь наша земля велика и обильна; еще старик Ломоносов сказал, «что может собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов Российская земля рождать».

Литература:

1. Трофимов, Ж. «В.Н. Андреев-Бурлак: память и наследие». — «Симбирская книга», 1995.
2. Глама-Мещерская, А.Я. «Воспоминания». — Л.-М., 1937.
3. Морозов, М.М. «Василий Николаевич Андреев-Бурлак». — М.-Л., 1948.
4. Нельс, С.М. «Андреев-Бурлак». — М.:Искусство., 1971.
5. Нестеров, М.М. «О пережитом. 1862—1917 гг. Воспоминания». -Молодая гвардия, Москва., 2006.

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

«Виртуальный гардероб» — современный помощник в формировании стилевого и модного образа

Соколова Виктория Евгеньевна, аспирант
Московский государственный университет дизайна и технологии

С развитием компьютерной техники проектирование дизайн-объектов получило новые широкомасштабные возможности. Применение современных технических средств и прогрессивных технологий позволило совершенно по-новому оценить процесс художественного проектирования [1, с. 21]. В настоящее время с помощью компьютерных технологий формируются обособленные, уникальные взгляды на те или иные предметы бытия [2, с. 14]. Использование компьютера непосредственно в проектировании костюма давно перестало быть новинкой. С помощью компьютера создаются удивительные дизайнерские изделия. Существующие сейчас программы позволяют облегчить процесс проектирования одежды: с развитием технологий стало возможным без особого труда сделать грамотную раскладку лекал на материале, рассчитать межлекальные выпадки, построить конструкторский чертёж или выполнить графическое изображение костюма.

С технической точки зрения, компьютер стал огромным подспорьем в работе конструкторов, технологов и модельеров. Однако с точки зрения формирования стилевого и модного образа при помощи компьютерных технологий, в частности, использования компьютерных программ и приложений — возникает ряд противоречий, вызывающий спорные вопросы.

Чтобы сформировать модный и стильный современный образ пользователю приходится активно использовать Интернет. Во всемирной сети запрашивается актуальная на сегодняшний день информация, способная дать представление о том, что сейчас является самым модным и востребованным. Предложенная информация «проецируется» на пользователя, который создаёт свой собственный уникальный и неповторимый имидж. Полученная информация основывается на новостях с модных мероприятий (Недели мод, закрытые показы именитых кутюрье), советах новоиспечённых блоггеров, просмотре виртуальных журналов мод, а так же интернет-статей. Информационная насыщенность не всегда сказывается положительно на формирование адекватной оценки. Для создания но-

вого модного образа автор статьи предлагает к использованию компьютерную программу, рабочее название которой «виртуальный гардероб».

Использование уникальной виртуальной программы, так называемого «виртуального гардероба», позволит по-новому взглянуть на формирование стилевого и модного образа современного человека. Доступное широкому кругу потребителей и применению на всех современных девайсах, программа позволяет сформировать «завершённый» взгляд на современную моду посредством использования новейших технологий.

Основной принцип работы «виртуального гардероба» — подбор единого целостного образа по индивидуальному запросу потребителя. Запрос потребителя, ориентированный, к примеру, на то, с чем модно или актуально носить тот или иной предмет одежды, удовлетворяется программой, которая составляет на выходе total look — полный сформированный образ, максимально соответствующий запрашиваемым параметрам потребителя. Ввод в поисковой строке лишь одного предполагаемого предмета одежды, позволит программе, путём подбора наилучших сопутствующих элементов или предметов одежды, сформировать готовый образ, дополненный аксессуарами и обувью. Полученный образ представляется в соответствии с одним или несколькими известными стилями в одежде и в соответствии с модными тенденциями.

«Виртуальный гардероб» также способен предоставлять аналоги или похожие по запросу категории, выявляя тем самым огромную вариативную память для различных фасонов одежды. С помощью такой гибкой способности, пользователь получает уникальную возможность не просто сформировать свой собственный стиль, имея во внимании всю подходящую под его запрос информацию, но использовать компьютерные технологии как инструмент формирования индивидуального имиджа.

Электронный инновационный продукт в процессе дальнейших разработок представит собой объёмную базу данных, объединяющую всевозможные источники, спо-

способны сформировать стиль и модный образ в костюме. Новости и новинки модной индустрии, обзоры фэшн-событий, советы известных дизайнеров и модных экспертов, история костюма и моды, ссылки на электронные журналы мод — всеобъемлющая информация о моде в одном информационном ресурсе. Перспективы использования «виртуального гардероба» выходят далеко за рамки ин-

дивидуального использования: применения программы в промышленных масштабах откроет удивительные возможности и выведет производство и реализацию одежды в нашей стране на качественно новый уровень, соответствующий последним тенденциям и характеризующийся современным подходом к решению задач формирования стиля и образа.

Литература:

1. Упине, А. М. Дизайн костюма как средство формирования имиджа. Теория, методология, практика. дис. канд. технических наук:17.00.06/Упине Анастасия Михайловна.-М., 2012.
2. Каршакова, Л. Б. Проектирование орнамента для текстильных изделий средствами современных информационных технологий. дис. канд. технических наук:17.00.06:/Каршакова Лидия Борисовна.-М., 2010.
3. Амосова, Э. Ю. Влияние инновационных технологий и материалов на формирование модных тенденций в развитии костюма. канд. техн. наук: 17.00.06:/Амосова Элеонора Юрьевна. — М., 2010.
4. Васильева, Т. С. Влияние новых технологий на формообразование в дизайне одежды. дис. канд. искусствоведческих наук:17.00.06:/Васильева Татьяна Сергеевна.-М., 2011.

ФИЛОЛОГИЯ

Реализация ориентирующей и манипулятивной функций в романе Каролины Мур «Подруги»

Блинова Инга Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент
Волгоградский государственный социально-педагогический университет

В 90-е годы прошлого века в российской филологии начала активно формироваться лингвогендерология [Бакушева, 1995; Горошко, 1996, с. 139–141; Кирилина, 1999; Красавский, Киринос, 1996, с. 48–54]. Лингвогендерология (гендерная лингвистика) — это, по сути, своеобразное ответвление социальной лингвистики, успешно развивающейся с середины XX века. Проблемы социолингвистики на протяжении многих десятилетий остаются актуальными, что обусловлено постоянными изменениями в социуме, следовательно, и в самом языке, их отражающем.

Известно, что мужчины и женщины в рамках патриархального общества являются в некоторой степени жертвами гендерных ролей. Традиционно роль и функции женщин ограничивались хозяйством и воспитанием детей. По мере развития общества и перестройки аксиологической компоненты когнитивных систем менялись и представления о гендерных стереотипах. Так, вопросы и проблемы, связанные с теорией равенства полов и гендерной равноценностью, пытались и пытаются решить не только в рамках общественного женского движения, но и с активным привлечением такого традиционного вида искусства, как литература. Т. А. Шабанова отмечает, что «феминистские тексты предназначены для обсуждения проблем в области дискриминации женщин, гендерного неравенства и необходимости совершенствования взаимоотношений между мужчинами и женщинами» [Шабанова, 2013, с. 8]. Можно утверждать, что подобные тексты в некоторой степени конструируют альтернативную действительность и являются отражением специфической социокультурной практики. В них содержатся определенные представления, убеждения, ориентации, социокультурные реалии и коллективные установки.

Как правило, феминистские тексты создаются авторами-женщинами. Они отличаются позитивной фемининной самопрезентацией и направлены на дискредитацию маскулинности и сознательное формирование негативного, агрессивного портрета маскулинного общества. Таким образом, основными функциями феминистского текста

являются ориентирующая и манипулятивная функции. Тексты имеют цель внести когнитивные изменения в картину мира участника коммуникации, что предполагает регуляцию диспозиций. Искусственно конструируется альтернативная версия действительности, ориентирующая на иные, чем принято в сложившемся современном обществе, ценности и установки. В данном случае можно констатировать попытку нивелирования ценностей традиционного патриархального социума и формирования нового взгляда на роль женщины.

Для реализации указанных целей авторы прибегают к разнообразным манипулятивным тактикам и стратегиям. Выразительность достигается специфическими средствами системы языка. Выбор лексических единиц определяется в первую очередь их прагматической направленностью, т. е. практической полезностью, равно как и стилистической яркостью. Интерпретация авторских художественных текстов всегда затруднена, поскольку, как отмечает Н. А. Красавский, «она осложнена, прежде всего, *метафорическим* кодированием глубинных смыслов, системой индивидуально-авторских образов» [Красавский, 2013, с. 113]. С целью верификации этого утверждения обратимся к конкретному литературному примеру — роману «Подруги» (1974 г.) немецкой писательницы Каролины Мур. Речь в нем идет о проблемах самоидентификации главной героини — жены, рядовой домохозяйки без образования, матери четверых детей.

В первую очередь обращает на себя внимание стремление автора создать отрицательный образ мужчины как представителя традиционного патриархального общества и скомпрометировать ролевые стереотипы. Автор прибегает к тактике косвенного обвинения, обличая, например, несправедливое и унижающее распределение гендерных ролей: *Ihren Frauen fällt wie eh und je die Rolle der Stammhalterproduzentin und Dekorationsfigur zu* [Muh, 1976]. — *Их женщинам достаётся, как это было всегда, роль производительницы продолжателей рода и декоративной фигуры* (перевод наш — И. Б.). Героиня вменяет в вину обществу также

эксплуатацию статусной роли домохозяйки. Принято считать, что замужняя женщина-домохозяйка, само собой разумеется, должна заниматься домашним хозяйством и даже любить это занятие, в то время как от мужчины никто не требует пожизненного соблюдения навязанной ему обществом роли, например, сапожника или повара, или зубного врача — *Für einen Mann sieht das ganz anders aus. Von dem verlangt man nicht, wenn er es nicht schon vorher gewesen ist, dass er auf einmal Schuster oder Koch oder meinetwegen Zahnarzt wird und es sein ganzes Leben lang bleibt, weil er geheiratet und Kinder in die Welt gesetzt hat. Robert hielt es für selbstverständlich, dass eine Frau die Hausarbeit liebt* [Muhr, 1976]. Стоит отметить, что обвинительные смыслы, подкрепленные иронией, выражены здесь имплицитно, они требуют определенных интерпретационных усилий со стороны адресата и рассчитаны, прежде всего, на его эмоциональное воздействие.

Как было указано выше, основной целью феминистских текстов является перестройка традиционной патриархальной парадигмы, точнее говоря, гендерных ролевых моделей. Достижение поставленной цели в художественном произведении возможно не только с помощью специфических средств языка и речи, но и через сознательное применение автором когнитивных искажений. Так, например, достаточно часто в интерпретируемом тексте можно обнаружить «иллюзию кластеризации» — героиня видит паттерны в ситуациях, где их нет. Например, героиня убеждена, что даже прогрессивно мыслящие молодые мужчины (*liberal und fortschrittlich gesonnene junge Männer*) непременно со временем станут такими же ретроgrадами и патриархами, как их отцы: *Da werden die Bärtigen, die Gesellschaftskritischen, die Antiautoritären zu dem, was ihre Väter, im Groß- oder Kleinformat, immer schon waren: Manager und Patriarchen* [Muhr, 1976]; из собственных детей не вырастет ничего хорошего, так как они похожи на своих родителей: *<...> dass die eigenen Kinder immer wieder von vorne anfangen, in nichts anderes, in nichts besser sind als ihre Eltern* [Muhr, 1976]. Дети, похожие внешне на родителей, представляются героине романа Каролине Мур «бессмысленным повторением» (*eine unsinnige Wiederholung*); они имеют не только схожие носы или движения, но и неизменно заключают в себе те же самые ошибки и недостатки, что и родители: *<...> die nicht nur die gleiche Nase, die gleichen Bewegungen, sondern auch die gleichen Fehler und Unzulänglichkeiten unabänderlich in sich beschlossen* [Muhr, 1976].

Художественный язык романа отличается высокой образностью и художественной убедительностью, читатель легко опознает «потенциальные смыслы» (по А.И. Николаеву), выраженные с помощью риторических фигур и тропов.

Большую роль в идейно-образном конструировании текста играет ирония. Создание иронического смысла позволяет автору косвенно выразить свое отношение

к объектам действительности: *Sie haben nur den einen, allerdings nicht mehr zu korrigierenden Fehler, dass sie Robert zum Vater haben* [Muhr, 1976]. — Их (деме́й) единственная, но тем не менее уже не исправимая ошибка состоит в том, что они являются детьми Роберта (перевод наш — И. Б.). Для актуализации иронического смысла используются средства лексического и синтаксического уровня. Например, в предложении «*Sie ... lassen die Hoffnung aufkommen, dass sie es in naher oder ferner Zukunft fertigbringen, in einer Frau einen Menschen zu sehen*» идейно-эмоциональный обличающий смысл вербализуется абсурдным словосочетанием «*видеть в женщине человека*», а также фразеологизмом «*рано или поздно*». В сверхфразовом единстве «*Dabei ist Robert gar nicht so übel. Er ist keineswegs ein aus der Rolle fallendes männliches Exemplar*» конструируется двухчастный линейный контекст ситуативной иронии: комментарий (оценка) автора и изложение ситуации. Иронический смысл понимается читателем сразу и не нуждается в дополнительной интерпретации.

Ассоциативная ирония является более сложным средством выражения идейно-эмоциональной авторской оценки и создания образа персонажей. Она реализуется в мегаконтексте и требует от адресата ментальных усилий для толкования иронического смысла. Примером ассоциативной иронии в романе служит следующий абзац: *Im Gegenteil, er ist genauso wie hunderttausend andere Familienoberhäupter Haushaltsvorstände, Ende vierzig, noch immer dynamisch im Beruf, im Besitz zahlreicher Orden aus dem Zweiten Weltkrieg, kinder- und naturliebend, zuverlässig, treu, Geborgenheit garantierend: Die Frau gehört ins Haus, in ein schönes Haus natürlich, in ein gepflegtes Haus, in ein durch und durch harmonisches Haus. Ich sehe im Geiste eine Heiratsannonce und Heerscharen von Fabrikantentöchtern und Akademikerwitwen, denen angesichts solcher Vorzüge alle Bedenken dahinschmelzen würden. Wer bin ich, dass ich mehr verlangen könnte?* [Muhr, 1976].

Для создания иронического смысла автор обращается к лексическим и синтаксическим языковым средствам: метафоре (*Heerscharen von Fabrikantentöchtern und Akademikerwitwen*), эпитетам (*kinder- und naturliebend, zuverlässig, treu, Geborgenheit garantierend; in ein schönes Haus natürlich, in ein gepflegtes Haus, in ein durch und durch harmonisches Haus*), риторическому вопросу (*Wer bin ich, dass ich mehr verlangen könnte?*), повторы (*Die Frau gehört ins Haus, in ein schönes Haus natürlich, in ein gepflegtes Haus, in ein durch und durch harmonisches Haus*). Не случайно выбран также жанр объявления.

Героиня романа протестует против статусных ролей «мать» и «домохозяйка» и ожиданий, связанных с ними. Дистанцирование от стереотипов и осуждение устоявшихся гендерных моделей вербализуется посредством лексических средств с яркой негативной коннотацией, с помощью тропов. Интерес представляют:

— перифразы (домашняя работа — *Vergewaltigung*; женщина — *ein weiblicher Mensch*);

— сравнения (*Tätigkeit, die mich wie ein Huhn zwischen Kindernachtöpfen und Kochtöpfen hin und her jagte; als ich eines Morgens plötzlich vor dem versilberten Krümelbesen zurückschreckte wie vor einem ekelhaften Tier; rohes Fleisch* сравнивается с *Menschenfleisch*; *Staubsauger* — *ein Riesenmoskito*; *Plastikwannen* — *Prostituierte*);

— синонимы, различающиеся степенью эмоциональности (*grausen* вместо *Angst haben*; *zerfetzen* вместо *zerreißen*; *brüllen* вместо *schreien*; *rennen* вместо *gehen*);

— градация (*Und mit miserabel meine ich nicht nur schlecht, sondern elend, jammervoll, nach Erbarmen schreiend*);

— синтаксический параллелизм (*Aber mit dieser zehnbis vierzehnständige Vergewaltigung meiner Person, die sich tägliche Hausarbeit nennt, damit hatte ich nicht gerechnet. Nicht mit diesen in tausend Stücke zerbrochenen Tagen. Nicht mit dieser eisernen, unzerbrechlichen Kette aus Kleinlichkeiten, die meinem Geist nichts und meiner Aufmerksamkeit alles abverlangten.*).

Героиня отрицает свою природную сущность, воспринимает себя как некий биологический механизм, функционирующий в зависимости от гормонов (*Die Hormone, die für das Funktionieren der Mutterliebe zuständig sind, waren reichlich vorhanden*). Не называет себя «я», а говорит «моя совесть» (*Mein Gewissen empörte sich*), сравнивает себя с дикой, следовательно, нечеловеческой сущностью (*Ich kämpfte wie wild*). Отрицание себя распространяется на отрицание детей как самостоятельных, автономных, свободных личностей. Негативное отношение к мужу проецируется также на детей: *ein genauer Abklatsch seines Vaters; eine unsinnige Wiederholung; Ich wollte ein besseres Wesen in die Welt bringen*.

В своем произведении К. Мур обращается к такому известному изобразительному приему, как олицетворение. Бесспорно, что вопрос употребления этого вида метафоры в художественном произведении выходит за пределы лингвистики и относится к области мирозерцания и мироощущения автора. Предмет воспринимается и изображается как одушевленный с определенной целью или в соответствии с индивидуальным поэтическим мировосприятием. Так, в романе «Подруги» хозяйственные товары воспринимаются и изображаются как материальное и персонифицированное воплощение враждебных, навязанных обществом стереотипов и ожиданий. В соответствии с общим агрессивным и ироничным духом романа обычные бытовые вещи — кастрюли, пылесос, пластиковые контейнеры, сито, кухонная метелка — неистовствуют, нападают, провоцируют, угрожают. Посеребренная кухонная метелка наделяется зооморфными чертами и сравнивается с мерзким животным, пугающим протагониста (<...> *als ich eines Morgens plötzlich vor einem versilberten Krümelbesen zurückschreckte wie vor einem ekelhaften Tier*). Пластиковые контейнеры от-

вратительных розоватых и желтых оттенков принимают обличье навязчивых продажных женщин (*Ekelhaft rosa- und gelbgefärbte Plastikwannen boten mir mit der Aufdringlichkeit von Prostituierten an, eines der wohlsortierten, blinkenden Brotmesser in ihre aufgeblähten Leiber zu stoßen*).

Отвращение и ненависть героини по отношению к предметам, олицетворяющим домашний труд, эксплицируются следующими экспрессивными глаголами, выражающими наряду с номинативными значениями оценку интенсивности действия (как правило, разрушения, насилия): *packen, zurückschrecken, schreien, knallen, aufschlitzen, zerfetzen, stoßen, zerknittern*. Например, *Kleiner Plunder in unübersehbaren Massen, Salzstreuer, Zahnputzgläser, buntbemalte Blechtablets, Eierbecher, Schneebesen, Kuchengabeln, alles schrie danach, in die Luft gefegt oder gegen die bereitstehenden Badezimmer Spiegel geknallt zu werden* [Muhr, 1976]. — *Мелкий скарб в необозримой массе, солонки, стаканы для зубных щеток, разрисованные жестяные подносы, подставки для яиц, венчики для взбивания, кухонные вилки — все вопило и требовало быть расивырянным или расколотым о стоящие тут же зеркала для ванных комнат* (перевод наш — И. Б.).

Интенсивность и масштаб ярости героини (*rasende Wut*) передается количественными номинациями: *Stöße von Stahlsieben, Kochtopfberge, riesige Waschpulverpakete, kleiner Plunder in unübersehbaren Massen, Stöße von Bettlaken, eines der wohlsortierten, blinkenden Brotmesser*.

Ненавистным предметам домашнего обихода противопоставляются «нормальные» товары: блузки, дамские сумочки, рамки для картин, книги, чулки: *Ich rannte mit ihnen zur Rolltreppe, die uns aufwärts trug, dahin, wo wieder normale Gegenstände zum Kauf angeboten wurden: Blusen und Handtaschen und Bilderrahmen und Bücher und Strümpfe* [Muhr, 1976].

Нельзя не отметить высокочастотное употребление в тексте романа и эпитетов. Практически каждое имя существительное сопровождается с целью изобразительности и интенсивности описываемого образным определением. Так, оценивающий эпитет выполняет не только и не столько украшающую функцию, в эпитете выражается отношение автора к предмету, о котором идет речь. Конкретизирующие эпитеты служат более детализованному и четкому описанию ситуации или предметов действительности и вызывают у читателя прогнозируемые автором ассоциации. Предметные детали, состоящие из имени существительного и прилагательного, воссоздают у адресата то же самое ощущение, которое испытывает автор текста. Так, перед мысленным взором читателя возникает «фотоснимок» фрагмента действительности: эмалированные кастрюли (*emailierte Kochtöpfe*), вставленные друг в друга стальные сита (*ineinandergestellte Stahlsiebe*), рассортированные сверкающие ножи для хлеба (*wohlsortierte, blinkende Brotmesser*).

Проанализировав оценивающие эпитеты, выраженные именами прилагательными, мы обнаружили, что в целом все образные определения распадаются на две группы: экспрессивно-эмоциональные прилагательные с негативной коннотацией (*stupide Tätigkeit, eine unsinnige Wiederholung; ekelhaft rosa- und gelbgefärbte Plastikwannen; ein plumpes, sehr aufdringliches und sehr lautes Kind*) и прилагательные со значением интенсивности (*ein kaum zu unterdrückendes Verlangen; meine*

rasende Wut; der scheppernde, polternde Lärm; riesige Waschpulverpakete; mein langsam aufwachsender Hass).

Таким образом, все изобразительно-художественные средства романа рассчитаны на эмоциональное воздействие, обладают суггестивной и манипулятивной функциями и в определенной степени способствуют формированию в обществе иного взгляда на роль женщины и иного отношения к гендерным стереотипам.

Литература:

1. Бакушева, Е. М. Социолингвистический анализ речевого поведения мужчины и женщины (на материале французского языка): дис....канд. филол. н. — М.: Изд-во МПГУ им. В. И. Ленина, 1995. 193 с.
2. Горошко, Е. И. Анализ смысловой структуры текста и половой диморфизм в речи // Материалы Междунар. конф. «Социолингвистические проблемы в разных регионах мира». — М.: Институт языкознания РАН, 1996. с. 139–141.
3. Кирилина, А. В. Гендер: лингвистические аспекты. — М.: Институт социологии РАН, 1999. 189 с.
4. Красавский, Н. А. Олицетворение облаков в романе Германа Гессе «Петер Каменцинд»: аксиологический подход // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 7 (25). Ч. 2. с. 112–116.
5. Красавский, Н. А., Кирилина И. М. Образ женщины в пословично-поговорочном фонде немецкого языка // Языковая личность: культурные концепты: сб. науч. тр. Волгоград — Архангельск, 1996. с. 48–54.
6. Шабанова, Т. А. Метафорическое моделирование лингвокультурологической категории СВОИ – ЧУЖИЕ в феминистском дискурсе России и США: автореф. дис.... канд. филол. наук. — Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2013. 24 с.
7. Muhr, C. Hausfrau und Mutter // Muhr C. Freundinnen. — Berlin-München, Ullstein Verlag, 1976. S. 20–27.

«Я герой чумы, поражающий псов»:

«говорящие имена» в ирландском фольклоре на примере саг Уладского цикла

Богданова Анастасия Алексеевна, студент
Тюменский государственный университет

Ключевые слова: ирландский фольклор, ирландская ономастика, Уладский цикл.

Такой троп, как «говорящие имена» распространен в словотворческой практике многих (если не всех) культур, как в устной народной традиции, так и в авторской литературе. Безусловно, одна из главных функций этого тропа — функция описания характера персонажей. Однако та роль, которую играют онимы в ирландском фольклоре, не ограничивается лишь одной описательной функцией.

Можно выделить три тезиса, отражающих назначение онимов в контексте, источнике и ирландской традиции в целом. Ниже они рассматриваются один за другим с подтверждающими примерами из саг Уладского цикла с привлечением семантического анализа некоторых онимов. В цитатах из оригинальных источников контекст выделен курсивом для того, чтобы читателю было легче различить имя собственное, установить связь между ним и контек-

стом и сориентироваться в переводе. Заголовки тезисов выделены жирным шрифтом.

Функция описания — для более простого понимания можно выразить в виде вопроса: «Какие характеристики персонажа содержит имя?». Как уже было выше отмечено, эта функция довольно универсальна и является одним из художественных приемов. Имена и скрытое в них значение помогает рассказчику (в Ирландии саги — «scel»), как называли их сами ирландцы, в дословном переводе означает «рассказ» или «история» — передавались из поколения в поколение устно [10, с. 5–6]) более полно раскрыть характеристику героя. Причем подчеркивается не только характер, но и авторское отношение к персонажу, и соответствующая ожидаемая реакция аудитории. Смысл имен красочно и аллегорически атрибутирует персонажа с негативной/позитивной стороны.

Рассмотрим несколько примеров. Первый — образ Ассы/Нихассы/Несс (матери Конхобара, короля уладов), где показана эволюция имени и его художественного смысла. Отрывки о происхождении и воспитании Несс (ее основное имя) найдены в двух версиях: одна встречается в саге «Рождение Конхобара» [1, с. 8], другая — в «Деяниях Конхобара» [4, с. 400] («The Tidings of Conchobarsón of Ness» — перевод названия авторский, т.к. автор не располагает русскоязычным переводом этой саги). В обеих версиях написано, что Несс поначалу имела имя Асса (Assa), данное ей воспитателями-девушками, но затем этих девушек убил Катбад-друид, и Асса, желая отомстить, собирает небольшое войско-дружину, начинает грабить, разорять и спрашивать людей об убийцах ее воспитателей. В связи с такой сменой ее деятельности и характера изменяется и ее имя — Нихасса (Ní-hassa). Однако касаясь смысла сменяемых имен версии разнятся: в «Рождении Конхобара» «Assa» выступает аналогом «воспитанная» и Несс получает это имя от старшей из девушек-воспитателей (которую тоже звали Ассой), призванной обучить Несс хорошим манерам; потом, во время грабежей, Асса-Несс получает имя Нихасса в знак того, что стала более мужественной. В «Деяниях Конхобара» Несс было очень легко обучать и воспитывать, в связи с чем ее прозвали Ассой («легкая»), соответственно, оним «Нихасса» означает «нелегко».

В данной ситуации второй вариант трактовки представляется более приемлемым, так как «assa (e)» — «легкая, светлая», «Ní-hassa» образовано от слияния «assa (e)» и отрицательной частицы «ní-», которая вызывает аспирацию (оглушение звука, «звук с придыханием») гласного перед частицей — [h]. В итоге получается значение «нелегкая», что соответствует нити повествования второй версии. Какие-либо сведения о тождестве имен Асса и Нихасса со значением «вежливая, добропорядочная» и «храбрая» не найдено. Так или иначе, трансформация имен связана с характером Несс, ее изменением как личности в сюжете. Эволюция героя и его имени взаимосвязана.

Следующий пример рассматривает полисемантические прозвища существ, ассоциирующихся у ирландцев Средневековья с фантастическими колдунами, волшебниками, живущих в сидах — пещерах, гротах, под землей («sid» — «пещера, укромное место»). Неудивительно, что имена ведьм необычны. В саге «Похищение коров Регамны» Кухулин (речь пойдет о нем ниже) встречает ведьму и колдуна, чьи имена олицетворяют в большей степени природные явления и объекты. Начнем с имени колдуна-мужчины — «hÚargóeth sceo lúachuir sgeo ... ainm in fir sin» [5, с. 30]. Сразу стоит отметить, что «sceo» в данном контексте, скорее всего, выступает как союз «и». То же самое можно сказать и относительно «sgeo», так как в словаре нет его значения и, поскольку орфогра-

фические отличия на письме в средневековой литературе не редкость, можно предположить, что в слове «sgeo» автор поменял «с» на «g». Тем не менее, есть еще один наиболее приемлемый из остальных вариантов трактовки составляющей «sceo» — «борьба», «ярость». Далее, в слове «hÚargóeth» литера «h» может не учитываться, так как это оглушение гласной, аспирация; остальная часть — сложный оним, в котором можно выделить «úag» и «góeth»; «úag» — «холодный, леденящий», с «góeth» аналогична ситуация слова «sgeo» — писчик, вероятно, подразумевал значение «gáeth» — «ветер» или «море». Интересен смысл «lúachuir», который в русскоязычном переводе интерпретирован как «тростник», однако в словаре не значится точного перевода, опять же из-за орфографических особенностей, и поэтому можно допустить трактовку «ястреб» («lachur»). Таким образом, получаются варианты «холодный ветер/море и тростник/ястреб ... вот имя этого человека», «холодный шквал, ярость и ястреб ... вот имя этого человека».

Прозвище ведьмы не менее сложное и интересное с точки зрения интерпретации и «игры слов». В саге ее имя написано как «fóebar beo béoil, coim diúir, foltt sgeanb, gairitt sgeo úath hi a hainm» [5, с. 30]. К сожалению, некоторые составляющие опущены, так как выявить их смысл чрезвычайно затруднительно. Первое словосочетание связано с живыми или огненными устами («béo» — «живой, подвижный, огненный (чаще в предсказаниях)»; «bél» — «рот», «уста», поставлено либо в форму родительного падежа единственного числа, либо в форму именительного падежа множественного числа). Второе — «плоская грудь», «простое/мелкое судно», «пустыковая защита» («Coim» — «судно, грудная клетка, защита»; «Diúir» — «пустыковый, мелкий, простой, плоский»). Смысл третьего словосочетания не выявлен («foltt sgeanb»), и мы его пропустим. Насчет четвертого словосочетания возникают трудности в определении значения «gairitt», возможно, это одна из форм глагола «gairid» — «призывает, воспекает»¹; «úath» — «страх, ужас» и «призрак, монстр». Наконец, можно привести приблизительный перевод: «Живые/Огненные Уста, Плоская Грудь/Мелкое Судно/Пустыковая Защита, foltt sgeanb, Призывает (ют) и Страх/Ужас/Монстр (возможно, аналог в русском языке — «Призывающая Монстра и др». — прим. автора) в ее имени».

Видно, что эпитеты и олицетворения, скрытые в онимах, не только отражают стремление рассказчика передать злое и загадочное воплощение образа волшебного, но и особое отношение и самого рассказчика, и аудитории к духам, ведьмам и потусторонним силам, как к нечто иному, внушающему трепет и почтение.

Последний эпизод взят из рассказа «Спор свинопасов». Двое свинопасов (опять же, слуги правителей

¹ Перевод глагола воспроизведен в соответствии с морфологией древнеирландского языка, где у глаголов отсутствует начальная безличная форма «призывать». Поэтому для разбора глагола используется форма третьего лица единственного числа настоящего времени.

сидов) решают, кто лучше. На протяжении всей ссоры оба свинопаса превращаются в различные формы: рыб, птиц, призраков и проч.; в конце саги есть «перечень» прозвищ и названий, которые давали люди свинопасам в том или ином обличье: «*Rúcht & Runce imtar dá muccid. Ingen & Eitte imdar da sinén. Bled & Blod imtar da míl fo murib. Rind & Faebur imtar da fénnid. Scáth & Sciath imtar dí siabair*» [2, с. 1122].

К сожалению, некоторые слова мы вынуждены опустить, так как не нашли даже приблизительного перевода, возможно, из-за орфографических особенностей, показанных в предыдущем примере. Оним «gucht» можно интерпретировать как «свинья» или как «шум», «плач», «крик». Значение онима «gupse» не выявлено, но, скорее всего, оно связано со свиноводством, это следует из контекста.

Следующее словосочетание — «Ingen & Eitte»: «ingen» — помимо значения «девушка, девочка, дочь» может быть также «ноготь» (в отношении строения человеческого тела), «коготь, копыто» (о строении животного или отдельно птицы). Сомнительно, что «ingen» употреблено в первом значении («девушка»): «Ingen & Eitte в превращении/облике птиц» — контекст указывает именно на вторую интерпретацию. Это подтверждается и «ette» — «крыло, перо».

Смысл онима «Bled» показывает, насколько точно отображали ирландцы свое восприятие к тому или иному образу, насколько могли конкретизировать роль персонажа в эпизоде: «bled» — не только «кит» в обыденном понимании, но и «морской монстр», дикий и фантастический зверь в море. Форма «blod» ссылается на изначальные формы «blog» — «кусочек, отрывок, фрагмент, небольшая часть» или «blad» — «обновление, слава». Снова контекст позволяет выбрать из множества вариантов наиболее приемлемый или приемлемые — «Bled & Blod в облике нерукотворных зверей в море (imtar da míl fo murib)». Примечательно, что «míl» — «зверь, причем низшего порядка, подчиненный, не человеческой природы» (но возможно также интерпретация «солдат, воин»). Более того, «míl» является составляющим других сложных понятий, связанных с морем и неведомым зверем: «mílach», «bledmíl».

Сочетания «Rind & Faebur» и «Scáth & Sciath» можно интерпретировать по аналогии с выше описанным: язык полисемантический, и в ходе анализа выделяются несколько значений из множества, где каждое из них раскрывает новую грань. «Rind» — 1. «поэтический прием, ритм, гармония», 2. «созвездие, звезда», 3. «деяние, подвиг, дело»; «faebar» — «оружие, острое лезвие»; «scáth» — «тьма, фантом, силуэт, бестелесный образ»; «sciath» — «щит» или «крыло, сияющее крыло», видно, что это укрывающее, ослепляющее, скрывающее.

Таким образом, перевод звучит так: во время спора свинопасов называли «Свинья и Рунсе (см. выше — прим. автора) в облике свинопасов, Коготь и Крыло/Перо в облике птиц, Морской монстр/Кит и Обновление

в облике зверей в море, Деяние/Подвиг (в качестве одной из главных положительных характеристик война было именно описание его дел, подвигов, поэтому мы оставим именно эту интерпретацию из трех выше выявленных; менее возможен вариант Ритм/Гармония, однако его не следует исключать: хотя красноречие и поэтический дар в Уладском цикле важны для друидов и филидов-поэтов, тем не менее, некоторые войны, рассказывая о себе, упоминают о навыке пения и красноречия — прим. автора), и Острое Лезвие в облике фенниев (ирландские войны-пехотинцы с метательным оружием — прим. автора), Тень/Фантом и Сверкающее Крыло/Щит в облике призраков».

Итак, рассмотрев три данных примера, можно проследить, насколько тщательно, красочно и тонко прорисовывались и характер персонажа, и его роль в эпизоде и сюжетной линии в целом, и скрытый взгляд на него автора, аудитории/зрителей.

Функция объяснения — «Почему он/она/оно так назван/а/о?». Смысл того или иного названия тесно связан с исчерпывающей информацией об объекте, которую рассказчик, а затем и прилежно записывающие «истории» монахи стараются ввести в канву повествования; в большинстве случаев оним и прилагающееся к нему объяснение вводятся последовательно в рамках одной саги, не отвлекаясь от основного хода сюжета. Явление, когда объяснение составляет целостный рассказ, выделяемый в отдельную историю, будет рассмотрено в третьем тезисе.

Чем же отличается эта функция от первой? Когда мы говорим о функции описания, то в данном случае, как правило, не предполагается *причинная* связь между онимом и его носителем. Если значение онима подразумевает негативный/позитивный характер, то понятно, что персонаж, например, злой/добрый. Однако не ставится вопрос о том, *почему* этот персонаж именно такой, а не иной. Почему ведьма, которую встречает Кухулин в «Похищении коров Регамны», злая? Точного ответа нет, кроме как авторского предпочтения, фантазии и необходимости параллели «свой-чужой» в любом сюжете (также отметим то обстоятельство, что многие герои в ирландском эпосе амбивалентны, нередко выступая в роли трикстера, где границы восприятия в положительном/отрицательном ключе сглаживаются).

Онимы, связанные с их объяснением, наоборот, ориентированы на *пояснение*, на ответ на вопросы «Почему?», «Зачем?», «Откуда?» и др. В основном, эта роль применима к топонимам, объяснение происхождения которых в текстах очень распространено: в одном абзаце по ходу повествования может быть пояснено происхождение и значение более пяти топонимов подряд.

Так как объяснение топонимов — явление частое и довольно однотипное, то достаточно одного примера, чтобы показать эту функцию в полной мере. В саге «Сватовство к Эмер» есть эпизод, где Кухулин выполняет желания девушки, и каждый его подвиг «дает» название месту, где

происходят события: то место, где Кухулин убивает сотню войнов, называется «отныне» Глонад и т.д. несколько объяснений подряд [9, с. 28]. Рассмотрим одно из них: «Вскоре добрался Кухулин до места, что называлось прежде Ре Бан, а ныне зовется Круфоть. Могучие удары обрушил он там на врагов, так что во все стороны лились потоки крови. <...> С той поры стало зваться то место Круфоть — Кровавый Холм». В оригинале выделим места с онимами «Ре Бан» и «Круфоть» и прилегающим к ним контекстом — «*Ræ ban a ainm <...> co Cruíóid, Croíóit. i. fod cro*» [8, с. 260]. Начнем с «прежнего» названия — «*bán*» — «белый», «чистый», «святой»; понятие «*gé*» (одна из форм этого существительного «гае») не подразумевает конкретное значение «поле», как представлено в англоязычном переводе¹, но скорее как «пространство». Другое существительное «*góe*» также означает «участок земли», но не «поле».

Топоним «*Croíóit*» включает две составляющие, при рассмотрении которых важно контекстное пояснение — «*fod cro*», «кровавый холм». «*Cró*» означает «рана, насильственная смерть», если поставить в форму прилагательного «*crú*» — «кровавый». «*Fót*» или «*fod*» — «сцена резни, убийство»; «*fot*» также «земля», «почва» или «пятно земли/на земле». Таким образом, перевод выходит за пределы «кровавого холма»: «Кровавое Убийство/Резня/Насилие (второй вариант — Почва Смерти/Ран или Кровавая Почва)», что подчеркивает мотив жестокой смерти и одновременно связано с обстоятельством подвига Кухулина, более углубленно дополняя и описывая его с художественно-образной точки зрения.

Университетский колледж Корка (University College Cork) запустил проект, призванный соотнести топонимы, упоминаемые в ирландских текстах, с реальной географической локацией. Результаты доступны в Базе топонимов (Locus Database of Irish Placenames). «Круфоть» находится в восточной части Ирландии: четкие географические границы установить сложно, тем не менее, связь с реальными объектами вполне возможна, учитывая, что основа ирландского фольклора создавалась в VII–VIII веках и ранее.

Связующая функция. «Где еще, помимо этого текста, встречается данный оним?» Тезис заключается в том, что онимы могут выступать связующим звеном нескольких саг. В книгах-компиляциях, где собрано множество различных текстов — от библейских сюжетов и трактовок до генеалогий ирландских семей — исследователи выделяют и объединяют в «группы» тексты, исходя из их тематики, предполагаемого авторства или ссылок на некий общий сюжет (по этому принципу и созданы циклы саг — Мифологический, Уладский, Цикл Финна и Королевский).

Онимы как раз и выступают этими «ссылками»: если в повествовании двух, казалось, отдельных друг от друга рассказов встречается одно и то же имя (или группа имен), то логично предположить, что эти рассказы связаны между собой, возможно, общими действующими лицами, мифологическим пространством и/или временем. Более того, связующая функция заключается не только в простом сопоставлении онимов — «ссылка на что-либо» содержится и в самом их скрытом смысле.

Наиболее ярко это представлено в образе Кухулина — центральном персонаже всего цикла и главным «фондом ссылок». Один из самых известных моментов «Похищения быка из Куальнге» — убийство охотничьего пса кузнеца Кулина мальчиком Сетантой, который затем предлагает себя в качестве замены собаки и временного сторожа [6]. Собственно, отсюда и пошло его прозвище (которое, впрочем, замещает во всем цикле его настоящее имя) «*Cú Chulaind*» или «пес Кулана»: «*cú*» — «пес, сторож, охотничья ищейка», а также «волк». Таким образом, само значение прозвища содержит в себе «ссылку» на эпизод убийства собаки. В некоторых текстах («Похищение быка из Куальнге» — диалог в песнях-стихах между Фергусом Маг Ройгом и Медб) Кухулин упоминается с апеллятивизацией своего имени — «Пес Кулана». В заголовке данной статьи также приведен яркий пример апеллятивизации в саге «Сватовство к Эмер», когда Кухулин в разговоре с девушкой не называет себя по имени прямо, но дает интерпретацию: «Я герой чумы, поражающий псов»² [8, с. 237]. Девушка сразу догадывается (возможно, из-за фигурирования в этой метафоре собаки), кто с ней разговаривает и как звучит его имя. В данном примере не только выполняется связующая функция, но и сам ввод апеллятива в контекст довольно выразителен, так как смысл диалога заключался в сокрытии факта знакомства девушки с Кухулином от остальных персонажей. Иначе бы отец девушки Форгал быстро догадался о сватовстве Кухулина, и последнему пришлось бы менять тактику (однако замысел все равно был раскрыт).

Второй пример, где оним служит связующим звеном отдельных сюжетных линий и ответвлений — происхождение топонима Эмайн Маха, столицы уладов, жителей Ульстера.

Прежде всего, существует две версии происхождения этого топонима, обе включены в тексты саг в качестве описанного выше «встроенного объяснения». Первая — однажды у богатого скотовода-«фермера» появилась жена по имени Маха, которая, будучи беременна, участвовала в беге колесниц против своей воли и приличий. «Бежала женщина быстрее коней, но вдруг с криком упала на землю и родила близнецов, мальчика и девочку. С тех пор и назвали это место Эмайн Маха» [9, с. 2]. Версия

¹ Стоит учесть, что в английском переводе, где «*Rae-bán*» трактуется как «White Field», то есть «Белое Поле», понятие «*field*» в английском языке не ограничивается значением «поле», оно также может означать «пространство», «поле сражения», «равнина». Таким образом, нельзя сказать, что перевод имел погрешность.

² В источнике в рамках контекста есть пояснение, которое объясняет необычную метафору Кухулина с болезнью: «Ибо свиреп был в битве он».

выделена в отдельный текст-сагу «Недуг уладов», помещенный в Лейнстерской книге, а также сокращенное ее изложение есть в саге «Сватовство к Эмер», где Кухулин рассказывает об этом случае своему возничему. Теперь рассмотрим семантику топонима этой версии подробнее. В тексте саги «Недуг уладов» выделим момент, где конкретно объясняется происхождение и топоним вводится в контекст: «...*emun. i. mac & ingen. Is de atá Emuin Machae in sin*» [3, с. 467]. «Emon» — «emain» означает «близнецы, рожденные вместе, *одно-временно*». Действительно, в источнике нет каких-либо указаний на то, что близнецы (сын и дочь — «mac & ingen») были рождены последовательно, что только подтверждает выбранное нами значение и показывает насколько конкретный, точный и в тоже время красочный и полисемантический оттенок вкладывали древние ирландские сказители в лексику и онимы в частности. Какое «Machae» можно отметить, что в словаре есть отдельное толкование «Macha» — «резиденция Конхобара, сына Несс». Как уже было сказано, «Macha» также было именем героини, родившей детей. Итак, Эмайн Маха, согласно первой версии, трактуется как «Близнецы Махи»: «...*близнецы, то есть сын и дочь. Отсюда пошло Близнецы Махи здесь*».

Рассмотрим вторую версию, рассказанную Кукулином: Маха была не женой скотовода, но дочерью одного из трех королей, которая завоевала себе трон. Место для будущей столицы она очернила брошкой или пряжкой со своей шеи. В источнике есть фрагмент: «*h-eo oir imma tuin. i. Emain. i. eo-tuin*» [8, с. 239]. Здесь «*tuin (a)*» — «верхняя часть спины между плеч ниже шеи» (для сравнения звучания — «близнецы» — «emon» — «emain», их форма — «emuin»); «*eo*» — «брошь», «острый конец». Таким образом, можно перевести «*брошь золота с ее шеи*» (анатомическое подробное описание

из словаря сокращено — прим. автора), то есть Эмайн, то есть *брошь-с-шеи*».

Как видно, одно слово по сходству звучания может быть интерпретировано по-разному, чем свободно пользовались сказители, включая объяснения одного и того же топонима в свои истории. Однако важно, что смысл онимов заключает в себе «ссылки» к фрагментам (пример с Кухулином) или к целым отдельным текстам, которые могут быть помещены в различных компиляциях (пример с топонимом «Эмайн Маха»); «ссылки» обеспечивают сюжетно-смысловую связь, на основе которой исследователи объединяют тексты саг в циклы.

Ирландский фольклор заключает в себе множество особенностей и моментов, с точки зрения современных людей нелогичных и странных. Ономастика Уладского цикла саг показывает, что подобные моменты на самом деле необычайно выразительны и богаты художественными и лингвистическими приемами, и, если рассмотреть их глубже, можно выявить поразительную стилистическую, сюжетную и информативную роль как в отдельном тексте, так и в цикле в целом (связующая функция). Помимо таких мелких композиционных составляющих, как онимы, которые, как мы убедились, тщательно проработаны, существуют другие не менее интересные для исследователей литературные элементы («диалоги-загадки», необычные олицетворения и метафоры, странные модели поведения героев в повествовании и т. д.). Дискуссии вокруг них продолжаются до сих пор в кругу как зарубежных, так и отечественных историков и литературоведов.

Автор данной статьи благодарен проекту Электронного Словаря Ирландского Языка (The electronic Dictionary of the Irish Language (eDIL), созданного на основе словарей Ирландской Королевской Академии (Royal Irish Academy) и публикаций оригинальных древних и средневековых ирландских памятников.

Литература:

1. Compert Conchobuir I [Электронный ресурс] // Corpus of Electronic Texts. — апрель 2015 г. [дата посещения]. — <http://www.ucc.ie/celt/published/G301000/index.html>. — доступ открытый.
2. De Chophur in da Muccida [Электронный ресурс] // Corpus of Electronic Texts. — апрель 2015 г. [дата посещения]. — <http://www.ucc.ie/celt/published/G800011E/text003.html>. — доступ открытый.
3. Noenden Ulad & Emuin Macha [Электронный ресурс] // Corpus of Electronic Texts. — апрель 2015 г. [дата посещения]. — <http://www.ucc.ie/celt/published/G800011B/text017.html>. — доступ открытый.
4. Scéla Chonchobuir [Электронный ресурс] // Corpus of Electronic Texts. — апрель 2015 г. [дата посещения]. — <http://www.ucc.ie/celt/published/G800011B/text001.html>. — доступ открытый.
5. Táin Bó Regamna [Электронный ресурс] // Corpus of Electronic Text. — апрель 2015 г. [дата посещения]. — <http://www.ucc.ie/celt/published/G301005/>. — доступ открытый.
6. The Slaying Of The Smith's Hound By Cuchulain [Электронный ресурс]. — апрель 2015 г. [дата посещения]. — <http://adminstaff.vassar.edu/sttaylor/Cooley/HoundSlaying.html>. — доступ открытый.
7. The Wooing of Emer by Cú Chulainn [Электронный ресурс] // CELT: The Corpus of Electronic Texts. — апрель 2015 г. [дата посещения]. — <http://www.ucc.ie/celt/published/T301021/>. — доступ открытый.
8. Tochmarc Emire la Coinculaind [Электронный ресурс] // CELT: The Corpus of Electronic Texts. — апрель 2015 г. [дата посещения]. — <http://www.ucc.ie/celt/published/G301021/>. — доступ открытый.
9. Похищение быка из Куальнге // Пер. Т. А. Михайловой С. В. Шкунаева. — Москва: Наука, 1985. — 195 стр.
10. Рис, А., Рис Д. Наследие кельтов. Древняя традиция в Ирландии и Уэльсе. — Москва: Энигма, 1999. — 183 стр.

11. Celtic Literature Collective [Электронный ресурс]. — февраль-апрель 2015 г. [дата посещения]. — <http://www.maryjones.us/ctexts/>. — доступ открытый.
12. CELT: Corpus of Electronic Texts [Электронный ресурс]. — 1997–2015 гг. — февраль-апрель 2015 г. [дата посещения]. — <http://celt.ucc.ie/>. — доступ открытый.
13. Documents of Ireland [Электронный ресурс]. — апрель 2015 г. [дата посещения]. — <http://publish.ucc.ie/doi/>. — доступ открытый.
14. The electronic Dictionary of the Irish Language [Электронный ресурс]. — сентябрь-апрель 2014–2015 гг. [дата посещения]. — <http://edil.qub.ac.uk/dictionary/>. — доступ открытый.

Способы выражения обстоятельства времени в английском и русском языках и его место в предложении

Болтакулова Гулноза Фарруховна, докторант

Самаркандский государственный институт иностранных языков (Узбекистан)

В настоящей статье предпринята попытка сопоставительного анализа синтаксического компонента обстоятельства времени в английском и русском языках. В статье приводится определение грамматического термина «обстоятельство» и способы его выражения. Акцент сделан на расположении обстоятельства времени в английском предложении и русском предложении.

Ключевые слова: сопоставление, обстоятельство, действие, признак, наречие, предложение, придаточное, союз.

The article covers a comparative analysis of the syntactic component of adverbial modifier of time in the English and Russian languages. The article provides a definition of the grammatical term «adverbial modifier» and ways of its expression. Emphasis is placed on the location of adverbial modifier of time in English and Russian sentence.

Key words: comparison, adverbial modifier, action, sign, adverb, sentence, clause, conjunction.

Исследование сходств и различий между языками представляет большой научный интерес. Общие и специфические черты невозможно эффективно выявить и описать вне сопоставительного анализа языковых данных.

В настоящей статье речь пойдет об обстоятельстве времени в английском языке в его сопоставлении с русским.

Обстоятельством вообще является второстепенный член предложения, поясняющий слово со значением действия или признака и обозначающий, при каких обстоятельствах совершается действие, или указывающий способ, меру, степень проявления действия и признака. Морфологизованным выражением обстоятельств являются наречия. Наряду с ними в функции обстоятельств выступают имена существительные с предлогами или без предлогов, деепричастия, инфинитив, фразеологические сочетания наречного характера.

В сопоставительном русско-английском исследовании мы находим, в частности, следующее замечание: «Материал различных в типологическом отношении языков красноречиво свидетельствует о том, что члены предложения, хорошо известные нам еще со времени обучения в средней школе — подлежащее, сказуемое, дополнение, определение и обстоятельство, как по своей структуре, так и по своему грамматическому осуждению значительно различаются между собой по языкам».

Обстоятельства в английском языке (**adverbial modifiers**) в более узком смысле — это второстепенные члены предложения, которые указывают, в каком месте, в какое время, каким образом или при каких обстоятельствах (когда, где, почему, зачем и т.д.) совершается действие или имеет место то или иное состояние.

Английское обстоятельство обычно относится к глаголу, уточняя где, когда, как и почему совершается действие. Оно тяготеет к концу английского предложения, а в начальном положении усиливает своё значение.

Обстоятельства обычно относятся к глаголу в личной или неличной форме, реже к прилагательным и наречиям.

Обстоятельства имеют большую свободу расположения в предложении в английском языке, чем другие члены предложения. Они могут стоять в начале, в конце и в середине предложения. Однако место обстоятельства зависит от его значения и способа выражения, и определенные виды обстоятельств имеют свои места в предложении. Общим правилом является то, что обстоятельство не может отделять дополнение от глагола (т.е. стоять между глаголом и его дополнением). В русском языке, где отсутствует прямой порядок слов, обстоятельство может вполне стоять между глаголом и дополнением.

Английское обстоятельство времени можно разделить на обстоятельство неопределенного времени и обстоятельство определенного времени.

Обстоятельства неопределенного времени выражены наречиями неопределенного времени, например:

often — часто	just — только что
ever — когда-нибудь	already — уже
never — никогда	usually — обычно
always — всегда	sometimes — иногда
seldom — редко	soon — скоро

Они обычно ставятся между подлежащим и сказуемым или перед основным глаголом:

We often meet him in the street.	Мы часто встречаем его на улице.
I have never been to Paris.	Я никогда не был в Париже.

Обстоятельства определенного времени стоят в самом конце или в начале предложения:

I saw my friend yesterday .	Я видел моего друга вчера .
Yesterday I saw my friend.	Вчера я видел моего друга.

При наличии нескольких обстоятельств времени более точные указания времени стоят перед более общими:

I shall come here at ten o'clock to-morrow .	Я приду сюда завтра в десять часов .
---	---

Особым типом обстоятельств времени являются обстоятельства, выраженные союзом **when** или **while**, за которым следует имя существительное с предлогом или без предлога, имя прилагательное или наречие. Такие обстоятельства обычно переводятся на русский язык придаточным предложением времени:

— **When out of the flame** (=when the wire is out of the flame) it... again becomes magnetic... — Когда проволока удалена из пламени, она снова становится намагниченной...

— The worthy old lady took a fancy to Rawdon Crawley **when a boy**. — Почтенной старой леди полюбился Родон Кроули, когда он был мальчиком.

Однако, говоря о придаточных обстоятельственных предложениях времени, нельзя не учитывать некоторые спорные моменты.

Придаточные обстоятельственные предложения времени **служат для обозначения времени действия**, выражаемого сказуемым-глаголом главного предложения. Они **вводятся многочисленными союзами** — простыми и составными:

1. *while, when, whenever* (с обобщенным значением);
2. *till, until, as, as soon as, as long as, so long as, since, directly after, before, now that, no sooner — than, hardly (scarcely) — when*:

Литература:

1. Аракин, В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков. М.: Просвещение, 1989. 148 р.

Примеры:

«Bless my soul,» said Mr. Pickwick as (когда) they stood upon the pavement while (это время как) their coats were being put in.

As soon as I remembered I was not defenseless, courage flowed again in my heart.

Некоторые союзы служат для выражения других логических связей и, следовательно, имеют иное значение.

а) Союз **when**, помимо своего основного значения «когда», может иметь значение «как вдруг»:

The boy sat down on a stone to take a pebble out of his shoe when he saw a beggar approaching him. (*from an English fairy-tale.*)

Предложение, которое вводится **when** в таком значении, не выражает времени действия, обозначенного сказуемым главного предложения, а передает самостоятельную мысль.

В данном случае имеется логическая перестановка главной и придаточных частей, т.е. переходный случай между подчинительной и сочинительной связью.

б) Союз **while** может быть и подчинительным союзом с временным значением «в то время как», и противительным союзом со значением «тогда как», «между тем как», «а», «но».

Сравните: While you played the piano, I was talking to mother (здесь союз **while** имеет временное значение — подчеркивается одновременность действия).

The productions brought into the country are termed its imports, while those which are sent out are known as exports (здесь союз **while** означает тогда как; он может быть заменен союзом *whereas*).

To make a large body of men sing together is a hard task, while (=but, and, в русском языке «а») to make an orchestra play together is even more difficult.

В данных примерах союз **while** имеет противительное значение, и поэтому предложение в целом выступает как сложносочиненное.

В сопоставляемых языках обстоятельство места выражается в основном двумя способами:

1. Предложными конструкциями в английском, которым соответствуют предлоги в русском языке.

2. Пространственными наречиями, в том числе выражающими местонахождение или его изменение по отношению к субъекту действия или же выражающими местонахождение по отношению к субъекту речи, а также наречиями, выражающими местонахождение по отношению к пространственному ориентиру.

Обстоятельство времени в обоих языках может быть выражено: а) с помощью наречий; б) с помощью падежных словосочетаний; в) с помощью деепричастных оборотов в русском языке, которым соответствуют причастные обороты в английском.

2. Блох, М. Я. Теоретическая грамматика английского языка. — М.: Высшая школа, 2000. 350 р.
3. Ильиш, Б. А. Строй современного английского языка (на англ. языке). — М.: Просвещение, 1965. — 220р.
4. Качалова, К. Н., Израилевич Е. Е. Практическая грамматика английского языка: Учебник. — М: ЮНВЕС, 2001. — 256 р.
5. Хабибуллина, А. Э. Фразеологические единицы, выражающие состояние человека в русском, английском и татарском языках: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.20/А. Э. Хабибуллина. — Казань, 2010. — 300 р. 8 р.
6. Hengeveld K. Questionnaire: the internal structure of adverbial clauses. Amsterdam, 1991. — 238 р.

Особенности суффиксального словообразования существительных английского языка

Гавриленко Василина Владимировна, студент;
Горбунова Валентина Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент
Пензенский государственный университет архитектуры и строительства

Статья посвящена закономерностям употребления аффиксов существительных в современном английском языке. Благодаря использованию живых аффиксов, студентам проще будет обогащать свой словарный запас. Аффиксы легко выделяются как словообразующий элемент. Они представляют собой суффиксы и префиксы. Они используются для образования новых слов. Продуктивность аффикса зависит от того, как много образований они дают.

В статье указаны примеры суффиксов действующего лица, способы образования от разных частей речи. Чаще всего для словообразования в основе слова используются существительные и глаголы с добавлением суффиксов -er, -or, -ee, -man. Примеры существительных представлены в таблицах.

Ключевые слова: аффикс, суффиксальное словообразование, суффикс-омоним, агентивное значение, ору-дийное значение, прилагательные, существительные, глаголы.

Peculiarities of suffixal English nouns formation

V. V. Gavrilenko,
V. S. Gorbunova

The article is devoted to regularities of the use of affixes of nouns in modern English. Thanks to live affixes, it will be simpler to students to enrich the lexicon. Affixes are easily presented as word formation elements. They represent suffixes and prefixes. They are used for formation of new words. Efficiency of an affix depends on the number of newly formed words.

Examples of suffixes of an agent, ways of formation from different parts of speech are specified in the article. Most often for word formation at the basis of the word nouns and verbs with addition of suffixes — er, — or, — ee, — man are used. Examples of nouns are presented in tables.

Keywords: affix, suffixal word formation, suffix homonym, agentive value, cannon value, adjectives, nouns, verbs.

Изучение слов английского языка не имеет возможности быть полным и всесторонним, в случае если не будет усвоена система образования новых слов. Сознательное использование живых аффиксов даст возможность обогащать свой словарный запас на базе уже известных слов.

Что такое живые аффиксы? Это продуктивные, дающие много образований морфемы, которые приобрели абстрактные значения. Под продуктивностью понимается количество слов, которое появилось за период существования в языке аффикса, и частота появления новообразований с данным аффиксом.

Вполне естественно, что все продуктивные аффиксы являются живыми, хотя не многие живые оказываются гарантированно продуктивными. Под продуктивностью здесь понимается, в первую очередь, то количество слов, которое возникло за период существования в языке этого аффикса в качестве словообразующего элемента, и, во-вторых, частота появления новообразований с данным аффиксом. Исходя из этого, аффиксы бывают малопродуктивные, продуктивные, а некоторые обладают и так называемой «абсолютной продуктивностью» [3], т.е. способностью словопроизводства,

при которой аффикс меньше всего имеет ограничений в области своего использования в качестве словообразующего элемента.

Как известно, аффиксы представляют собой суффиксы и префиксы (приставки). Рассмотрим закономерности употребления некоторых суффиксов существительных.

Суффиксы действующего лица

Суффикс -er — самый продуктивный. В древнеанглийском языке с его помощью от существительных и глаголов производились существительные, обозначающие лиц по роду деятельности, например, *carter* — *возчик*; *writter* — *писец, писатель*; *player* — *игрок*; *adopter* — *усыновитель*; *backer* — *поручитель*; *scanner* — *сканер*; *kill* — *killer*. [5]

В среднеанглийском возникают существительные, у которых -er указывает на принадлежность к какой-либо местности, например, *Londoner* — *лондонец*, *Englander* — *англичанин*.

В дальнейшем с развитием техники суффикс -er приобретает орудийное значение (*roller* — *валик*). [5]

В настоящее время суффикс -er приобрел большую продуктивность и употребительность. Выделяют два суффикса-омонима: — er_1 с агентивным значением и er_2 с орудийным значением. [3] В отличие от прежнего употребления этот суффикс образует новые существительные от прилагательных и даже от числительных.

Присоединяясь к основам существительных, суффикс er_1 выражает значение лица, принадлежащего определенной местности (*borderer* — *житель пограничной полосы*, *hosteler* — *студент, живущий в общежитии*). Словообразующими основами являются основы имен существительных, обозначающих определенную местность, например, *villager* — *житель деревни*; *New Yorker* — *нью-йорконец*, *islander* — *островитянин*. Подобное значение этот суффикс выражает и в сочетании с основами прилагательных (*norserner* — *северянин*, *foreigner* — *иностранец*).

Также суффикс er_1 имеет свойство выражать значение характерного качества или признака, заключенного в основе (*greener* — *новичок*).

Данный суффикс выражает агентивное значение, но с различными оттенками: лица, постоянно занимающе-

гося какой-то деятельностью (*learner* — *учащийся*), лица, действующего определенным образом в данное время (*speaker* — *говорящий*), лица, способного к определенному действию (*a good swimmer* — *хороший пловец*).

Глагольные основы, с которыми er_1 свободно сочетается, можно разделить на пять классов:

1) Глаголы, обозначающие род занятий или профессиональные действия (*to dye* → *dyer* — *красильщик*, *to assay* → *assayer* — *пробирущик, лаборант-химик*, *to draw* → *drawer* — *чертежник*, *to carve* → *carver* — *гравёр, резчик по дереву*).

2) Глаголы, обозначающие процессы речи, например, *to blab* — *разбалтывать* (ср. *blabber* — *болтун*), *to brawl* — *кричать* (ср. *brawler* — *скандалист*), *to roar* — *орать* (ср. *roarer* — *горлопан*).

3) Глаголы, обозначающие душевные побуждения людей. Производные слова называют лица, а исходные основы указывают на душевные побуждения, присущие этим лицам (*to admire* → *admirer* — *обожатель*, *to avenge* → *avenger* — *мститель*, *to tempt* → *tempter* — *искуситель*).

4) Глаголы движения, например, *to fly* → *flyer* — *летать*, *to hop* → *hopper* — *прыгун*, *to race* → *racer* — *гонщик*, *to swim* → *swimmer* — *пловец*.

5) Глаголы, обозначающие чувства и восприятия (*to hear* → *hearer* — *слушатель*, *to see* → *seer* — *наблюдатель*, *to watch* → *watcher* — *сторож*).

Суффикс er_2 используется для формирования существительных, обозначающих приспособления, приборы, инструменты, посредством которых выполняется действие (*sower* — *сеялка*, *rectifier* — *выпрямитель*). А также обозначающих деньги достоинством в столько единиц, сколько заключено в числительном (*fiveer* — *пять долларов*, *tenner* — *десять долларов*).

Характерной чертой суффиксов er_1 и er_2 является их использование для образования сложнопроизводных существительных (*can-opener* — *консервный нож*; *ice-breaker* — *ледокол*; *six-bedder* — *шестиместная комната*). Суффикс -er обладает почти абсолютной продуктивностью, т.е. способностью к новообразованиям, например, *teen-ager* — *подросток*.

Таблица 1. Существительные с суффиксом -er

Основа	Новообразование	Перевод
hack	hacker	хакер
kill	killer	убийца
mix	mixer	смеситель
believe	believer	верующий
fight	fighter	боец

Суффикс -or помимо агентивного значения, которое он выражает в романских заимствованиях, приобрел и орудийное значение, но при образовании слов от основ глаголов, относящихся к науке и технике

(*generator* — *генератор от to generate* — *генерировать, производить*, *illuminator* — *иллюминатор от to illuminate* — *освещать*, и не требующие перевода *reactor, compressor*).

Суффикс -ог обычно сочетается с двусложными и многосложными основами, имеющими в составе суффикс -ate, характерный для научного стиля (*activator* — уско-

питель, *adjudicator* — судья, *ambassador* — посол, *посредник*, *animator* — художник-мультипликатор).

Таблица 2. Существительные с суффиксом -ог

Основа	Новообразование	Перевод
translate	translator	переводчик
invent	inventor	изобретатель
reflect	reflector	отражатель
erect	erector	монтажник
diffuse	diffusor	диффузор

Суффикс -ее проник в английский язык в составе французских терминов, называющих лиц, представителей юридического или административного мероприятия (*appellee* — *ответчик*, *presentee* — *кандидат*). В дальнейшем по аналогии был образован целый ряд слов и от основ слов германского происхождения.

Этот суффикс имеет пассивное толкование объекта того действия, на которое указывает глагольная основа (*employee* — *служащий*, *examinee* — *экзаменующийся*, *addressee* — *адресат*).

Глагольные основы, образующие существительные с помощью -ее, объединяются в один семантический класс: глаголы, относящиеся к юридическим административным понятиям со значением «передать, вручать или вверять что-либо кому-либо», к примеру, *devisee* — *наследник*, *trustee* — *доверенное лицо*. [4]

Суффикс -ее малопродуктивен, но дает новообразования (*selectee* — *призывник*, *separatee* — *демобилизированный*).

Таблица 3. Существительные с суффиксом -ее

Основа	Новообразование	Перевод
address	addressee	адресат
pay	payee	получатель платежа
educate	educatee	воспитанник
discharge	dischargee	демобилизованное лицо
design	designee	назначенное лицо

Суффикс -ist выражает значение активно действующего лица: указывает прежде всего на деятельность, связанную с предметом труда (*motorist* — *моторист*, *machinist* — *машинист*, *guitarist* — *гитарист*, *violinist* — *скрипач*) и представляет людей, занятых в определенной области (*biologist* — *биолог*, *educationist* — *педагог-теоретик*). Кроме того, могут быть представлены сторон-

ники убеждений, взглядов (*Pushkinist* — *пушкинист*, *Darwinist* — *дарвинист*, *Leninist* — *ленинец*) и последователи политических течений (*pacifist* — *пацифист*, *socialist* — *социалист*, *communist* — *коммунист*).

Этот суффикс также сочетается с прилагательными, выражая принадлежность к научному или политическому течению: *naturalist* — *натуралист*, *individualist* — *индивидуалист*, *controversialist* — *спорщик*.

Таблица 4. Существительные с суффиксом -ist

Основа	Новообразование	Перевод
clarinet	clarinetist	кларнетист
abolition	abolitionist	аболиционист
cycle	cyclist	велосипедист
moral	moralist	моралист
solo	soloist	солист

Суффикс-омоним -ite греческого происхождения выражает два основных значения: жителя определенного места и последователя какого-нибудь учения, теории (*Moscovite* — *москвич*, *Hitlerite* — *гитлеровец*).

Этот суффикс встречается в научном языке для образования существительных, обозначающих различные виды минералов, ископаемых, взрывчатых веществ, химических продуктов (*ebonite* — *эбонит*, *dynamite* —

динамит, vulcanite — вулканизированная резина, *dendrite* — дендрит).

Так как суффикс *-ite* очень часто встречается с названием минералов, то такие существительные стало принято делить на два семантических класса:

С основами собственных имен, обозначающих лиц, впервые открывших данный минерал или вещество:

hauerite (after F. Von Hauer, Austrian geologist) — гауерит, *martensite* (after prof. A. Martens, German naturalist) — мартенсит.

С основами, выражающими какой-либо характерный признак или свойство данного минерала или вещества: *roburite* — робурит, *sepiolite* — сепиолит, *stellite* — стеллит.

Таблица 5. Существительные с суффиксом *-ite*

Основа	Новообразование	Перевод
от греч. <i>μόλυχη</i> — тополь	malachite	малахит
позднелат. <i>marcasita</i>	marcasite	марказит
греч. <i>ρυκρος</i> — горький	picrite	пикрит
<i>favor</i>	favorite	фаворит
<i>aero</i>	aerolite	аэролит

Кроме указанных суффиксов, в английском языке встречается суффикс *-man*. Анализ образований на *-man* показывает, что этот суффикс обладает целым рядом особенностей. Во-первых, сочетаясь с основами существительных, этот элемент обозначает лицо, связанное с предметом, обозначенным основой: *iceman* — альпинист, *patrolman* — полицейский, *ploughman* — пахарь. Во-вторых, в сочетании с основами прилагательных

он обозначает лицо, проживающее в определенной местности: *Norseman* — норвежец, *Dutchman* — голландец. В-третьих, в случаях сочетания с глагольными основами, он выражает значение лица, выполняющего действие: *hangman* — палач, *watchman* — караульный. В-четвертых, элемент *-man* обозначает лица мужского пола: *horseman* — всадник, *keyman* — телеграфист.

Таблица 6. Существительные с суффиксом *-man*

Основа	Новообразование	Перевод
store	storeman	кладовщик
camera	cameraman	оператор
Norse	Norseman	скандинав
motor	Motorman	машинист
states	statesman	политик

Все перечисленные суффиксы — живые и продуктивные суффиксы современного английского языка. Об этом свидетельствуют их новообразования, которые

можно проследить в любой литературе: художественной, научной, публицистической.

Рассмотрим примеры существительных, имеющих разнообразнообразные суффиксы по таблице 7.

Таблица 7. Таблица современных суффиксов английских существительных

Суффикс	Существительное	Основа	Перевод
-er	player; digger; hopper; hearer; computer	play; dig; hop; hear; compute	игрок; землекоп; прыгун; слушатель; компьютер
-or	collector; reactor; selector; refrigerator	collect; react; select; refrigerate	сборщик; реактор; селектор; холодильник
-ee	absentee; revengee; sayee; evacuee; transferee	absent; revenge; say; evacuate; transfer	отсутствующий; тот, которому мстят; тот, кому говорят; эвакуированный; правопреемник
-ist	educationist; guitarist; geologist; Darwinist; conversationalist	education; guitar; geology; Darwin; conversational	педагог-теоретик; гитарист; геолог; дарвинист; интересный собеседник
-ite	Israelite; cityite; sepiolite; Hitlerite; vulcanite	Israel; city; sepia; Hitler; vulcan	израильянин, горожанин, сепиолит, гитлеровец, вулканизированная резина
— man	iceman; surfman; dogman; serviceman; salesman	ice; surf; dog; service; sale	снеговик; серфер; собачник; военнослужащий; продавец

Таким образом, мы видим довольно большое многообразие суффиксов существительных английского языка. В их числе большое значение и распространение имеют суффиксы -er, -or, -ee, -tap. Они являются довольно продуктивными, поскольку при их помощи могут быть образованы новые существительные от всевозможных частей речи: глаголов, прилагательных, существительных.

Знание суффиксов и умение верно их применять существенно облегчит студентам изучение лексики английского языка, так как, имея определенный лексический запас и зная законы образования английских слов с помощью суффиксов, можно сэкономить время на изучение новых слов и пополнение словарного запаса.

Литература:

1. Арбекова, Т.И. Лексикология английского языка (практический курс): учебное пособие для студентов II–III курсов ин-тов и фак. иностр. яз. [Текст]/Т.И. Арбекова. — М.: Высшая школа, 1977. — 240 с.
2. Арнольд, И.В. Лексикология современного английского языка. Учебное пособие для студентов ин-тов и фак. ин. языков [Текст]/И.В. Арнольд. — 2-е изд. — М.: Высшая школа, 1973. — 303 с.
3. Ворно, Е.Ф. Лексикология английского языка. Пособие для учителей сред. шк. [Текст]/Е.Ф. Ворно, М.А. Кащеева, Е.В. Малишевская, И.А. Потапова; Ред. Н.Н. Амосова. — Л.: Учпедгиз, 1955. — 169 с.
4. Дубенец, Э.М. Современный английский язык. Лексикология. Учебное пособие для студентов гуманитар. вузов [Текст]/Э.М. Дубенец. — М.: Глосса-пресс; СПб: КАРО, 2004. — 192 с.
5. Трофимова, З.С. Словарь новых слов и значений в английском языке = Dictionary of New Words and Meanings: словарь [Текст]/З.С. Трофимова. М.: АСТ: Восток–Запад, 2006. — 302 с.
6. Jespersen, O. A Modern English Grammar on Historical Principles. Part VI, Morphology. Copenhagen, 1937.
7. Sweet, H. A. New English Grammar. (Logical and Historical). 2 vol. Oxford, 1900–1955.

Эжен Ионеско: «трагедия языка» в театре и прозе абсурда

Гавришева Галина Петровна, кандидат филологических наук, доцент;
Албанский Владимир Владимирович, студент
Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (г. Симферополь)

В статье освещены некоторые лингвистические аспекты произведений Эжена Ионеско, виднейшего представителя французского театра абсурда XX века.

Ключевые слова: театр абсурда, стилевое своеобразие, билингвизм, игра слов, каламбур.

Тематика настоящей статьи представляется актуальной для исследования, ввиду возрастающего интереса читателей не только во Франции, но и во всём мире, к творчеству Эжена Ионеско, драматурга и прозаика, в котором усматривают художественного коллекционера абсурда. В этом контексте внимание привлекает сущность понятия «абсурд» и предпосылки его возникновения в современном культурном и литературном наследии. Эволюция термина «абсурд» проходит путь от античности до современности. Сам термин в европейские языки приходит из латыни (*ab* — «от», *surdio* — «глухой», *ab-surdus* — «неблагозвучный», «нелепый», «причудливый») [2, с. 9]. Истоки абсурда лежат ещё в античности, когда только начинала осмысливаться и признаваться иррациональность мира; подвергалась сомнению, пусть на время, логичность и упорядоченность человеческого бытия.

Эжен Ионеско вступает в литературу в середине XX века в послевоенный период, когда феномен абсурда был обусловлен сменой ценностных ориентиров на фоне таких явлений, как фашизм и тоталитаризм. В современную эпоху

система «абсурда» раздвигает границы человеческой реальности, являясь источником дальнейших философско-художественных поисков смысла бытия. В контексте творчества Э. Ионеско абсурд рассматривается критиками и исследователями с точки зрения логики, а также в качестве принципа, который предполагает внедрение эстетических и стилистических приёмов, свойственных языку его произведений, порождающих неожиданный логический и эстетический художественный эффект [4, р. 1–2].

Объяснение феномена стилевого своеобразия языка произведений Ионеско заключается в некоторых деталях его биографии. Известно, что Эжен Ионеско родился в 1912 году в городке Златине в Румынии, неподалёку от Бухареста. Отец его был румынский адвокат, мать — француженка. Вскоре семья переехала в Париж, с которым отец связывал свои надежды на успешную юридическую карьеру. Через три года он оставил жену с двумя детьми и вернулся в Румынию, где вскоре создал новую семью. Эжен остался во Франции с матерью и сестрой [6, р. 467–468].

В 1926 году они с сестрой переезжают к отцу в Бухарест, где прожили 13 лет до 1938 года. Праздник детства закончился, это был конец рая, по свидетельству писателя. Эти тринадцать лет, прожитые в Румынии, позволили Ионеско получить филологическое образование, приобщиться к румынской культурной традиции, сделать свои первые литературные шаги. Учёба в лицее в Бухаресте требовала серьёзных занятий румынским языком, которого Ионеско до этого времени почти не знал. Погружаясь в стихию нового языка, он всё больше отдалялся от французского. Опыт «забвения» и нового «знания» («познания») вкуса слов, когда разобщённые мысль и звук снова воссоединяются, приобретая новое единство и яркость, позднее вплетается в языковую ткань пьес других произведений Ионеско. Этот опыт объясняет свойственные языку его произведений — каламбуры, игру слов, художественную многозначность словосочетаний. Исследователи отмечают: Не эта ли отстранённость от его собственного языка, его как бы первозданное «удивление» перед миром привело писателя к стиливому своеобразию пьесы «Лысая певичка»?

Замысел этой пьесы, по собственному признанию Ионеско, возник у него во время изучения английского языка по самоучителю [5, р. 144–145].

Эжену Ионеско и его современникам Артуру Адамову и Сэмюэлю Беккету — всем троим — в высшей степени было свойственно осмысление одного из центральных явлений современной европейской культуры: существование речи, языка как непосредственной судьбы человека. На это обратил внимание Жан-Поль Сартр, назвав власть языка и власть над языком в структуре художественного произведения «панвербализмом».

Известный литературовед и литературный критик Михаил Яснов в этой связи отмечает, что психолингвистика могла бы задаться вопросом: почему основоположниками театра абсурда стали армянин Адамов, ирландец Беккет и румын Ионеско? В какой мере этому способствовал билингвизм? [3]

Ионеско задумывался над этим феноменом. Французский язык был для него родным, но румынский, по его собственному признанию, безусловно, сыграл свою роль в его лингвистическом воспитании. В беседе с Клодом Бонфуа, он рассказывает: «Я попал в Бухарест в тринадцать лет и уехал оттуда только в двадцать шесть. Румынский язык я выучил там. В четырнадцать-пятнадцать я приносил плохие отметки по румынскому языку. Постепенно я научился писать по-румынски. И свои первые стихи сочинил на румынском. Я стал хуже писать по-французски, начал делать ошибки. Когда я вернулся во Францию, я,

конечно, французский не забыл, но разучился на нём писать. Я имею в виду писать «литературно». Мне пришлось учиться заново. Уметь, потом разучиться, выучиться заново — по-моему, это интересный опыт» [цит. по 3].

Возвращаясь к истории возникновения замысла «Лысой певички», которая стала с тех пор общеизвестной, Ионеско не без иронии вспоминает подробности. Купив самоучитель и приступив к изучению английского языка, драматург вдруг открыл для себя «поразительные вещи»: например, «что неделя состоит из семи дней или, что пол находится внизу, а потолок — наверху» и т. п. Самоучитель, состоящий из речевых штампов, элементарных прописных истин, мог бы стать блестящим произведением абсурдистской литературы. «Чета Смит из учебника, продемонстрировавшая автоматическую речь, лишённую жизни, превратилась в чету Смит из «Лысой певички», которые обнажили в своих диалогах примитивность обывательского сознания и бессмысленность такого общения, где слова обесценены, ничего не значат» [3].

Таковы факты биографии Эжена Ионеско, которые помогают понять секреты лингвостилистических особенностей его пьес, ставших классикой театра абсурда: весь этот филологический юмор, превращающий театр в речевую феерию, погружающую зрителя и читателя в атмосферу языковой импровизации.

Что касается единственного романа Э. Ионеско «Одинокий», написанного им в 1973 году [1], его герой постоянно мучает себя всевозможными вопросами. Пытаясь понять, как совместить своё одиночество с теми представлениями о жизни, которые появляются в результате размышлений и приобретения нового жизненного опыта, человек бесконечно проговаривает одно и то же. И эти всевозможные повторы уничтожают не только язык, но и выхолащивают саму мысль.

«Одинокий» герой сидит в парижском ресторане, но не понимает слов, которые звучат вокруг него: «Всё это был обыкновенный шум или звуки чужого языка. Всё превратилось в мимолётные видения, во что-то вроде иллюзии пустоты» [1, с. 67]. Автор подчёркивает характерную черту современной жизни: люди перестали слышать друг друга, они всё чаще испытывают «одиночество вдвоём», «одиночество в толпе» и т. п.

Таким образом, различными способами автор даёт читателю возможность убедиться в том, что действительность, не находя опоры в языке, распадается. Мир при этом превращается в театр абсурда, а его персонажи становятся «героями» этой «трагедии языка», о которой Эжен Ионеско не уставал повторять в своих беседах, размышлениях и публичных выступлениях.

Литература:

1. Ионеско, Э. Одинокий: роман/Э. Ионеско: пер. с фр. Е. В. Баевской. — М.: Астрель, 2012. — 224 с.
2. Латинско-русский словарь/Сост. А. М. Малинин. — М.: Гос. изд. иностр. и нац. словарей, 1952. — 764 с.
3. Яснов, М. Поверх абсурда [Электронный ресурс]/Михаил Яснов. — Режим доступа: <http://fege.narod.ru/librarium/jasnov.htm>

4. Brillant-Annequin, A. Absurde (théâtre de l')// Dictionnaire encyclopédique de la littérature française. — P.: Robert Laffont, 1999. — P. 1–2
5. Vasak, A. Cantatrice chauve (La)// Dictionnaire encyclopédique de la littérature française. — P.: Robert Laffont, 1999. — P. 144–145
6. Vasak, A. Ionesco Eugène// Dictionnaire encyclopédique de la littérature française. — P.: Robert Laffont, 1999. — P. 467–468

Проблемы перевода метафоры (на материале современной английской поэзии)

Казакова Инга Владимировна, студент
Санкт-Петербургский экономический университет

Художественный перевод поэзии или прозы — это особый вид перевода, имеющий собственную специфику и ряд проблем. Для осуществления полноценного художественного перевода необходимо не просто адаптировать переводной текст к нормам переводящего языка, но также передать уникальный стиль автора, который реализуется, в первую очередь, с помощью использования разнообразных стилистических приемов и средств.

Необходимость изучения методов перевода стилистических средств обусловлена важностью точной передачи всей полноты информации художественного текста и воплощения художественного замысла. В данной статье будут рассмотрены проблемы и способы перевода метафоры в современной английской поэзии.

Материалом для анализа послужили стихотворения таких авторов, как Д. Константайн, С. Дагдейл, К. Даффи, Р. Макгоу, Т. Харрисон, Дж. Фентон, П. Пети, а также переводы, выполненные А.Д. Плисецкой, М.М. Виноградовой, М.В. Фаликман, Г.М. Кружковым, Е.А. Третьяковой, А.Г. Гениной и Дж. Катаром.

В художественных текстах широко распространено использование метафор. По определению И.В. Арнольд «Метафора обычно определяется как скрытое сравнение, осуществляемое путем применения названия одного предмета к другому и выявляющее таким образом какую-нибудь важную черту второго». Существует целый ряд классификаций метафоры. Традиционно метафоры подразделяются по структурному признаку на простые и развернутые. В простой метафоре метафорический образ передается одним словом, а развернутая метафора «состоит из нескольких метафорически употребленных слов, создающих единый образ» [1].

В английской поэзии мы можем обнаружить множество примеров простой метафоры: «the ash-grimed blackberries», «Housekeeping» D. Davie («вымазанная золой и пеплом ежевика», «Домоведение» Д. Дэйви), «Four and a Half Dancing Men» A. Stevenson («влажный взгляд», «Четыре с половиной танцующих человека» Э. Стивенсон), а также развернутой метафоры: «A woman is a foreign land/Although he there settles young/The man will never understand/Its customs, politics and tongue»,

«The Foreign Land», С. Patmore («Все женщины — с другой планеты/И хоть знаком с ней с детства он/Мужчине не дано понять/Её язык, обычаи, нрав», «Другая планета», К. Пэтмор).

На основании анализа отобранных примеров можно сделать вывод о том, что метафора является самым частотным стилистическим приемом в современной английской поэзии — 70 примеров.

С переводом стилистических приемов сопряжен целый ряд трудностей, возникающих в связи с различными механизмами образования образных приемов в структурах разных языков. Однако в переводческой традиции выработалось правило, согласно которому необходимо в первую очередь воспроизвести образ, функцию приема, а не конкретный прием. Для перевода стилистически выразительного текста необходима не столько форма, сколько функция стилистического приема в тексте [2].

Считается, что если семантическая основа образа подлинника передана точно, то результатом явится адекватный языковой образ на ПЯ и его адекватное смысловое содержание.

Вопрос перевода метафоры в художественной литературе является одним из наиболее сложных и важных, так как метафора — это воплощение ярких и оригинальных образов, выполняющих в тексте важнейшую задачу. С этим фактом связано появление многочисленных трудов, задачей которых является нахождение верной стратегии перевода метафоры.

Так, Питер Ньюмарк выявил ряд приемов, с помощью которых переводчики обычно передают метафору в художественном тексте [5].

1. Происходит сохранение метафорического образа, в случае если он понятен и близок для носителей другого языка.
2. Оригинальная метафора заменяется метафорой-эквивалентом.
3. Метафора переводится сравнением.
4. Метафорический образ сохраняется с добавлением поясняющей информации.
5. Метафора переводится перефразированием.

Метафора не только выполняет эстетическую и экспрессивную функцию, она является основным средством выражения авторского стиля. Поэтому необходимо стремиться к максимально точной передаче, как формы, так и семантического содержания метафоры исходного текста. Это особенно важно для поэтического текста, в основе которого лежит образ.

Однако при анализе переводов современной английской поэзии было выявлено множество случаев немотивированной реметафоризации оригинальных образов, а также их деметафоризации.

Данные виды переводческих трансформаций описывает А.Д. Швейцер. В качестве одних из самых распространенных семантических преобразований он рассматривает метафорические трансформации — метафоризацию, реметафоризацию и деметафоризацию. Под метафоризацией понимается замена неметафорического выражения метафорическим, реметафоризация — это замена одной метафоры другой, а деметафоризация представляет собой замещение метафорического выражения в исходном тексте неметафорическим при переводе [4].

В случае реметафоризации зачастую между оригинальным образом и образом, вновь создаваемым в тексте перевода, существует некоторая семантическая связь.

Например: «We were a ring; the clock ticked round us/For that time and the wind was deflected» (Д. Константайн) — «Словно ослабла броня, отражавшая времени стук/Словно разжалось кольцо, заслонявшее нас от ветров» (А.Д. Плисецкая)

«Could contain in their veins/That quiet, or the nervous system of stones» (С. Дагдейл) — «Тот островок, чьи нервы окаменели,/А в венах гранитных тихо воды текут» (М.В. Фаликман)

Несмотря на переосмысление образа, очевидна смысловая общность оригинала и перевода. В первом случае утрата оригинального образа несколько компенсируется переводчиком с помощью приема синтаксического параллелизма. Во втором примере переводчик использует эпитеты и олицетворение для сохранения экспрессивности.

При деметафоризации переводчики используют различные стратегии.

«Clattering back and forth between the wings» (С. Дагдейл) — «Снуют беспрестанно по коридору» (А.Г. Генина)

В данном случае переводчик пытается компенсировать опущение метафоры с помощью эпитеты и подбора лексик («снуют беспрестанно»).

«Wings of the air» (К. Даффи) — «Вода, и воздух, и скала, и пламя» (Е.А. Третьякова)

Полисиндетон используется для заполнения ритмической и экспрессивной лакуны.

Встречаются и иные варианты перевода метафора, в частности:

1. метафора передается в переводе сравнением:

«No man is an island» (С. Дагдейл) — «Нет человека, который был бы, как остров» (М.В. Фаликман).

«Natural ends are odd-even with beginnings» (С. Дагдейл) — «Начала и концы — как «чёт и нечет» (М.В. Фаликман)

2. метафора при переводе заменена глоссой:

«Not paradise, goes nowhere endlessly» (К. Даффи) — «Бескрайний и печальный эмпирей» (Е.А. Третьякова)

3. метафора при переводе заменена хиазмом:

«Desire and passion on the thinking air» (К. Даффи) — «Любовь есть небо, небо есть любовь» (Е.А. Третьякова)

4. метафора при переводе заменена плеоназмом:

«I first clapped eyes on the wolf» (К. Даффи) — «Там я впервые своими глазами увидела волка» (Дж. Катар)

5. метафора при переводе заменена риторическим вопросом:

«Breath of the wolf in my ear, was the love poem» (К. Даффи) — «Волчье дыхание в ухо — чем не эпиталама?» (Дж. Катар)

6. метафора заменена парцелляцией:

«You're an orchid, clinging to the porous roof of a host» (П. Пети) — «Ты со мной. Ты моя орхидея. Ты оплетаешь, о ты иссушаешь подкорку» (Ю.Г. Фокина)

Для рассмотрения явления метафоры в современной английской поэзии была использована семантическая классификация В.П. Москвина, представленная в его работе «Русская метафора: параметры классификации» [3]. Семантическая классификация подразделяется на классификацию по основному субъекту, вспомогательному субъекту, по формулам метафорического переноса. В классификации по вспомогательному субъекту выделяются следующие виды метафор:

— антропоморфная метафора, основанная на сравнении неодушевленных предметов, животных и растений с человеком: «the earth's mouth», «Crib Death» D. Stuart («пасть земли», «Внезапная смерть», Д. Стюарт), «The sea cries with its meaningless voice/Treating alike its dead and its living,/Probably bored with the appearance of heaven», «Pibroch» T. Hughes («А море кричало бессмысленным воем,/Взывая к мертвым и живым,/Лишая их иллюзий рая», «Вариации для волынки», Т. Хьюз)

— анималистическая метафора, при которой вспомогательным объектом является животное: «a dog's look», «Peeling Onions», A. Rich («собачий взгляд», «За чисткой лука», Э. Рич), «she turns into a black panther/and bites you to death», «Curse of the Cat Woman» E. Field («она превращается в черную пантеру/и наносит тебе смертельный укус» («Проклятие Женщины-кошки», Э. Филд)

— машинная метафора, где происходит сравнение с каким-либо механизмом: «Caxtons are mechanical birds with many wings», «A Martian Sends a Postcard Home» C. Raine («Печатный станок — механическая птица с тысячей крыльев», «Открытка марсианина домой», К. Рэйн)

— флористическая метафора, которая основана на сравнении с растением или его частью: «has laid my leaf full low», «Luckless Fortune» R. Burns («мой свежий лист опал», «Судьба-злодейка» Р. Бернс);

— пространственная метафора, опирающаяся на сравнение с какой-либо частью или измерением пространства: «he was my North, my South, my East and West», «Stop all the clocks...» W.H. Auden («он был мой север, юг, мой запад, мой восток», «Часы останови...» У.Х. Оден).

Было установлено, что самым распространенным типом метафоры по данной классификации является антропоморфная метафора, сущность которой не меняется при переводе:

«So word this poor idea-thing some vim,/Feet to stand on the earth on, cock and quim» (К. Константайн) — «Ты для бедняжки-вещи приготовь — /Опять словами — жизнь, и плоть, и кровь» (М. М. Виноградова)

«I hear the wind again as our hearts quieten» (Д. Константайн) — «Ветер слышен опять — затихли наши сердца» (А. Д. Плисецкая)

«Could contain in their veins/That quiet, or the nervous system of stones» (С. Дагдейл) — «Тот островок, чьи нервы окаменели,/А в венах гранитных тихо воды текут» (М. В. Фаликман)

«The man whose coat/Was ripped from him not by the wind/But by the sun» (С. Дагдейл) — «Словно с нас пальто не ветер/Срывал, а солнце» (М. В. Фаликман)

Выявлена анималистическая метафора:

«What little girl doesn't dearly love a wolf?» (К. Даффи) — «И какая же девочка не мечтает о волке?» (Дж. Катар)

Также распространена флористическая метафора:

«I'm kissing each bloom/Until one kisses back, bites like you» (П. Пети) — «Я их целую, но только/Темный, пурпурный цветок отвечает укусом» (Ю. В. Фокина)

«You're an orchid,/Clinging to the porous roof of a host» (П. Пети) — «Ты моя орхидея./Ты оплетаешь, о ты иссушаешь подкорку» (Ю. В. Фокина)

Литература:

1. Арнольд, И. В. Стилистика. Современный английский язык: учебник для вузов. — 4-е изд., испр. и доп./П. Е. Бухаркин. — М.: Наука, 2002. — 384 с.
2. Аширбекова, В. И. Проблемы и аспекты перевода стилистических приемов. — 2012. — апрель [Электронный ресурс]. URL: <http://arch.kyrlibnet.kg/uploads/ashirbekova.pdf> (дата обращения: 02.03.2014).
3. Москвин, В. П. Русская метафора: параметры классификации. Очерк семиотической теории. — 2-е изд., перераб. и доп./В. П. Москвин. — М.: ЛЕНАНД, 2006. — 184 с.
4. Швейцер, А. Д. Перевод и лингвистика/А. Д. Швейцер. — М.: Воениздат, 1973. — 214 с.
5. Newmark, P. The translation of metaphor // Approaches to translation. — N. Y., 1998. — 106 с.

Осмысление языческого начала в христианском контексте сказок А. С. Пушкина

Митяшов Роман Петрович, студент

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

Данная тема должна восприниматься не в контексте отдельных, ныне общеизвестных отдельных фактов о жизни и творчестве поэта, а контексте всего его жизнен-

«Your testicular roots dangle in my skull» (П. Пети) — «Плотью стучишься в висок изнутри, а снаружи/Бьется — и все замечают — бесцветная жилка» (Ю. В. Фокина)

Встречается пространственная метафора:

«Apart from love there is a long corridor/Lit by bulbs on a wire and echoing/Stretching miles between the wings» (С. Дагдейл) — «Помимо любви есть длинный коридор — /Гулкий, тускло освещенный, на мили/Растянувшийся между крыльями здания» (А. Г. Генина)

«The bed we loved in was a spinning world/Of forests, castles, torchlight, clifftops, seas/Where he would dive for pearls» (К. Даффи) — «Земля была о четырех углах/И балдахине, и она плыла./И, вынырнув с метафорой в зубах,/Он погружался снова» (Ю. В. Фокина)

А также машинная метафора:

«I suppose you know this isn't a merry-go-round./The man won't stop it when you think you've had your money's worth./To get off at all you'll have to jump» (Д. Константайн) — «Ты ведь знаешь — это не карусель./Ее не остановят, когда тебе прискучит кататься./Выход один — соскочить» (А. Д. Плисецкая)

В целом, можно сделать вывод о том, что решение о сохранении метафоры должно приниматься переводчиком в каждом конкретном случае отдельно, исходя из целесообразности и общего характера текста. В соответствии с тенденциями перевода метафоры, в случае демегафоризации используются иные средства для сохранения экспрессивности и семантики; при реметафоризации переводчики стремятся сохранить связь с оригинальным образом. В тексте перевода нереализованная метафора может заменяться другими стилистическими приемами (сравнение, глосса, хиазм, плеоназм, риторический вопрос, парцелляция).

ного пути: увлечение античной мифологией в лицейские годы; поэма «Гавриелиада» и её оценка Пушкиным через семь лет после написания как «прелестной пакости», не-

зависимо от того, писал ли её на самом деле поэт или князь Горчаков; стихотворный диалог А. С. Пушкина и святителя Филарета, митрополита Московского; последние дни, часы и минуты жизни великого поэта. А ещё была увлекательная работа над сказками, которые сам А. С. Пушкин назвал «новыми русскими сказками», а профессор Д. Н. Медриш употребил термин «антисказка».

Фольклор, разумеется, не монолитен в жанровых, композиционных и языковых проявлениях. Но он целостен в своей сердцевине, в масштабе и сути мировидения, его непреклонности. Фольклорная сказка насчитывает не одно столетие и даже тысячелетие, чтобы остаться неизменной, но даже этап переживания грандиозной ломки — переход от язычества к христианству — так и остался, по мнению М. Новиковой, незавершённым. «Что же с этой кричащей, вопиющей «несогласованностью» между языческой и христианской традициями делать фольклористу-пушкинисту?» — вопрошает исследователь [5; с. 3].

Остановимся на некоторых традициях языческого мировоззрения народных сказок. Независимо от вида сказки, в основе её (а, значит, и народного) мировоззрения этические представления неотрывны от эстетических: добро прекрасно, а зло безобразно, добро справедливо, зло вероломно и лживо. Только путем колдовства злых сил положительный герой может временно принять внешне безобразный вид (например, сказка «Царевна-лягушка»), а отрицательный персонаж — предстать в облике героя. Но в фольклорной сказке, в конечном счете, равновесие обязательно восстанавливается: зло обнаруживает свое безобразие, добро сверкает красотой. Народно-сказочный канон не допускает постоянного несоответствия между красивым и нравственным, между внешней красотой и внутренней. Как доказал В. Я. Пропп, для народной сказки характерно «устойчивое распределение функций между персонажами», или набор персонажей с их устойчивыми сюжетными функциями.

Народные сказки обладают стандартными языковыми средствами, традиционными и устойчивыми словесными приемами: присказки, зачины и концовки, устойчивые сочетания и др. Они, в свою очередь, также обязывают к однозначному восприятию происходящего, ведь молодец уже «добрый», девица — «красная», Баба-Яга — косяная нога.

Испытания для положительных героев фольклорных сказок организуют исключительно их антагонисты. Эти испытания носят событийный характер и связаны с преодолением чего-то внешнего: попасть за тридевять земель, победить Кощея, добыть меч-кладенец и т. д. Отсюда — волшебные предметы и колдуны: в народных сказках, как правило, происходит не чудо, а волшебство. По мере преодоления испытаний герою сказки приходится вступать в противостояние со злыми силами, и так как правда и справедливость целиком на его стороне, жестокий акт возмездия — отрубить головы Чуду-Юду и закопать их в песке, бросить Бабу-Ягу в печьку — воспринимается совершенно естественно и без противоречий. К тому же

смерть в представлении древних славян не являлась завершающей (высшей) точкой эволюции человеческой души. В языческом мировоззрении, как отмечает А. Н. Соболев, бытовало «представление о загробной жизни как о продолжении жизни земной». Кроме того, отправление души в область «красного солнышка», в верхний мир, исследователь объясняет воззрением предков-язычников на существо души. Другой исследователь, А. К. Байбурин, ссылаясь на этнографические сведения, пишет о том, что «в гроб клали неоконченную умершим работу (недовязанные чулки, недоплетенные лапти) в уверенности, что работа будет закончена на том свете». Эту незавершенность исследователь интерпретирует в связи с идеей продолжения жизни как в земном, так и в ином мире.

Язычество по сути своей — космическая религия, для которой главная ценность и точка отсчета — природа. Древние славяне обожествляли природу во всех ее проявлениях: стихиях (земля, вода, огонь, ветер и т. п.), порождениях (растения, деревья, животные, рыбы, птицы, вплоть до скал и камней). Для мировосприятия славян был характерен культ природы, который на ранних стадиях развития носил антропоморфный характер (например, культ воды постепенно перерастал в поклонение «водным» божествам). С развитием земледелия и скотоводства центральное место в славянских верованиях стали занимать представления и обряды, связанные с культом земли. А потому прохождение испытаний героями сказок — это олицетворение обрядов и ритуалов различного характера.

В советской науке о Пушкине существовала тема, далёкая от настоящей проблемы, называлась она «народность Пушкина» и пребывала в двух ипостасях: «либо народность эту искали в узком понимаемом фольклоризме, или ее толковали социологически как «отражение общественных настроений народных масс». Но тогда опять-таки львиную долю пушкинских произведений подверстать под подобную «народность» можно было только с помощью более или менее хитроумных трюков», — справедливо отмечает М. Новикова [5; с. 4].

В качестве научной основы наших размышлений взяты работы Д. Н. Медриша и В. С. Непомнящего, которые лишены подобного «трюкачества» и стали одними из самых глубоких и последовательных исследований творчества А. С. Пушкина, в том числе и цикла сказок. Впрочем, есть ли основания говорить о сказках Пушкина как о едином цикле? Вопрос из разряда риторических: представление о пушкинских сказках как о цикле вошло в научный обиход, многие исследователи приводят на этот счет весомые аргументы. В. С. Непомнящий, например, наглядно показал, как через все сказки проходит несколько сквозных проблем и лейтмотивов (проблема возмездия, образ моря, тема семьи и др.). С. В. Сапожков в качестве доказательства сюжетно-тематического единства пушкинских сказок приводит сам факт существования авторского проекта их совместной публикации, а также преемственность характеристик, относящихся к персонажам сказок, стилистические соответствия. А. И. Гессен уверенно излагает, что «Пушкин со слов

няни записал семь сказок. Записи показывают, как гениально поэт расцвел их своей фантазией» [1; с. 228.]

Однако наша задача состоит в том, чтобы за «цветением» фантазии и жанровым своеобразием (сказка-мифификация, сказка-новелла) увидеть то, что позволило их автору назвать сказки *новыми*, описать способы преобразования языческой природы традиционной сказки в пушкинские христианские мотивы и образы.

Учитель литературы на уроке по «Сказке о мёртвой царевне и семи богатырях» задаёт детям вопрос:

— Почему семь богатырей, таких сильных, смелых, дружных, не спасли царевну от смерти?

Следует несколько вариантов ответов:

— Потому, что их не было дома!

— Потому, что мачеха была хитрой!

— Потому что царевна не узнала Чернавку!

И вот учитель даёт свой вариант ответа:

— Потому что есть зеркальце, которое всегда говорит правду...

И здесь происходит то, чего никто из учащихся не ждал в начале урока: начинается диалог о том, насколько правдолюбие — хорошее качество, чем отличается правда от истины, может ли правда быть проявлением эгоизма. И христианское «вера без дела мертва есть» продолжается в «правде без любви, способной убивать». Этот эпизод урока можно назвать по-разному: пример работы по ФГОСам, мастер-класс, роль проблемного вопроса, — но нельзя не признать, что он ясно показывает, насколько сказка А. С. Пушкина избавлена от схематизма в изображении героев, от однозначного восприятия происходящего, от привязанности к ритуальности, от главенства внешних событий — от того, без чего не может быть сказки фольклорной. Это при том, что народные украшения сказки оставлены: эпитеты, повторы, внешние образы. Но если «фольклорные» испытания организуют исключительно антагонисты героини (мачеха), то испытания героев пушкинской сказки переносятся в сферу их чувств. Такие испытания проходят не только главные герои (царевна и королевич), но и богатыри. «Счастье, конечно, должно быть нравственно-выдержанное...», — пишет митрополит Антоний Сурожский [7; с. 503]. В сознании А. С. Пушкина так же, как и в сознании народа, идеалом, воплощенным в царевне, является гармоническое соединение красоты внешней и духовной.

Но поэт в своем произведении, насколько позволяет ему жанровая природа сказки, стремится показать многообразие проявлений красоты в жизни. Используя фольклорный принцип контраста и доводя до логического конца противопоставление мачехи и падчерицы, в образе царицы-мачехи дается пример полной противоположности внешней красоты и внутреннего безобразия. Поэтому природные «персонажи» в пушкинской сказке есть, но они лишены фантастических черт (кроме способности говорить), они не имеют конкретного образного воплощения, не помогают герою выполнить какое-либо трудное поручение или спастись от преследователей, а исполняют

каждый свою, определенную ему природой «работу». Правда, «Ветер», в согласии с фольклорно-сказочной традицией, указывает королевичу Елисею путь к гробу царевны, но главной функцией всех трех природных «персонажей» во внутреннем сюжете произведения является сочувствие, проявленное ими по отношению к герою, взаимопонимание, которое устанавливается между ним и силами природой.

В «Сказке о царе Салтане...» В. С. Непомнящий особо отметил, что любящий сын видит то, чего гости-корабельщики не замечают, — грусть на лице Салтана. То же смещение внешнего сюжета во внутренний можно видеть и во второй сказочной концовке: вместо простой констатации завершающего сказку события («пошел пир на весь мир»), есть оценка этого события рассказчиком, благодаря чему в последних двух строчках произведения сливаются в неразделимое целое народное «веселое лукавство ума» (А. С. Пушкин) и лукавый, ироничный взгляд самого поэта. И прощение ткачихи, поварихи, сватья бабы-бабарихи уже не выглядит нелогичным: внутренний мир царевича не позволяет ему опуститься до уровня мести. В «Алфавите духовном» Ефрема Сирина читаем: «Если будешь скрывать в сердце своём страсть памятозлобия, то сделаешься обителью ярости и неведения, а вместе и печали, и вид лица в тебе изменится. Ибо сказано: пути злопомнящих в смерть» [6; с. 291].

Д. Н. Медриш установил параллель между столицей на острове Буяне и столицей на Неве в «Медном всаднике». Оба стольных града являются из ничего, словно по волшебству: строительство Петербурга нам не показано; царь задумал — юный град вознесся. Однако исторические аллюзии у Пушкина не привязывают происходящее к конкретным личностям и случаям, а, напротив, придают случайному и единичному всеобщности, а повествованию — поучительность, притчевость. Так случилось с героем «Сказки о золотом петушке...» Дадон. Так будет всегда и со всяким, кто нарушит нравственный закон. «Сказка приходит, вызывая удивление, и уходит, утверждая справедливость». Да и насколько «народен» сюжет «Сказки о золотом петушке...»? А. А. Ахматова привела неоспоримые доказательства того, что сюжет последней сказки Пушкина заимствован из ирвинговской «Легенды об арабском звездочете». В то же время Ахматовой отмечены у Пушкина и такие повороты сюжета, которые в изложении Ирвинга отсутствуют. Это и три похода, в результате которых гибнут сыновья, а царь, забыв об утрате, пирует в шатре шамаханской царицы, и иная, чем у Ирвинга, развязка: у Пушкина звездочет не проваливается вместе с царицей в подземный мир — его убивает царь Дадон, и за убийством следует возмездие. Были и другие нововведения, однако эти — самые существенные.

Особую роль в понимании «новизны» сказок А. С. Пушкина играют их открытые финалы. Например, Д. Н. Медриш особо обращает внимание на «нетипичную» для сказочных канонов концовку «Сказки о рыбаке и рыбке».

В ответ на старухино требование сделать ее владычицей морской, повелительницей самой «государыни рыбки», та ничего не отвечает, только молча уходит в море. Фольклор чаще использует иной канон: «сказано — сделано»; вещее слово есть само по себе — главное дело. Но нарушения канона здесь нет. Здесь действует иной канон, тот, о котором написал Ефрем Сирийский: «О безмолвие — испытатель помыслов!» [6; с. 11]. Молчаливый уход рыбки — это ее «слово», это ответ мироздания на действия человека, пытающегося отменить иерархию ценностей и сил.

Возможно, правы те исследователи, которые считают, что сказки расположены в цикле по убывающей сказочности. В их числе, например, В. С. Непомнящий, который отметил нарастание от сказки к сказке назидательности: за отклонение от воплощенного в сказочном идеале пути к добру и справедливости виновные несут ответственность, и чем значительнее отклонение (а оно нарастает от сказки к сказке), тем неотвратимее возмездие, тем поучительнее урок. Было ли так задумано автором, трудно сказать, ведь, следуя мысли В. С. Непомнящего, «только рядовой или посредственный художник до конца понимает

созданное им». Но несомненно то, что А. С. Пушкин настолько проникся духом русской истории, христианской культуры, быта, что если и не знал, то точно и провидчески угадывал реалии. Митрополит Анастасий (Грибановский) написал о поэте: «Пушкин не был ни философом, ни богословом и не любил даже дидактической поэзии. Однако он был мудрецом, постигшим тайны жизни путём интуиции и воплощавшим свои откровения в поэтической форме. Всё, что отличает пушкинский гений — его необыкновенная простота, ясность и трезвость, «свободный ум», чуждый всяких предрассудков и преклонения перед народными кумирами, смирение на вершине славы, победная жизнерадостная гармония — всё это, несомненно, имеет религиозные корни... О нём можно с полным правом сказать, что душа его по природе — христианка: православие помогло ему углубить и укрепить этот прирождённый ему высокий дар, тесно связанный с самим его поэтическим дарованием» [3; с. 198]. Не случайно, за созданием сказок, последовало произведение, воплотившее христианскую идею милосердия в совершенной художественной форме. Это повесть «Капитанская дочка».

Литература:

1. Гессен, А. И. Всё волновало нежный ум... Пушкин среди книг и друзей — М.: Наука, 1965. — 498 с.
2. Медриш, Д. Н В сотворчестве с народом: Народная традиция в творчестве А. С. Пушкина: Теоретическое исследование. — Волгоград: Перемена, 2003. — 136 с.
3. Михаил Грибановский, еп. Лекции по введению в круг богословских наук. — К.: «Пролог», 2003. — 252 с.
4. Непомнящий, В. С. Да ведают потомки православных. Пушкин, Россия, мы. — М.: 2001—387 с.
5. Новикова, М. Пушкин в зеркале фольклора // Новый мир 1995, № 4, с. 3—5.
6. Преподобный Ефрем Сирийский — М.: Православное братство святого апостола Иоанна Богослова, 2010. — 448 с. — (Серия «Алфавит духовный»).
7. Суржский, А. Наблюдайте, как вы слушаете — М.: 2004—542 с.

Документный текст в профессиональной коммуникации

Михайлова Анастасия Николаевна;
Ерещенко Маргарита Владимировна, доцент
Донской государственной технической университет

В статье рассмотрена документная особенность текстов, изображающаяся в качественных и количественных параметрах, которые отражают процессы их формирования и функционирования в составе документов. Также определяется основной объект современной документной лингвистики — документный текст, который представлен с точки зрения основных лингвистических механизмов его формирования. Выявляются проблемы определения роли документных текстов в профессиональной коммуникации. Анализируются понятия, относящиеся к документным текстам. Дается анализ изменения параметров динамической характеристики документного текста. Обозначены коммуникативные аспекты документного текста и определена сложность документного текста как лингвистического объекта.

Ключевые слова: документ, документный текст, документная коммуникация, документная информация.

На сегодняшний день возрастает социально-коммуникативная роль современных официально-деловых и научно-технических документов, развитие типологиче-

ского разнообразия документных текстов не только формируют новое качество коммуникативно-языковой среды. Возникает необходимость в понимании различных теоре-

тических положений и лингвистических технологий создания документного текста (далее ДТ).

Процессы в современном информационном мире приобретают все возрастающее значение в коммуникативной практике общества и отдельной личности, это обусловлено развитием делового сотрудничества внутри страны и за ее пределами.

Социально-экономические, административно-политические и организационно правовые изменения в российском обществе привели к принципиальным изменениям в структуре и параметрах документных средств.

Документный текст — особый вид текстовых объектов, который проявляется в процессе своего создания, обработки и функционирования. Результаты воздействия на документные тексты различных текстообразующих механизмов составляют совокупность интралингвистических и экстралингвистических правил построения текста, в основание которых заложены принципы унификации.

Документ рассматривается в научной литературе как материальный объект, который нужно передать из одного пункта в другой, от одного участника коммуникации другому.

Термин «коммуникация» имеет различные варианты толкования. Так, А. В. Соколов определяет коммуникацию как опосредованное и целесообразное взаимодействие двух субъектов и выделяет ее отличительные признаки:

1) участниками коммуникации являются два субъекта, которыми могут быть как отдельный человек, так и группа людей, вплоть до общества в целом, а также животные (зоокоммуникация).

2) обязательно наличие передаваемого объекта. Он может иметь или не иметь материальную форму (книга, документ, жест, подарок и т. д.);

3) коммуникация всегда имеет цель: — перемещение материального объекта в геометрическом пространстве из пункта А в пункт В (транспортная или энергетическая коммуникация); сообщение друг другу смыслов, обладающих идеальной природой; передача генетической информации [3, 106 с.].

Документная коммуникация (далее ДК) — это коммуникация, опосредованная между документами в социуме и построена на обмене между двумя или более потребителями информации.

Анализ ДК показывает наличие у нее всех указанных общих признаков коммуникации: участниками могут быть отдельные люди (личная переписка), группы людей — различные объединения, организации и т. д. (распорядительные, организационные и др. документы.), общество в целом (книги); в процессе ДК передается информация, зафиксированная на материальном носителе, то есть наличествует передаваемый объект, имеющий материальную форму (книга, приказ, письмо и др.); ДК всегда целенаправленна (цель — сообщить необходимые сведения, донести управленческое решение, побудить к действию и т. д.) [2, 106 с.].

В абсолютно любой коммуникации возможны барьеры, которые будут препятствовать передаче и получению информации:

1) технический барьер — недоступность нужных документов для реципиента (слушатель, зритель, читатель) в силу разных причин (территориальная удаленность, ограниченный доступ, отсутствие пароля для входа в базу документов и т. п.); 2) психологический барьер — непонимание реципиентом информации, содержащейся в документе (вследствие использования незнакомой терминологии, отсутствия необходимых знаний и т. п.); 3) социальные барьеры — препятствия, которые воздвигают институты ДК и управляющие органы на пути сообщения от коммуниканта к реципиенту; главным из этих препятствий является цензура — барьер, отличающий ДК от всех остальных разновидностей социальной коммуникации

Исследователи описывают разные типы коммуникации. Например, в зависимости от пространственно-временной среды выделяются: материальная коммуникация (транспортная, энергетическая, эпидемии и др.); генетическая (биологическая, видовая); психическая (внутриличностная, автокоммуникация); социальная (общественная).

По характеру участников различают следующие коммуникации: технические (обмен информационными сигналами между техническими средствами); биологические (обмен коммуникационными сигналами между животными); социальные, или общественные (обмен сообщениями в человеческом обществе) [2, 106 с.].

Рассматривая документный текст как лингвистическое явление, обратимся к определению, которое представлено в работе С. П. Кушнерука: в документной лингвистике текст определяется как единица письменной речи, речевое произведение, обладающее смысловой и грамматической связностью и реализующее социальную задачу автора с помощью системы реквизитов. [1, 106 с.].

Неоднородность лексико-фразеологического состава ДТ возрастает под влиянием следующих факторов: многообразия субъектно-объектных отнесенностей документов, в которые входят ДТ; уровня унифицированности документа и его составляющих; размеров документных текстов; документно-лингвистической компетентности субъектов, участвующих в создании ДТ. [1, 25 с.].

Задачи документного текста: информативная (предоставление информации и хранение документов); коммуникативная (обмен информацией); правовая (использование в суде в качестве письменного доказательства).

Итак, документ может рассматриваться как сложный коммуникативный инструмент, исследование которого актуально и в системе лингвистических координат. Документный текст является лингвистическим объектом, который создается по особым технологическим правилам, обладающим качественной и количественной спецификой в реализации знаковых средств, входящих в эти тексты.

Значение документного текста в профессиональной коммуникации довольно велико, поскольку документные

процессы в современном информационном мире приобретают все возрастающее значение как в коммуникативной практике общества так и в развитии отдельной личности,

что обусловлено формированием делового сотрудничества в различных сферах жизнедеятельности внутри страны и за ее пределами.

Литература:

1. Кушнерук, С. П. Теория современного документного текста [Электронный ресурс]: афтореф. дис. д-р филолог. наук (10.02.19)/Кушнерук Сергей Петрович; Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Волгоградский государственный педагогический университет». — Волгоград, 2008. — 328 с.
2. Саидгасанова, Э. У. Документная коммуникация как вид социальной коммуникации [Текст]/Э. У. Саидгасанова // Вестник Волгоградского университета. Серия 2: Языкознание. — 2014. — № 3. — с. 105–109.
3. [Электронный ресурс]/Научная электронная библиотека «Киберленинка» [Изд-во: Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования Волгоградский государственный педагогический университет — режим доступа: <http://cyberleninka.ru/>: свободный. (дата обращения 11.05.2015 г.)

Контракция терминов, обозначающих общехирургический инструментарий и приборы

Расулева Малика Олимовна, учитель китайского языка

Узбекский государственный университет иностранных языков (г. Ташкент, Узбекистан)

Лексический фонд китайского языка находится в процессе постоянного изменения. Одни слова выходят из употребления, появляются новые, пополняющие словарный состав языка.

Начавшееся с конца XIX в. Бурное развитие терминологии, получившей особое развитие в XX в. Повлекло за собой появление значительного количества трехсложных, четырехсложных и даже пятисложных слов-терминов. Развитие многосложных лексических единиц. Породило и противоположную тенденцию — сокращения многосложных единиц чаще всего до двусложной. [1; с 89]

Число сокращений в китайском языке растет, и появляется необходимость описывать и изучать возникающие лексические единицы. Процесс их создания развивается быстрыми темпами и дает интересный лексический материал для изучения. Раннее явление было рассмотрено Е. Д. Поливановым. [2; 34–35] ИД Клеиным [1; с. 89–100].

Контракция — сокращение (стяжение) многосложных лексических единиц, т. е. процесс устранения (исключения) из состава многосложного слова или словосочетания отдельных морфем, в результате чего образуется сокращенное название, или сокращенная номинация. Лексическая единица, возникающая в результате контракции, называется сложно скопленным словом.

Следовательно, морфемная контракция, являясь особым видом аббревиации, в китайском языке, в отличие от ино-системных языков, опирается на морфологические и семантические свойства элементарных единиц

китайского языками поэтому имеет более глубинный характер и более широкие границы. [1; с 91] Появление сокращенных слов продиктовано необходимостью экономии времени, стремлением передачи максимального количество информации минимальным объемом средств. Что соответствует высокому темпу современной жизни распространению и популярности внедрения высоких технологий в повседневную жизнь социума.

Существует различные типы и способы морфемной контракции. Способы сокращения морфем в многосложных словах и коммуникативных словосочетаниях зависят от смысловых значений и комбинационных возможностей, а так же от числа компонентов в сокращаемых лексических единицах.

Морфемная контракция трёхсложных лексических единиц

В результате контракции этого типа опускается одна морфема и, таким образом, неизменно возникает сложно-сокращенное слово, состоящее из двух морфем. Обычно опускается вторая, реже-первая морфема. Третья морфема опускается в редких случаях.

拆线剪 chaixianjian → 线剪 xian jian-ножницы для снятия швов

电动锤 diandongchui → 电锤 dianchui-электрический молот

套管针 taoguanzhen → (троакара, канюля — троакара) — 套针 taozhen

套管 taoguan

体毛刀 timaodao → 剃刀 tidao — бритва

探条针 tantiaozhen → 探针 tanzhen-зонд, буж

圆体针 yuantizhen → 圆针 yuanzhen-круглая игла
 缝合针 fenghezhen → 缝针 fengzhen-шовная игла, игла
 для наложения швов

Морфемная контракция четырёхсложных лексических единиц

При контракции этого типа обычно опускается две морфемы (реже — одна) и, следовательно, образуется сложносокращенное слово, состоящее из двух (реже-трех) морфем.

布巾钳夹 bujinqianjia → 巾钳 jinqian — зажим для салфеток

持组织镊 chizuzhinie → 组织镊 zuzhinie — пинцет для тканей

持海绵钳 chihaimianqian → 海绵钳 haimianqian — корнцанг

组织持镊 zuzhichinie → 组织镊 zuzhinie — шпигцы для захватывания тканей

Морфемная контракция шестисложных лексических единиц

Контракция шести слогов представляет собой сокращение словосочетаний. При котором выпадает две, реже — одна, три морфемы.

电手术器械 diandongshouzhujie → 电手术器械 dianshouzhujie — электрохирургические инструменты

半弯型缝合针 banwanxingfenghezhen → 半弯针 banwanzhen — полуизогнутая игла

В морфемной контракции проявляется тенденция к экономии языковых средств. Единицы, возникающие в результате, как обычного словосложения, так и мор-

фемной контракции более чем двусложных единиц, стремятся к двусложной норме.

Изучение морфемной контракции, отражающей глубинные процессы сочетаемости единиц современного китайского языка, помогает понять его морфологи — семантическую структуру, дает возможность вскрыть валентные связи корнесловов (морфем и односложных слов), определяющие их комбинаторику в каждом конкретном случае, в известной степени раскрывает процессы, связанные с одной из главных особенностей китайского языка — морфологи — семантической значимостью слог деления [1; с. 99] Сокращение является одним из общих законов развития любого языка. Сущность его заключается в обеспечении передачи максимального количества информации (смыслового содержания) при минимальном использовании материальной оболочки языка (звуковой оболочки и графической формы), то есть в повышении эффективности коммуникативной функции языка.

Термины — сложносокращенные слова является продуктом выполнения одной или нескольких морфем. Сокращение сложных терминов приходит под знаком семантических ограничений, суть которых в недопущении выпадения тех компонентов, которые несут наиболее важную семантическую нагрузку [3; с. 77].

Таким образом, для повышения коммуникативных возможностей языка оказывается возможным опустит некоторые элементы, не уменьшая информационной ценности высказывания, то есть заменить развернутое высказывание кратким.

Литература:

1. Кленин, И.Д. Морфемная контракция и ее типы в современном китайском языке //вопросы языковедения/Институт языковедения. «Наука» М., 1975., с 89–99
2. Иванов, А. И. Поливанов Е.Д. грамматика современного китайского языка. Издательство «УРСС» М., 2003., 304 с
3. Фролова, О. П. Словообразование в терминологической лексике современного китайского языка. Новосибирск, 1981., 132 с
4. Корчегин, В. И., Синельников Ю. В. Краткий китайско — русский, русско — китайский медицинский словарь. «Интекс», 1991
5. The practical Chinese — English dictionary of medical science. Guangdong Science & technology press 2006/
6. 汉俄大医学词典。人民卫生出版社。2006. 4129 千字。

Интеграция понятий «язык» и «культура» в процессе обучения иностранному языку

Садчикова Яна Викторовна, кандидат педагогических наук, доцент
 Пензенский государственный университет

В процессе развития современного мира в русле взаимосвязанности и целостности постоянно нарастает темп глобальной интеграции материальной и ду-

ховной культуры различных стран, которая стимулирует интенсивное расширение сфер межкультурного общения членов мирового сообщества, углубляя содержание их со-

трудничества. Интенсивная интернационализация и интеграция различных аспектов жизнедеятельности государств сделали роль иностранных языков как средства межкультурного общения наиболее значимой.

Влияние культурного контекста на формирование личности переоценить невозможно.

В наступившем XXI веке языком межчеловеческого общения становится язык культуры — общей культуры личности, культуры международного сотрудничества, культуры общества в целом.

КУЛЬТУРА (от лат. *cultura* — возделывание, воспитание, образование, развитие, почитание), исторически определённый уровень развития общества и человека, выраженный в типах и формах организации жизни и деятельности людей, а также в создаваемых ими материальных и духовных ценностях [15, с. 18]. Понятие «культура» употребляется для характеристики материального и духовного уровня развития определённых исторических эпох, общественно-экономических формаций, конкретных обществ, народностей и наций (например, античная культура, культура майя), а также специфических сфер деятельности или жизни (культура труда, художественная культура, культура быта). В более узком смысле термин «культура» относят только к сфере духовной жизни людей.

В культурологии существует целый ряд подходов, разработанных отечественными и зарубежными учеными. Но поскольку в нашей статье данное понятие рассматривается с позиций обучения иностранному языку, мы будем полагаться на культурно-историческую теорию, разработанную Л.С. Выготским и его школой (А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия и др.). Данная теория состоит в том, что «в развитии человека существует как бы две переплетенные линии. Первая следует путем естественного созревания. Вторая состоит в овладении культурой, способами поведения и мышления. Вспомогательными средствами организации поведения и мышления (т.е. овладения культурой) являются системы знаков-символов, которые человечество создало в процессе исторического развития, т.е. язык, письмо и др.» [3, 5, 8, 13]. Соответственно, язык является универсальным средством познания культуры. Степень развитости владения языком говорит об уровне «культурности» личности. Отметим также, что знание нескольких языков существенно расширяет возможности человека в познании культуры, восприятие одного и того же явления (предмета) становится многоаспектным, согласно языковой и культурной традиции различных социумов. Чем большим количеством языков владеет человек, тем адекватнее его восприятие некоего культурного явления [1].

Принято делить культуру на материальную и духовную соответственно двум основным видам производства — материального и духовного. Материальная культура охватывает всю сферу материальной деятельности и её результаты. Духовная культура — это часть общей культуры личности. Духовная культура представляет собой многооб-

разную систему знаний, состояний эмоционально-волевой сферы психики и мышления индивидов, а также непосредственных форм их выражений — знаков. Универсальный знак — язык — естественный, искусственный, звуковой (речь) и письменный [6, 16].

Рассмотрев ряд подходов к понятию «культура», мы можем констатировать, что культура является специфической характеристикой общества и выражает достигнутый человечеством уровень исторического развития, определяемый отношением человека к природе и к обществу. Культура тем самым есть выражение специфически человеческого единства с природой и обществом, характеристика развития творческих сил и способностей личности. Культура включает в себя не только предметные результаты деятельности людей, но и субъективные человеческие силы и способности, реализуемые в деятельности (знания и умения, производственные и профессиональные навыки, уровень интеллектуального, эстетического и нравственного развития, мировоззрение, способы и формы взаимного общения людей в рамках коллектива и общества, способы передачи культуры от одного поколения другому — язык и речь).

Но как же при этом связаны язык и культура, и можно ли изучать культуру через язык и язык, опираясь на культуру? Приобщение к духовным ценностям, отражающимся в изучаемом языке и литературе (материалы устного народного творчества, тексты и др.), означает вхождение в иную культуру, так как в науке считается разрешенной проблема единства языка и культуры, языка и общества. Язык является хранителем национальной культуры, поэтому иностранному языку следует обучать не только как способу выражения своих мыслей, чувств, но и как источнику получения сведений о культуре народа. Слово является универсальным средством, позволяющим осознать и воспринять духовные ценности.

Взаимосвязями языка и культуры, языка и общества занимается ряд наук: лингвистика, социология, социолингвистика, психология, психолингвистика, лингводидактика, этнолингвистика, этнопсихолингвистика.

Языком в самом широком смысле называется принятая в отношениях между людьми система знаково-символических средств (словесных, музыкальных, визуальных и т.п.) и практика их использования. Словесный язык включает в себя 1) знаково-символическую систему с правилами применения ее единиц — звуковой, грамматический и лексический строй языка, — язык-«код»; 2) употребление этих знаков и символов в конкретных условиях — речь, языковую деятельность, «дискурс».

Универсальным языком, ядром и моделью языка вообще является «естественный», «национальный» язык — исторически сложившийся в повседневном общении людей.

«Множество языков нужно культуре именно потому, — утверждает М.С. Каган, — что её информационное содержание многосторонне богато, и каждый специфический информационный процесс нуждается в адекватных

средствах воплощения» [9, с. 37]. Словом, становится актуальной высказанная ещё в начале века Л. В. Щербой мысль, что «мир, который нам дан в нашем непосредственном опыте, оставаясь везде одним и тем же, постигается различным образом в различных языках, даже в тех, на которых говорят народы, представляющие собой известное единство с точки зрения культуры...» [15].

На том же тезисе построена теория Сепиера-Уорфа: во всех случаях расхождения содержательной стороны соответствующих слов различных языков различаются также и понятия у носителей этих языков [10]. То есть, можно сказать, что каждый язык формирует у его носителя определённый образ мира, представленный в языке семантической сетью понятий, характерной именно для данного языка: и ассоциативные эксперименты, и трудности, возникающие в межкультурном общении и при переводе, доказывают это. Хотелось бы обратить внимание на тот факт, что проблемы взаимодействия людей все более прочно сращиваются с проблемами обучения языку.

Итак, *язык — способ связи между людьми, организации и деятельности сознания, осуществляемый главным образом посредством системы голосовых звуков, за сочетаниями которых социально закреплены значимые для сообщества смыслы* [11]. А Н. Д. Арутюнова в книге «Функции языка» даёт следующее толкование: «Будучи важнейшим средством общения, язык объединяет людей, регулирует их межличностное и социальное взаимодействие, координирует их практическую деятельность, участвует в формировании мировоззренческих систем и национальных образов мира, обеспечивает накопление и хранение информации, в том числе относящейся к истории и историческому опыту народа и личному опыту индивида, расчленяет, классифицирует и закрепляет понятия, формирует сознание и самосознание человека, служит материалом и формой художественного творчества» [2, с. 609].

Фундаментальная способность языка фиксировать и связывать между собой реалии и представления различной степени конкретности и обобщённости — от указания на непосредственно данный чувствам предмет до предельно широкого понятия, вобравшего в себя результаты многократного абстрагирования. К основным **функциям** языка обычно относят:

- коммуникативную (функцию общения);
- мыслеформирующую (функцию воплощения и выражения мысли);
- экспрессивную (функцию выражения внутреннего состояния говорящего);
- эстетическую (функцию создания прекрасного средствами языка).

Другие лингвисты (В. А. Аврорин, А. А. Леонтьев, В. З. Панфилов, Р. О.) [4, с. 40] также выделяют:

- познавательно-оценочную функцию — называние, обозначение явлений действительности и отношений между ними; познание и оценивание, требующие использования языковых средств обобщения, абстрагирования,

сопоставления конкретного объекта и идеального эталона и т. д.;

- эмоционально-выразительную — оформление и выражение эмоционального состояния, отношения, стремления, воплощения настроения души в образе, в том числе и художественном, и т. д.;

- метаязыковую, поскольку естественный язык, будучи универсальным, способен обеспечивать описание себя самого и других языков.

Язык является необходимой составной нравственной, религиозной, познавательной, эстетико-художественной, воспитательной и других областей собственно человеческой деятельности. Каждая общность людей и сфера жизни имеют свои языковые особенности, свои правила словоупотребления, свои «языковые игры» (Л. Витгенштейн) [7; 14, с. 3].

В последнее время всесторонне обсуждается проблема взаимосвязи культуры и языка, проводятся всевозможные исследования языковой картины мира у носителей определённого языка, создаются ассоциативные словари разных языков, дающие богатый материал для изучения особенностей восприятия действительности в рамках той или иной культуры.

В течение двух последних столетий появилось три точки зрения по вопросу связи культуры и языка. Некоторые специалисты полагают, что язык и культура — это разные, не совпадающие по содержанию и функциям сущности (И. С. Улуханов); другие (Н. И. Толстой) подчеркивают неразрывное единство культуры и языка, утверждая, что можно рассматривать отношения между ними как целого и части, считая, что язык — это и автономный компонент культуры. Третья же точка зрения развивается и уточняется в работах С. Г. Тер-Минасовой, которая характеризует взаимоотношения языка и культуры с различных позиций и по различным направлениям их реализации: язык как зеркало культуры, язык как орудие культуры и другие. Все вышеизложенные точки зрения зависят от общего понимания культуры [12].

Рассмотрим и проанализируем взаимоотношения языка и культуры, сопоставляя их важнейшие общие функции, и выявляя то общее, что есть между ними.

1. Когнитивная функция культуры проявляется ярче всего в науке и достижениях научно-технического прогресса. В продуктах культуры человек познает мир и самого себя, систематизирует свое познание. Язык является носителем информации о явлениях культуры и средством ее познания.

2. Информационная функция культуры проявляется в достижениях духовной и материальной деятельности людей, передачи их во времени и пространстве. В свою очередь, язык — это хранилище знаний, средство фиксации сведений обо всех достижениях человеческого опыта.

3. Семиотическая (знаковая) функция культуры состоит в том, что любой продукт культуры является одновременно знаком, отражающим ее уровень, качество, национальную и социальную принадлежность. Язык же

общепризнанно является системой знаков и отражает те же свойства культуры.

4. Коммуникативная функция культуры реализует обмен достижениями культуры между отдельными человеческими общностями и индивидами. Что же касается языка, то вышеназванная функция является едва ли не важнейшей в его функционировании. Язык — это средство человеческого общения.

5. Аксиологическая функция культуры. Поскольку система ценностей и способы их выражения различны у представителей разных наций, то они по-разному реализуются в зависимости от типа культуры, ее уровня, но несомненным является тот факт, что система ценностей существует в каждой культуре. Что касается языка, то необходимо отметить, что, с одной стороны, в отдельном языке существуют языковые формы, в которых фиксируется оценка человека, его поведения, отдельных качеств; с другой стороны, сами языковые средства и их выбор подвергаются оценке с точки зрения определенной, например, социальной группы людей.

6. Регулятивная (нормативная) функция культуры проявляется, прежде всего, в нормах морали и права. И для языка названная функция тоже характерна. Язык представляет собой набор стандартизированных норм на всех уровнях: от фонем до текстовых единств. Язык — это также совокупность норм, в соответствии с которыми строится речь. Язык отражает и фиксирует существующую в определенной культуре систему ценностей.

7. Экспрессивно-эмоциональная функция культуры реализуется, прежде всего, в искусстве. Говоря же о применении данной функции в языке, следует сказать о том, что язык является средством эмоционального воздействия на адресата в различных жанрах речи. Данная функция заложена в любой предмет материальной и духовной культуры, а язык раскрывает эту функцию, описывая свойства предмета.

8. Функция разграничения и интеграции социальных, национальных и иных общностей людей. С одной стороны, культура есть воплощение национального менталитета.

Язык же присущ всему человечеству, национальные языки имеют общую структуру, а смыслы, заложенные в слова, и их значения позволяют адекватно описывать явления культуры общества, в котором существует данный конкретный язык. Владея многими языками, человек способен объединять и разграничивать явления по большому количеству характеристик, присущих им.

9. Функция перехода от социальной адаптации к индивидуализации и обратно. Наличие данной функции позволяет человеку осваивать все достижения культуры при сохранении своей индивидуальности. В.М. Лейчик отмечает, что сочетание группового и индивидуального в языке, переход от первого ко второму и от второго к первому обеспечивает формирование естественных языков и в то же время создание индивидуальных языков. Индивидуален стиль использования языка каждым человеком. На основе общего (национального) языка формируются подязыки (арго, жаргон, профессионализмы и др.), присущие разным субкультурам [16].

Из вышеизложенного видно, что большинство функций языка и культуры являются общими. Культура, и язык связаны многообразными отношениями, поскольку они представляют собой единое целое. Язык является способом выражения и средством познания культуры. Переходя от языка к языку, человек делает переход от культуры к культуре.

Знание иностранного языка позволяет более полно и многоаспектно раскрыть сущность культурных реалий и решить проблему адекватного понимания и переживания явлений культуры как родной, так и иностранной. Уровень культуры, который человек приобретет в процессе изучения иностранного языка, выразится в его компетентности как системном качестве личности, позволяющем ему реализовывать свои индивидуальные достижения в плане освоения иноязычной культуры в конкретной деятельности (например, коммуникативной или переводческой). Таким образом, иностранный язык позволяет увидеть и постичь все грани культуры страны изучаемого языка.

Литература:

1. Апресян, Ю.Д. Образ человека по данным языка [Текст]: Попытка системного описания/Ю.Д. Апресян // Вопросы языкознания. — 1995. — № 1.
2. Арутюнова, Н.Д. Функции языка [Текст]/Н.Д. Арутюнова // Русский язык: Энциклопедия. — М., 1997.
3. Верещагин, Е.М. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного [Текст]/Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. — М.: Русский язык, 1990.
4. Виноградова, В., Синюк, А. Подготовка специалиста как человека культуры [Текст]/В. Виноградова, А. Синюк // Высшее образование в России. 2000. — № 2.
5. Выготский, Л.С. Мышление и речь [Текст]/Л.С. Выготский. — М.: Лабиринт, 2005. — 342 с.
6. Жинкин, Н.И. Язык. Речь. Творчество [Текст]/Н.И. Жинкин. — М., 1998.
7. Залевская, А.А. Введение в психолингвистику [Текст]: Учеб. пособие для филол. спец./А.А. Залевская. — М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2000. — 382 с.
8. Игнатенко, Н.А. Формирование иноязычной социокультурной компетенции будущего учителя иностранного языка [Текст]/Н.А. Игнатенко // Актуальные проблемы языкознания и методики обучения иностранным языкам. — Воронеж, 2000.

9. Каган, М. С. Философия культуры [Текст]/М. С. Каган. — СПб, 1996.
10. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст]/В. И. Карасик. — Волгоград: Перемена, 2002. — 477 с.
11. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии [Текст]/Э. Сепир. — М., 1993.
12. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация [Текст]/С. Г. Тер-Минасова. — М.: Слово/Slovo, 2000. — 624 с.
13. Уайт, Лесли А. Понятие культуры. Три типа интерпретации культуры [Текст]/Лесли А. Уайт. — СПб., 1997. — Т. 1. Антология исследований культуры.
14. Формановская, Н. И. Речевой этикет и культура общения [Текст]/Н. И. Формановская. — М.: Высшая школа, 1989.
15. Щерба, Л. В. Избранные работы по языкознанию и фонетике [Текст]/Л. В. Щерба. — Л., 1958. — Т. 1.
16. Энциклопедический словарь по культурологии [Текст]. — М., 1997.

От понятия к номинации: идеографическое описание единиц с зависимым инфинитивом в русском языке

Фильцова Марина Сергеевна, старший преподаватель
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского (г. Симферополь)

В последние десятилетия в русистике значительное, хотя и пока явно недостаточное развитие получило нетривиальное для отечественной лингвистической традиции направление грамматических исследований, опирающееся на идею построения грамматики современного русского языка на содержательном основании, описания грамматической системы языка по принципу «от значения к форме». Современная лингвистика характеризуется активными исследованиями, касающимися путей и закономерностей функционирования морфологических и синтаксических форм (с учётом их системных структурно-семантических и коммуникативно-прагматических особенностей), образования функционально-семантических парадигм таких форм и установления иерархии функций в структуре функционально-семантических парадигм. Это является следствием целостного восприятия мира, исследования языковых явлений в неразрывной связи с потребностями коммуникативной деятельности человека. Идеографическое описание системы языка, как свидетельствует внутренняя форма самого термина (греч. *idea* + *grapho* 'описание понятий'), — это описание в направлении «от смысла к форме». Синонимичное понятие — ономаσιологическое описание (в противоположность семасиологическому как направлению «от формы к смыслу»). Основной вопрос, на который призвано ответить идеографическое описание: как средствами данного языка можно выразить те или иные обобщённые смыслы — понятия, лежащие в фундаменте языковой картины мира. Тем самым, в фундаменте идеографического описания системы языка лежат два взаимосвязанных представления: об обобщённых языковых значениях и о языковом сознании как их носителе.

Идеографический подход к изучению и описанию языковых знаков уже длительное время успешно применяется в русской лексикологии и лексикографии, наукой накоплен серьёзный опыт составления идеографических словарей. Эти факты создают дополнительный стимул для идеографических исследований в области грамматики, не имеющих столь давней традиции, но не менее важных, ведущих в конечном счете к созданию идеографической грамматики как полного системного ономаσιологического описания (моделирования) грамматического строя современного русского языка. В настоящее время многие российские лингвисты, в первую очередь И. Г. Милославский и представители его научной школы, рассматривают создание активной грамматики русского языка в качестве «важнейшей научной и общественной задачи современной русистики»: «Отсутствие грамматики русского языка для продуктивных речевых действий — серьёзный пробел в отечественной науке и, более того, в культуре» [9, с. 96, 100]. Особенно значим продуктивно-грамматический подход для тех сфер прикладной русистики, где ценится использование возможно меньшего количества исходных единиц и правил оперирования этими единицами — прежде всего в преподавании русского языка как иностранного. Отметим, что именно в этой сфере сегодня идёт активный поиск объяснений там, где ранее считалась возможной в лучшем случае простая констатация разрешений и запретов. Ср.: «Наряду с решительным поворотом к семантике в числе основных тенденций постструктуралистского этапа развития лингвистики можно назвать ... требование вполне эксплицитного и исчерпывающего характера лингвистических описаний» [6, с. 9].

Соотношение понятийной и языковой картин мира, как уже было сказано, изучается в двух направлениях:

от языковой картины мира к понятийной и наоборот. Направление анализа лингвистического материала от понятий к языку кажется нам более соответствующим естественному процессу языкового оформления мыслей, когда решается вопрос о том, как выразить тот или иной фрагмент действительности. Именно с этих позиций нас не устраивают существующие классификации слов с грамматической валентностью инфинитива в русском языке. Отметим, что проблематика инфинитива, его роль в составе словосочетания, простого и сложного предложения достаточно подробно описаны в лингвистической литературе. В ряде работ даётся подробная классификация глаголов, существительных, прилагательных, сочетающихся с инфинитивом, и отмечается, что семантика опорного слова становится важным инструментом объяснения функциональной роли инфинитива в предложении [3, 5, 13]. Однако семантические свойства слов, способствующие закреплению при них позиции инфинитива, обратное влияние инфинитива на семантику присоединяющего его слова — эти и другие вопросы, касающиеся инфинитива, рассматриваются до сих пор лишь в теоретическом аспекте, с позиций описательной лингвистики. Ни одна из имеющихся на сегодняшний день трактовок инфинитива не даёт ответа на вопрос: какая причина заставляет использовать в определённых случаях именно эту форму? Таким образом, актуальность предпринятого нами исследования определяется недостаточным описанием той части лингвистической прагматики инфинитива, которая служит целям обучения иноговорящих. Следует подчеркнуть, что характеристика сочетаемостных свойств инфинитива, даваемая носителями языка для носителей языка, не имеет объясняющей силы, в то время как функционально-коммуникативный подход в преподавании русского языка как неродного диктует необходимость эксплицитировать эти правила, сделать их осознанными. Научная новизна предприняемого исследования и определяется перемещением центра внимания от накопления фактов о языковой природе категории инфинитива к изучению функционирования его в речи с последующим лексикографическим представлением.

В процессе исследования причин, обуславливающих обязательную сочетаемость ряда глаголов, имён существительных, имён прилагательных, наречий с древней глагольной формой инфинитива, нами было выдвинуто предположение о существовании связи этих причин с детерминантами поведения индивида в онтогенезе, за пределами наличного состояния индивида и его конкретных желаний, ибо, как писал В. И. Вернадский, «монолит жизни в целом не есть простое собрание отдельных неделимых, случайно собранных, но есть сложная организованность, части которой имеют функции, взаимно дополняющие друг друга и содействующие одна другой» [7, с. 290].

Анализируя главные биологические отношения, исследователи отмечают, что в однородной среде, с которой началась экспансия жизни, присвоение биологически активных веществ осуществлялось в среде дискретных

предметов, что потребовало от организма, во-первых, способности распознавать жизненно значимые вещества и, во-вторых, умения к ним приближаться, то есть двигаться. По В. И. Вернадскому, движение как освоение окружающего мира с момента Биологического Большого взрыва включает в себя физическое заселение путём роста и размножения (место в геосфере), необходимость занять определённую позицию среди других живых существ своих и чужих видов (место в биосфере), которая на уровне человека становится местом в социосфере, и, наконец, интеллектуальное освоение мира (место в ноосфере) [цит. по: 12, с. 148]. Таким образом, источником активности живых систем, побуждением и целью их поведения в окружающем мире в психологии и психофизиологии считается **потребность**, которая понимается как избирательная зависимость живых организмов от факторов внешней среды, существенных для самосохранения и саморазвития.

Взгляд на потребность как на исходный пункт организации поведения разделял также И. М. Сеченов: «Жизненные потребности родят хотения, и уже эти ведут за собой действия; хотение будет тогда мотивом или целью, а движение — действием или средством достижения цели... Без хотения как мотива или импульса движение было бы вообще бессмысленно» [10, с. 146]. Иными словами, потребность выступает как основной механизм связи организма со средой, лежит в основе внутреннего напряжения, которое составляет основу активности живого организма.

Из сказанного следует, что у «я» нет другой возможности обнаружить себя кроме как ответить на внешние воздействия; «я» ориентировано вовне, рецепция и двигательные реакции, сенсорика и моторика взаимосвязаны. Побуждение же к некоторому предмету-цели, порождаемое механизмами потребностей, выступало перед субъектом как своего рода приказ, происхождение и необходимость которого оставались для субъекта неизвестными — так же, как и последствия его выполнения.

Говоря о феномене потребности как источнике активности живых систем в окружающем мире, отметим, что в психологии и философии выделяются следующие самостоятельные по происхождению потребности: витальные (биологические), социальные и идеальные (духовные, познавательные) [11]. Особое значение для нашего исследования имеют социальные и идеальные потребности, к которым относятся, в частности, потребность принадлежать к определённой общности, социальной группе и занимать в этой группе определённое место, а также потребность следовать *нормам*, принятым в данном обществе, без которой существование социальных систем оказалось бы вообще невозможным. Наряду с тремя основными группами потребностей выделяются две дополнительные [11, с. 53—55]: потребность в вооружённости (оснащённости) и потребность преодоления, обычно именуемая *волей*. Для того, чтобы удовлетворить свои многочисленные потребности, человек должен овладеть *навыками*, которые позднее трансформируются в стремление к *мастерству*, к развитию способностей, к возможности в конечном

счёте контролировать внешнюю среду [Там же]. Хорошо автоматизированные и потому переставшие осознаваться, перешедшие в подсознание навыки, глубоко усвоенные субъектом социальные нормы превращаются в своеобразный регулятор поведения и переживаются как «голос совести», «зов сердца», «велеие долга» [Там же].

Возникнув (актуализировавшись), потребность должна быть удовлетворена без промедления: иначе в некоторых ситуациях невозможно выжить. **Желание** — главный ускоритель наших действий. Оно максимально приближено к природе человека. Связь желания с волевыми явлениями и тесная функциональная связь его с оценивающими эмоциональными переживаниями признаётся и подчёркивается также и в философии, начиная с И. Канта.

Наиболее же характерной формой детерминации поведения живых систем является «детерминация из будущего» [11] — **целенолагание**. Организм строит своё поведение так, чтобы добиться определённых целей — удовлетворения тех или иных (прежде всего биологических) потребностей: утоление голода, жажды, избегание опасности и т. д. Известный русский физиолог П. К. Анохин подчёркивает огромное жизненное значение рефлекса цели, который, с его точки зрения, есть «основная форма жизненной энергии каждого из нас... Жизнь перестаёт привязываться к себе, как только исчезает цель» [1, с. 220]. На предмет-цель направлено желание. Желание толкает человека на совершение естественных действий. Предмет желания может ещё не осознаваться как цель действия, но способ получения объекта, если в нём возникает потребность, начинает интерпретироваться как цель. В этом смысле, возможно, справедливо утверждать, что в ряду естественных действий потребность создаёт цель.

При рассмотрении существительного *цель* естественно обратиться к именам родственных концептов *задача*, *мечта*, имеющих черты сходства и отличия с целью. С категорией желания связано чувство *надежды* — сложное чувство, возникающее при действии любого сильного желания и при предвосхищении успеха. Наконец, с модальностью возможности и желанием и намерением как внутренними установками человека связана модальность *попытки*, обусловленной внутренними возможностями действующего субъекта.

Таким образом, потребность, мотив, цель и её достижение являются организующим началом большого комплекса понятий, относящихся к человеку.

Наконец, анализ организмом окружающей среды невозможен без информации о его собственном функциональном состоянии, о собственной внутренней среде: ведь именно от неё зависит, как организм оценит внешние события. Любое восприятие неизбежно оказывается «заинтересованным», детерминированным. То есть восприятие — это не только действие, но и **эмоциональная оценка**, определение ценности прежде всего на уровне жизненных функций, то есть на уровне биологических инстинктов, полезности или вредности. Субъект, как отмечает

П. К. Анохин, руководствуется «самым древним и универсальным критерием всего живого — стремлением выжить» [1, с. 102]. «Эмоция в себе самой заключает влечение, желание, стремление, направленное к предмету или от него, так же, как влечение, желание, стремление всегда более или менее эмоционально» [8, с. 54]. Так эмоции структурно и функционально влияют в центральное образование психики — образ среды, становятся неотъемлемым компонентом происходящих в нём ориентировочных процессов, с помощью которых строится план достижения цели. Наиболее сильные чувства связаны, как отмечают психологи, с основными целями человека, служащими главными мотивами его жизнедеятельности.

Таким образом, эмоции в онтогенезе всегда возникают как результат уже имеющихся сведений о воздействиях, благоприятных или неблагоприятных для организма. Побуждение формируется на основе оценки. На родственную природу оценивающих и побуждающих переживаний указывал ещё И. Кант. Отметим, что оценка вероятности достижения цели (удовлетворения потребности) по своей природе есть информационная категория, что, на наш взгляд, оправдывает привлечение сугубо естественнонаучных трактовок в лингвистические изыскания.

Высказанные соображения приводят нас к мысли о том, что, говоря о причинах, обуславливающих обязательную сочетаемость некоторых глаголов, имён существительных, имён прилагательных, наречий с древней формой инфинитива, необходимо обязательно учитывать связь этих причин с детерминантами поведения индивида в онтогенезе, за пределами наличного состояния индивида и его конкретных желаний. Перечислим ещё раз эти детерминанты: **потребность**, играющая иницирующую роль в поведении человека, в том числе потребность овладения навыками для осуществления цели; **мотивация**, наиболее тесно примыкающая к понятию потребности и организующая целенаправленное поведение; **рефлекс цели**; **эмоции**, имеющие также **оценочную** (аксиологическую) функцию и выражающие значимость явлений для субъекта; **волевая регуляция**, содействующая трансформации потребности во внешне реализуемое поведение, в действие, в **движение**.

Почему именно инфинитив? Мы предполагаем, что это связано с общим инвариантным значением инфинитива. Таковым, как известно, является потенциальность действия. Как отмечает А. В. Бондарко, форма инфинитива в русском языке обладает общим функциональным признаком: она обозначает «идею действия» [4, с. 92], действие, по отношению к которому проявляется интенциональная установка его субъекта или оценка и тем самым объективируется потенциальное действие по отношению к субъекту действия или субъекту оценки. Именно в соответствии с этой функцией инфинитив часто характеризуется различной модальностью — волевым, модальностью возможности/невозможности, долженствования и другими модальными значениями. Как отмечалось выше,

именно эти модальные значения присутствуют в семантике опорного слова, имеющего обязательную грамматическую валентность инфинитива.

Итак, если свести воедино употребление формы инфинитива, расположив их при этом так, чтобы наглядно прослеживались их семантические взаимоотношения, можно увидеть, что позиция инфинитива в русском языке обязательна при словах, обозначающих:

1. **Потребность, обязательность:** *Мне надо/нужно/необходимо это сделать; я должен это сделать.*

2. Потребность переходит в **желание** её удовлетворить: *Я хочу это сделать; я собираюсь это сделать; я надеюсь это сделать.*

3. **Цель** придаёт действию смысл: *Я планирую это сделать; я могу это сделать.*

4. Определив для себя цель, субъект старается её **достичь:** *Я отправился это делать; я начал/продолжаю/закончил это делать; я научился это делать.*

5. Наконец субъект даёт **эмоциональную оценку** тому, что является для него важным, необходимым, нужным: *Мне приятно/неприятно/полезно/имеет смысл... это делать.*

На основе вышеизложенного нами выполнена идеографическая классификация слов с грамматической валентностью инфинитива («Ономасиологический словарь лексических единиц с грамматической валентностью инфинитива»: содержит около 1240 единиц с толкованием,

примерами употребления и английскими эквивалентами). На наш взгляд, данная классификация может служить лингвистической базой для формирования рецептивных и особенно продуктивных речевых навыков у иноязычных учащихся (в частности, в области устной профессиональной речи медиков), поскольку системно-языковые признаки семантического поля — такие, как типизированный характер моделей, упорядоченность элементов, иерархичность строения, ядерность и периферийность расположения языковых средств в структуре поля, — могут быть перенесены в план методической организации языкового материала. По нашему мнению, это помогает преодолевать разрыв между необходимостью представления в учебниках фактов языка как системы и вынужденным дроблением языкового материала на уровни, центры и дозы разного объёма и сложности.

Объём настоящей публикации не позволяет более подробно рассмотреть различные аспекты системно-языковой характеристики названных функционально-семантических полей. Задачей нашего дальнейшего исследования является размежевание данного материала с точки зрения его важности/периферийности для формирования рецептивных и продуктивных навыков на разных этапах обучения и выделение центров изучения названных полей с созданием соответствующей системы грамматических и речевых заданий, развивающих рецептивные и продуктивные навыки разных уровней в объёме, определяемом конкретными задачами и целями обучения.

Литература:

1. Анохин, П. К. Рефлекс цели как объект физиологического анализа./П. К. Анохин. Философские аспекты теории функциональной системы: Избранные труды. — М.: Наука, 1978. — 400 с.
2. Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы/Н. Д. Арутюнова // АН СССР. Ин-т языкознания. — М.: Наука, 1976. — 383 с.
3. Бойко, А. А. Сочетания с инфинитивом несовершенного вида в русском языке/а. а. Бойко. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1973. — 136 с.
4. Бондарко, А. В. Теория морфологических категорий/А. В. Бондарко. — Л.: Наука, 1976. — 255 с.
5. Брицын, В. М. Синтаксис и семантика инфинитива в современном русском языке/В. М. Брицын // АН УССР. Ин-т языковедения им. А. А. Потебни. — Киев: Наук. думка, 1990. — 318 с.
6. Булыгина, Т. В., Шмелёв А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики)/Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелёв. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. — 574 с.
7. Вернадский, В. И. Автотрофность человечества/В. И. Вернадский // Русский космизм: Антология философской мысли. — М.: Педагогика-Пресс, 1993. — с. 288–303.
8. Вилюнас, В. К. Психология эмоциональных явлений/В. К. Вилюнас. — М.: Изд-во МГУ, 1976. — 142 с.
9. Милославский, И. Г. Культура речи и русская грамматика: курс лекций/И. Г. Милославский. — М.: ИНФРА-М: Ступени [М.], 2002. — 159 с.
10. Сеченов, И. М. Избранные произведения/И. М. Сеченов. — М.: Учпедгиз, 1953. — 415 с.
11. Симонов, П. В. Мотивированный мозг/П. В. Симонов. — М.: Наука, 1987. — 375 с.
12. Симонов, П. В. Эмоциональный мозг/П. В. Симонов. — М.: Наука, 1981. — 215 с.
13. Шелякин, М. А. Русский инфинитив (морфология и функции)/М. А. Шелякин. — М.: Флинта: Наука, 2006. — 160 с.

Проблема билингвизма и диглоссии в контексте литературно-художественного транслингвизма

Черноситова Татьяна Леонидовна, кандидат социологических наук, доцент;
Сулейманова Юлия Сергеевна, магистрант
Южный федеральный университет

Усилившиеся в середине XX века миграционные процессы породили проблему мультиязычия и мультикультурализма в странах, исторически считавшихся моноязычными и, соответственно, монокультурными. Это объясняет тот факт, что основное внимание ученых было направлено на рассмотрение проблемы билингвизма в социокультурном и геополитическом аспектах. Исходя из этого исторического факта, Исаак Эпштейн в своей работе о полиглоссии вводит такие понятия как «пассивная полиглоссия» (когда человек читает и понимает несколько языков) и «активная моноглоссия» (когда для выражения мысли достаточно одного языка) [5, с. 211]. При этом К. Verheyen и J. Toussaint считали, что ранний билингвизм может сформировать у ребенка нечеткую картину мира [10, с. 217]. Подобная оценка билингвизма в ряде стран носила и сугубо политический характер: часто официальное владение несколькими языками было установлено не для поощрения лингвистических знаний, а, скорее, «для подтверждения права граждан на индивидуальное одноязычие» [10, с. 13].

Так, например, Бельгия представляет собой яркую иллюстрацию этого геополитического и этнолингвистического парадокса. Изначально это было одноязычное государство, в котором игнорировалось разнообразие говоров по всей территории. В современной Бельгии, основанной по принципу регионального одноязычия, официальные языковые группы (le français, le néerlandais, l'allemand) находятся географически близко друг к другу, но игнорируются одна другой.

В двуязычной Канаде, напротив, было провозглашено официальное владение двумя языками. Эта политика федерального правительства встречает жесткое сопротивление в Квебеке, в подавляющем большинстве франкоговорящей провинции, где местная интеллигенция выступает против англо-французского билингвизма. Этот лингвокультурный конфликт прекрасно иллюстрируется диаметрально противоположными позициями двух известных канадских лингвистов. Так, Фернан Уеллетт считает англо-французский билингвизм Квебека «каналом ассимиляции» [12, с. 105–107], в то время как Гастон Мирон стремится «деколонизировать» французский язык. По мнению Г. Мирона, существующая интерференция может быть расценена как «заражение французского языка английским» [9, с. 208] и является признаком культурной утраты. Подобное расхождение научных воззрений на проблему билингвизма объясняется тем, что сегодня билингвизм как лингвосоциокультурный феномен противоречит многим идеям, на которых базируется совре-

менное общество. Но и отбросить билингвизм нельзя, так как он может быть полезен как средство описания. Вначале, надо уйти от очень субъективного критерия знания языка: нет совершенных билингвов, как и людей в совершенстве владеющих одним языком.

Литературный билингвизм означает последовательное или синхронное применение двух языков в произведении автора. Язык, на котором будет написано произведение, автор выбирает сам. Этот язык должен быть вписан в нормы и традиции соответствующей литературы. Но язык произведения не включает языки, которые автор может использовать в случае необходимости внутри своих произведений (для убедительности, передачи местного колорита, демонстрации эрудиции и пр.). Также следует различать категории авторов, которые пользуются иностранным языком как средством интерлингвокоммуникации и не являются при этом литературными билингвами. Применительно к французской транслингвальной литературе представляется разумным воспользоваться пятью категориями литературно-художественного транслингвизма, предложенными испанским лингвистом М. Fernández [7, с. 87]:

- 1) писатель, который пишет попеременно на французском и на другом языке;
- 2) франкоговорящий писатель, который пишет на другом языке;
- 3) писатель, который говорит на другом языке, а пишет на французском языке;
- 4) писатель, который пишет на французском языке, но использует другой язык для нелитературных текстов: научных сочинения, газетные статьи;
- 5) писатель, который пишет последовательно на французском языке и на другом языке, но никогда не использует их одновременно.

Наиболее редкий случай, когда автор одновременно пишет на двух языках. При этом, как правило, гармоничного лингвистического равновесия между двумя версиями одного произведения нет, что неоднократно отмечалось французскими исследователями творчества Милана Кундеры, который в первое время пребывания во Франции писал свои романы по-чешски, а затем, по мере совершенствования владением языком страны эмиграции, стал писать на французском языке.

Следует заметить, что чередование языков или последовательный билингвизм носит социолингвистический характер и может использоваться, например, для лингвокультурной адаптации многочисленных мигрантов. Однако следует подчеркнуть, что в таком контексте диг-

лоссия будет рассматриваться как социальное явление, не имеющее отношения к литературно-художественному билингвизму и, тем более, транслингвизму. Интересно отметить, что последовательный литературно-художественный билингвизм писателей-транслингвов отмечен наличием в их творчестве чередования моноязычных периодов: русского и американского в произведениях Владимира Набокова, польского и английского в произведениях Жозефа Конрада, чешского и французского у Милана Кундеры. Тем не менее, однажды переменяя язык творчества, эти авторы избегают часто использовать бывший язык записи, как если бы это для них было запретом. Канадский лингвист Rainier Grutman сравнивает это явление с чувством вины, которое испытывает муж, втайне от жены заведший вторую семью. Есть авторы, которые «оставляют язык, в котором живут они, ради языка, который живет в них, и французский язык тайно живет с их родным языком» [11, с. 6]. Но, разумеется, есть двуязычные авторы в строгом смысле. В качестве примера можно привести французского писателя-алжирца Рашида Буджедра, который, сделав блестящую карьеру в качестве французского писателя (т. е. живущего во Франции и пишущего по-французски), в середине 80-х годов возвращается в Алжир и, опираясь на свою блестящую репутацию, начинает творить на родном, арабском языке.

Интересно отметить, что современные зарубежные лингвисты, изучающие проблему билингвизма и диглоссии, признают их разницу, но не рассматривают степень владения двумя языками. Некоторые исследователи считают этих писателей билингвами, но мы придерживаемся точки зрения канадского лингвиста Rainier Grutman, относящего их к писателям-транслингвам, так как в их творчестве французский язык не является первым [11, с. 6]. Французская литература XX-XXI вв. богата признанными писателями иностранного происхождения, которые по разным причинам, но совершенно обдуманно выбрали французский язык для литературно-художественного творчества. Этой проблеме посвящен отдельный раздел нашего исследования

Рассмотрение творчества двуязычных писателей исключительно с позиций билингвизма как основы транслингвизма, не позволяет в полной мере проанализировать их стиль в лингвокультурном контексте. Понятие «диглоссия», напротив, делает это возможным, при условии рассмотрения социокультурных особенностей писателя, которые не могут быть такими же, как у обычных говорящих. Сегодня диглоссия понимается как функциональное разделение двух лингвистических типов в конкретном обществе, иногда их конфликтное накладывание. Тот же электронный словарь Larousse [14] определяет диглоссию как «*situation de bilinguisme d'un individu ou d'une communauté dans laquelle une des deux langues a un statut sociopolitique inférieur. (C'est le cas, par exemple, d'un Alsacien utilisant le dialecte dans sa famille et le français dans sa vie professionnelle)*».

Термин «диглоссия» был предложен Шарлем Фергюсоном в 1969 году [6, с. 330]. Ш. Фергюссон считает, что диглоссия носит стабильный характер, в то время как другие ученые рассматривают диглоссию как лингво-социокультурный фактор, благоприятствующий развивающимся тенденция современного мультикультурного мира. Эту точку зрения разделяют лингвисты специалисты по каталанскому [8, с. 255–274] и окситанскому языку [3, с. 24–57], но мы склоняемся к определению, предложенному Робертом Шодансоном, согласно которому «диглоссия — это неравноправное сосуществование двух языков в одной и той же языковой общности» [4, с. 21–22]. Разделение происходит не случайным образом, а соответствует социальному распределению ценностей, согласованных на соответствующих языках. Соответственно, развиваются они параллельно делению общества и его речевой практике так, что диглоссия в ряде случаев может стать источником конфликта.

Рассматривая диглоссию в аспекте литературно-художественного творчества, следует отметить, что первым понятие «литературная диглоссия» ввел Уильям Франсис Макки, описавший два типа диглоссии: «формальная диглоссия (когда разговорный язык отличается от письменного языка) и функциональная диглоссия (любой язык имеет свою совокупность функций)» [2, с. 17–26]. При этом нельзя не согласиться с мнением французского лингвиста Jean-Claude Carpanin Marimoutou, который в своем исследовании «*Texte et contexte en situation de diglossie*» полагает, что литературной диглоссией можно назвать наложение функционального расслоения на письменную речь [2, с. 42].

Действительно, роман, написанный на русском языке, и роман, написанный на французском языке, будут отличаться не только ввиду свойств, присущих лингвистическим системам этих языков, но и ввиду различных литературных и стилистических норм, характерных для, например, европейской и русской литературных традиций. Этот постулат дает основание предположить, что в данном случае билингвизм сопровождается бикультурализмом, даже в той мере, когда он основывается на социальной структуре, что, по сути, и есть признак диглоссии.

Все вышеизложенное дает нам основания предположить, что, в отличие от двуязычия, диглоссия обозначает такую форму владения двумя самостоятельными языками или подсистемами одного языка, при которой эти языки и подсистемы носят социальный характер и функционально распределены: например, в официальных ситуациях — законотворчестве, делопроизводстве, переписке между государственными учреждениями и т. п. — используется официальный язык (если речь идет о многоязычном обществе) или литературная форма национального языка (в одноязычных обществах), а в ситуациях бытовых, повседневных, в семейном общении — другие языки, не имеющие статуса официальных или государственных, а, следовательно, и иные языковые подсистемы — диалект, просторечие, жаргон.

Важным условием диглоссии является то обстоятельство, что говорящие делают сознательный выбор между разными лингвокоммуникативными средствами и используют то из них, которое наилучшим образом способно обеспечить успех коммуникации. Это еще раз доказывает, что билингвизм не обязательно сопровождается диглоссией.

Литература:

1. Carpanin Marimoutou Jean-Claude. Texte et contretex-te en situation de diglossie, Cahiers de Praxématique, Montpellier: 1989. — pp. 17–42.
2. Casanova Jean-Yves. La temporalité diglossique du texte littéraire, Lengas: 1992. — pp. 24–57.
3. Chaudenson, R. Diglossie créole, diglossie coloniale, Cahiers de l'Institut de Linguistique de Louvain, 1984. — pp. 14–22.
4. Epstein, I. La pensée et la polyglossie. Paris: Payot, 1915. — p. 211.
5. Ferguson Ch. Diglossia. NY: Word, 1959. — pp. 325–340.
6. Fernández, M. Los orígenes del término diglosia: historiade una historia mal contada, Historiographia Linguistica, 1995. — p. 87.
7. Garavini, F., Gardy Ph. Une littérature en situation de diglossie: la littérature occitane, dans Marc Bertrand (dir.), Popular Traditions and Learned Culture in France. From the Sixteenth to the Twentieth Century, Saratoga, Anma Libri: 1985. — pp. 255–274.
8. Gaston Miron. Décoloniser la langue. Paris: 1973. — pp. 207–208.
9. Giordan, H., Ricard A. (dir.), Diglossie et littérature. Bordeaux-Talence: Maison des sciences de l'Homme d'Aquitaine, 1976. — pp. 13–217.
10. Grutman, E. Bilinguisme et diglossie: comment penser le différence linguistique dans les literatures francophones. — Ottawa: 2000. — pp. 1–12.
11. Ouellette, F., La lutte des langues et la dualité du langage, Liberté, Montréal: 1964. — pp. 105–107.
12. <http://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/bilinguisme/9291> — Dictionnaires de français Larousse. [Дата обращения 23.04.2015].
13. <http://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/diglossie/25519? q=diglossie#25398> — Dictionnaires de français Larousse. [Дата обращения 23.04.2015].

Английский Петрарка: творчество Ф. Сидни в современном литературоведении

Шереметьева Виктория Константиновна, старший преподаватель
Классический частный университет (г. Запорожье, Украина)

В последнее время наблюдается тенденция к изменению интерпретаций ренессансных произведений, в связи с распространением ряда новейших, чаще всего материалистических методологий в современном литературоведении. Таким образом, исследование уникальных особенностей отдельного литературного произведения часто подменяется тщательным описанием социокультурного контекста в общем. В статье представлен обзор последних зарубежных и отечественных тенденций в исследовании творчества известного английского писателя елизаветинской эпохи сэра Ф. Сидни (1554–1586). В фокусе особого внимания находятся причины неоднородности научного интереса к этой фигуре со стороны отечественных и зарубежных исследователей.

Ключевые слова: Ф. Сидни, новейшие литературоведческие методологии, социокультурный контекст, рецепция творчества, междисциплинарность.

Творчество Филиппа Сидни — одного из самых ярких и типичных представителей елизаветинского дискурса — всегда была и остаётся актуальным объектом дискуссии англоязычного литературоведения. Мало кто из британских авторов эпохи Ренессанса (за исключением, пожалуй, лишь Великого Барда) может сравниться с Ф. Сидни по количеству библиографических источников англоязычной критики. Еще два десятка лет

назад библиография уже насчитывала почти 2850 наименований, включая как собственно издания текстов писателя, так и многочисленные научные исследования, посвященные этому легендарному автору [1]. За последние двадцать лет количество научных публикаций в западном литературоведении, изучающих творческое наследие этого выдающегося елизаветинца, продолжает неуклонно расти.

Впрочем, в последнее время ракурс исследований литературных текстов «раннего Нового времени» (Early Modern Age) существенно меняется, тем самым демонстрируя присущий современным литературоведческим исследованиям постмодерновый поворот в вопросах критической интерпретации. Это, конечно, в определенной степени касается и классических произведений Ф. Сидни, которые «перепрочитываются» и переосмысливаются в западной науке с позиций культурной полифонии, то есть сквозь призму способности любого текста как особой микроскопической копии «образного Вселенной» (термин американского антрополога К. Гирца) к впитыванию многообразного социокультурного контекста.

Извечные колебания теоретиков литературы между идеалистическими и материалистическими парадигмами, по мнению американского исследователя Д. Хоукса, закончились тем, что подавляющее большинство интеллектуалов современного западного литературоведения демонстрируют методологическую приверженность материализма [2]. Это проявляется прежде всего в следующем: любые знания конструируются в рамках исторически обусловленных автономных культурно-идеологических дискурсов, которые, в свою очередь, как раз и выступают узловым объектом концентрации внимания «материалистически направленного» литературного критика. Привлекая немалые достижения в сфере экстрафилологических студий (культурологических, социологических, философско-антропологических, психологических и т. д.), литературоведы, как правило, используют их как своеобразную точку отсчета в своих интеллектуальных рассуждениях.

Вероятно, исследования зарубежных сидневедов последних десятилетий являются подтверждением такого поворота к проблеме «понимания» культурных смыслов, носителями которых являются «полифонические знаково-символические комплексы (тексты)». Собственно, под «текстом» в теории литературы теперь понимают «любые культурные артефакты или дискурсивные практики, подлежащие семантической и интертекстуальной интерпретации, так как они несут отпечаток ментальности, картины мира, ценностных смыслов и архетипов соответствующей культуры» [3].

Главной угрозой на пути литературоведа, который выбирает для себя путь новейших методологий, предпочитающих «тексту» «контекст», является опасность подмены исследования особенностей конкретного литературного произведения общим исследованием культурных реалий. Именно о такой угрозе говорит авторитетный английский литературовед А. Гамильтон в своей статье «Возрождение научных исследований английского Возрождения» [4].

Всё более частое использование термина «Early Modern Epoch» (эпоха ранней современности) вместо «Ренессанс» также создает прецедент искусственного «подстранивания» специфических признаков историко-культурных эпох прошлого под требования нового категориального аппарата. Ещё одна исследовательница ренессансной

культуры А. Пэттерсон, как и А. Гамильтон считает, что опозиция литературоведение/история является лишь примером различных методологических принципов, которыми руководствуются историки литературы в своем исследовании. Те, кто болеет за «чистое» искусство (как правило романтики и представители «старой школы»), акцентируют внимание на изучении итальянского культурного компонента в системе английской ренессансной литературы. Другие же — в основном эмпирики и прагматики — настаивают на развитии литературоведческих научных исследований путем обогащения собственно филологической проблематики вопросами психологии, социологии, политологии, философии и других смежных наук.

Показательным с точки зрения расширения методологических горизонтов в трактовке наследия Ф. Сидни в зарубежном литературоведении является обсуждение монографии английского литературоведа Б. Уордена «Голос добродетели: «Аркадия» Ф. Сидни и елизаветинская политика» [5] на 33-м Международном Конгрессе исследователей-медиевистов (1998), в котором принимали участие известные литературоведы Р. Стиллман, В. Скреткович, Р. Куин и сам Б. Уорден. Дискуссия впоследствии была опубликована на страницах авторитетного научного издания *The Sidney Journal*, основанного Сообществом Сидни (*The Sidney Society*), специализирующегося на исследованиях, посвященных жизни и творчеству сидневого круга [6].

Эта полемика стала отражением не только очередного всплеска научного интереса к творчеству Ф. Сидни, но и отражением ситуации в целом, сложившейся к тому времени в литературоведении в связи с поисками новых методологических путей изучения ренессансной культуры. Объектом исследования Б. Уорден выбирает «Старую Аркадию», ведь эта версия, по мнению исследователя, легче поддается «раскодированию» с точки зрения политических аллюзий на реальные исторические события и фигуры. Собственно, основной задачей своей работы он провозглашает «установление связей между романом «Аркадия» и политическими убеждениями Ф. Сидни и его друзей» [7]. По мнению Б. Уордена, дата написания романа (1577–1578) не случайно совпадает со временем политического кризиса в Англии. Это подтверждает, что для Ф. Сидни политическая тематика была тем стержнем, который объединяет сюжетные линии, политическую и любовную проблематику, чем и определяет философскую целостность романа.

Следует отметить, что участники дискуссии достаточно скептически отнеслись к взглядам Б. Уордена. Так, Р. Куин указывает на ярко выраженный англоцентризм монографии, а также на недостаток внимания автора к континентальным связям Ф. Сидни, которые, также оказали значительное влияние на становление политических взглядов писателя [8]. В свою очередь, Р. Стиллман критикует Б. Уордена за субъективность и предвзятость в поисках аналогий между реалиями елизаветинской Англии и событиями «Старой Аркадии». По мнению оппонентов,

эти аналогии часто зависят от индивидуальных пристрастий Б. Уордена, и вообще противоречат основным принципам словесного искусства, которые Ф. Сидни провозглашает в «Защите Поэзии», а именно: в отличие от историка, который основывается только на фактах, поэт, благодаря силе воображения может так представить слушателю историю, что она будет побуждать человека творить добро. А потому, по мнению Р. Стиллмэна, правитель «Старой Аркадии» Базилий не является аналогией ни королевы Елизаветы, ни Марии Стюарт, ни Рудольфа II, всего лишь олицетворяя типический образ глупого монарха [9].

В начале XXI века в англо-американском литературоведении появляются сразу несколько фундаментальных исследований, посвященных рецепции Ф. Сидни не только и не столько, как выдающегося поэта, а скорее, как ренессансного политического деятеля, как воплощения национального идеала воина, политика, мужчины.

Монография известного английского литературоведа, профессора Колумбийского университета А. Стюарта «Филипп Сидни: двойная жизнь» (2000) является ярким примером такой биографии елизаветинцев «на новый лад» [10]. Название книги не является прямым указанием на двойственность общественных ролей поэт/придворный, как может показаться на первый взгляд. «Двойственность» жизни Ф. Сидни, по А. Стюарту, заключается в парадоксальном расхождении между тем, какое колоссальное влияние и огромную репутацию имели философско-политические взгляды этого придворного на континенте и тем, как почти полностью нивелировались его заслуги в родной Англии. Будучи олицетворением елизаветинского рыцарства, квинтэссенцией «английскости» ('Englishness') и одним из идейных вдохновителей создания европейской протестантской лиги, Ф. Сидни, по мнению автора исследования, незаслуженно остаётся непризнанной фигурой при английском дворе. И причину этого автор монографии видит в чрезмерной подозрительности и осторожности королевы Елизаветы. Впрочем, полностью сосредоточивая внимание на историко-культурном контексте ренессансной Европы XVI в., исследователь достаточно поверхностно касается собственно литературных достижений Ф. Сидни, останавливаясь только на проблеме автобиографичности сонетария «Астрофил и Стелла».

В 2008 г. опубликована монография признанного среди коллег-сидневедов литературного критика Р. Стиллмэна «Филипп Сидни и поэтика ренессансного космополитизма» [11]. Профессор Р. Стиллмэн выдвигает свежую гипотезу о том, что литературно-критические взгляды, провозглашённые Ф. Сидни в его «Защите поэзии», являются результатом влияния на формирование мировоззренческих основ молодого писателя идей Филиппа Меланхтона (1497–1560) — немецкого гуманиста, теолога, педагога и евангелического реформатора, сподвижника Лютера. Именно «филиппистский гуманизм» Ф. Сидни стал фундаментом его политических, религиозных и лите-

ратурных убеждений, согласно которым поэзия была той уникальной автономной формой общественного знания, которая способна осуществить культурную реформацию социального устройства.

Ещё один авторитетный английский ренессансовед Р. Хильер предлагает собственный взгляд на причины постоянного научного интереса к личности Ф. Сидни в течение более, чем 450 лет. В своей фундаментальной работе «Сэр Филипп Сидни: культурная икона» (2010), профессор Р. Хильер доказывает, что причиной безупречной репутации Ф. Сидни в английском культурной традиции является многогранность и разноплановость его натуры, которая, бесспорно, выделяла этого придворного среди многих талантливых современников. Даже во времена, когда его произведения почти не пользовались популярностью, Ф. Сидни оставался образцом национального самосознания и яркой фигурой в истории английского Ренессанса.

К сожалению, ситуация с популярностью Ф. Сидни в советском, а в дальнейшем и в украинском литературоведении выглядит прямо противоположной. Как это ни парадоксально, но приходится констатировать непропорционально малое внимание отечественной литературоведческой науки к произведениям Ф. Сидни по отношению к их реальному влиянию на английский литературный и культурный процесс второй половины XVI в.

Обзор немногочисленных сидневедческих исследований, появившихся на территории бывшего Советского Союза, к сожалению, свидетельствует об их фрагментарности, поверхностности и тенденции к освещению лишь отдельных аспектов творчества писателя. В советском литературоведении, где господствовали методы «вульгарного социологизма», диалектического материализма и историзма, согласно которым «бытие определяет сознание», литературное творчество провозглашалось исторически, социально и экономически обусловленным. Такая традиционалистская литературоведческая модель предусматривала априорное наложение общей теории и обобщающих схем на литературные тексты отдельно взятой эпохи. Несмотря на весомый вклад советского литературоведения в теорию литературы (обобщение и выделение типичных закономерностей литературного процесса в диахроническом аспекте, систематизация литературоведческих категорий, выверение терминологии), такой подход часто грешил искусственным навязыванием поэтике и эстетике писателя «необходимых» для тех времен идеологически выверенных импликаций. Иными словами, интерпретация творческого наследия писателя изначально резко ограничивалась рамками жанров, стилей, направлений, признанных в этот период основными, господствующими.

К сожалению, так произошло и с творчеством Ф. Сидни, которого русскоязычная традиция 70–90-х годов XX в., как правило, лишь бегло упоминает на страницах энциклопедий, учебников и антологий по изучению истории английской литературы [12]. Опора на критическую традицию и инерционное восприятие Ф. Сидни только как ав-

тора романа, написанного в высокопарном стиле в духе подражания итальянских и испанских пасторальных романов, стали главной проблемой отечественного сидневедческого дискурса.

Еще одной веской причиной того, что творчество этого блестящего мастера словесности остается лакуной современного украинского литературоведения, было почти полное отсутствие переводов его лирики и романов на постсоветском пространстве.

Украинской читательской аудитории творчество Ф. Сидни стало доступным благодаря трём русскоязычным переводам его литературно-критического трактата «Защита поэзии», которые один за другим вышли в начале 80-х годов и долгое время оставались единственными «официальными» изданиями произведений Ф. Сидни на постсоветском пространстве. Первым по хронологии был представлен перевод В. Олейника для серии «Литературные манифесты» [13], далее перевод со вступительной статьей В. Муравьева, напечатанный во втором томе «Эстетики ренессанса» (1981) [14] и, наконец, издание «Астрофила и Стеллы» и «Защиты поэзии» под редакцией Л. Володарской, опубликованные в серии «Литературные памятники» в 1982 г. [15] Однако, как справедливо отметил И.А. Шайтанов, последнее издание хоть и «закрыло позицию в плане издания серии, но оставляет читателя (если он находится) недоумевать относительно того, чем обеспечены величие и слава этого классика» [16].

Как думается, одной из веских причин такой «непопулярности» в украинском литературоведении и на всём постсоветском пространстве Ф. Сидни является тот факт, что долгое время не существовало перевода ни одной из версий романа «Аркадия» на русский или на украинский язык. Это, безусловно, не могло способствовать популяризации творчества этого автора ни в научных кругах отечественной литературоведческой критики, ни среди широкого круга читателей.

Вероятным фактором могло быть и то, что духовно и концептуально словесность елизаветинской эпохи была гораздо изысканнее и филиграннее, чем это было разрешено показать в своё время советским исследователям и переводчикам. Причина заключается в присущем ренессансной поэзии удивительном равновесии между светским и духовным, в тесном переплетении ежедневного опыта с жизнью, в ощущении единого начала, а, следовательно, в определенной метафизичности всего словесного искусства эпохи.

Значительный пласт фундаментальных исследований и актуальных дискуссий западного сидневедения долгое время оставались на периферии отечественной гуманитаристики. Однако, в последние тридцать лет прослеживается положительная тенденция в постсоветской рецепции творческих достижений этого автора. Первыми фундаментальными исследованиями в этом направлении становятся диссертационные исследования Л. И. Володарской (1984) и Л. Г. Никифоровой (1988) [17]. Первая работа посвящена новаторству Сидни-романиста, Сидни-поэта и Сид-

ни-критика, и его вклада в становление соответствия жанров романа, сонета и литературно-критического трактата. Л. И. Володарская также отмечает связь сонетного цикла «Астрофил и Стелла» с теоретическими положениями «Защиты поэзии», прослеживая воплощение теоретических взглядов автора на «практическом» литературном материале.

Детальный компаративный анализ жанровых модификаций пасторального и рыцарского романов в «Старой...» и «Новой Аркадии» Ф. Сидни, представленный в диссертации Л. Р. Никифоровой, заслуживает отдельного внимания. С одной стороны, такой ракурс постановки проблемы позволил автору сопоставить жанровые типы английского позднеренессансного романа в целом, а с другой — выделить традиционные и новаторские черты авторского художественного стиля Ф. Сидни. Несомненной заслугой Л. Г. Никифоровой есть значительное библиографическое дополнение к диссертации, в котором содержится обширный обзор как зарубежных, так и отечественных источников, в которых упоминается Ф. Сидни. Некоторые аспекты поэтики творчества автора освещаются в исследованиях Л. В. Приваловой, В. Т. Олейник, А. Н. Горбунова, Л. Я. Потемкиной [18]. В 2011 г. в серии «Литературные перекрёстки» выходит первый русскоязычный перевод романа Ф. Сидни «Аркадия» под редакцией Л. И. Володарской. В предисловии она восхваляет величайшего гуманиста эпохи Ф. Сидни, который, «преодолев рубеж между Средневековьем и Возрождением, ... используя опыт, накопленный европейской литературой, первым прошел по английскому литературному «бездорожью», прокладывая путь для Эдмунда Спенсера, Уильяма Шекспира, Джона Донна, Джона Мильтона и многих-многих других» [19].

Всплеск научного интереса к фигуре Ф. Сидни в России именно на рубеже тысячелетий не случаен. Всё более очевидными становятся изменения в научной гуманитарной парадигме: сейчас можно смело констатировать долгожданный отказ от изоляционистских взглядов бывшего советского литературоведения в пользу расширения горизонтов исследования через привлечение новейших методологий. И в этом отношении поздний Ренессанс как культура синтеза и эклектики является одновременно как интересным предметом историко-литературного исследования, так и благодатной почвой для критического переосмысления культурных канонов современного глобализирующегося пространства.

За пятнадцать лет XXI в. в русскоязычной науке появилось два диссертационных исследования, посвященных роману Ф. Сидни «Новая Аркадия» [20]. Примечательно, что оба исследования выполнены как раз в русле современных методологий «вписывания» текста романа в общую парадигму елизаветинской культуры. Всё же ракурсы этих исследований отличаются. С. В. Чаплин осуществляет попытку уточнить и конкретизировать собственно эстетический аспект создания романа в контексте английской и вообще европейской литературной теории. Это и определяет вынесение проблемы литературного са-

мосознания эпохи в название его исследования. В свою очередь, В. А. Мусвик в своей работе об исследовании художественного текста эпохи Ренессанса отмечает необходимость сочетания литературоведения, истории и культурологии через присущий тогдашней европейской культуре особый «синтетизм» и синкретизм различных научных дисциплин и видов искусства. Она приходит к выводу, что Сидни, опираясь на аристотелевское представление о правдивости и имитации как типизации, ставит литературу, которая создает образы на основе каких-то первоидей, выше истории, которая только описывает несовершенную действительность.

Как видим, старая аристотелевская оппозиция поэт/историк остается актуальной не только для эпохи

Ф. Сидни, но и для современного академического литературоведения. Несмотря на падение любых идеологических запретов, в современной украинской науке и по сей день не хватает фундаментальных трудов, в которых вниманию читателей предлагалось бы комплексное исследование всего творчества Ф. Сидни. Правда, это свидетельствует лишь о необходимости заполнения этой лакуны и ни в коей мере не умаляет большого вклада в становление английской национальной литературы, сделанного этим искусным писателем, талантливым теоретиком искусства, популярным придворным королевы Елизаветы, а также просто человеком, который долгое время диктовал моду в манерах поведения и в художественной литературе английского Ренессанса.

Литература:

1. Stump, D. V., Dees J. S., Hunter C. S. *Sir Philip Sidney: An Annotated Bibliography of Texts and Criticism (1554–1984)*. — N. Y.; Oxford: G. K. Hall, Maxwell Macmillan International, 1994.
2. Hawkes, D. *Against materialism in Literary Theory // The Return of Theory in Early Modern English Studies: Tarrying with the Subjunctive*, eds. Paul Cefalu and Bryan Reynolds (Houndmills, Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan, 2011). — P. 237–257.
3. Більченко, Є. В. Культурологічна парадигма соціогуманітарного знання як мікромодель міждисциплінарної комунікації: проблема предмета і методу // Простір гуманітарної комунікації: трансформація академічного дискурсу: матеріали учасників II Міжнар. наук.-практ. конференції, 23–25 жовтня 2009 р./Нац. пед. ун-т ім. М. П. Драгоманова; упоряд.: В. Л. Хромець, А. Е. Дробович; ред.: К. Рассудіна, І. Скінтей. — К.: Вид-во НПУ ім. М. П. Драгоманова, 2010. — 296 с.; 20 см. — (До 175-річчя Національного педагогічного університету імені М. П. Драгоманова). — с. 104–117.
4. Hamilton, A. C. *The Renaissance of the study of the English literary Renaissance // English literary Renaissance*. — L., 1995. — Vol. 25. — № 3. — P. 372–387.
5. Worden, B. *The sound of virtue: Sidney's «Arcadia» and Elizabethan politics*. — New Haven; L: Univ. Press, 1996. — 406 p.
6. *A Discussion of Blair Worden's «The Sound of Virtue: Philip Sidney's Arcadia and Elizabethan Politics»*. — Sponsored by «Sidney Journal». — Held at the 33rd International Congress on Medieval Studies, Western Michigan University, May, 8, 1998 // *Sidney Journal*. — 1998. — V. 16. — N 1. — P. 36–56.
7. Worden, B. *The sound of virtue: Sidney's «Arcadia» and Elizabethan politics*. — New Haven; L: Univ. Press, 1996. — 406 p. — P. XX.
8. *A Discussion of Blair Worden's «The Sound of Virtue: Philip Sidney's Arcadia and Elizabethan Politics»*. — Sponsored by «Sidney Journal». — Held at the 33rd International Congress on Medieval Studies, Western Michigan University, May, 8, 1998 // *Sidney Journal*. — 1998. — V. 16. — N 1. — P. 46–47.
9. *A Discussion of Blair Worden's «The Sound of Virtue: Philip Sidney's Arcadia and Elizabethan Politics»*. — Sponsored by «Sidney Journal». — Held at the 33rd International Congress on Medieval Studies, Western Michigan University, May, 8, 1998 // *Sidney Journal*. — 1998. — V. 16. — N 1. — P. 42–44.
10. Stewart, A. *Philip Sidney: A Double Life*. London: Chatto & Windus, 2000. — 400 p.
11. Robert, E. Stillman. *Philip Sidney and the Poetics of Renaissance Cosmopolitanism*. Aldershot: Ashgate, 2008. — 266 p.
12. Аникин, Г. В., Михальская Н. П. *История английской литературы*. — М.: Высшая школа, 1985. — 431 с.; Шаповалова М. С., Рубанова Г. Л., Моторний В. А. *Історія зарубіжної літератури*. — Львів: Світ, 1993. — 312 с. — с. 233.
13. Сидни, Ф. *Защита Поэзии/Пер. В. Т. Олейника // Литературные манифесты западноевропейских классицистов/Общ. ред. Н. П. Козловой*. — М.: Из-во Московского университета, 1980. — с. 133–173.
14. Сидней, Ф. *Оправдание поэзии, известное также под заглавием «Защита стихотворства»/Пер. В. Муравьева // Эстетика Ренессанса*. — Т. 2. — М: Искусство, 1981. — с. 271–308.
15. Сидни, Ф. *Астрофил и Стелла. Защита Поэзии*. — М.: Наука, 1982.
16. Шайтанов, И. *Переводим ли Пушкин? Перевод как компаративная проблема // Вопросы литературы*. — 2009. — № 2. — с. 25.

17. Володарская, Л. И. Поэтическое искусство Филипа Сидни: Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М.: МГПИ, 1979. — 187 с.; Никифорова Л. Р. Проблема жанровой природы «Старой» и «Новой Аркадии»/Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. — М., Днепрпетровск, 1988.
18. Привалова, Л. П. Основные жанровые модификации английского романа последней трети XVI века. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук — М., 1988; Олейник В. Т. Комментарий к английскому разделу // Литературные манифесты западноевропейских классицистов/Под ред. Н. П. Козловой. — М.: Изд-во Московского Университета, 1980, с. 530–543; Горбунов А. Н. Джонн Донн и английская поэзия XVI-XVII веков. — М.: Изд-во МГУ, 1993; Потьомкина Л. Я. До питання про жанрову природу романів Ф. Сідні // Ренесансні студії. — Випуск 2. — Запоріжжя: ЗДУ, 1998. — с. 108–115.
19. Сидни, Ф. Аркадия/Пер. с англ.; предисл. Л. Володарской. — М.: РИОР, ИНФРА-М, 2011. — 640 с. — с. 24.
20. Мусвик, В. А. «Новая Аркадия» Ф. Сидни в контексте культуры рубежа XVI — XVII вв.: диссертация... кандидата филологических наук: 10.01.05. — М, 2000. — 331 с.; Чаплин С. В. Роман Ф. Сидни «Аркадия» в контексте литературного самосознания английского Ренессанса: диссертация... кандидата филологических наук: 10.01.03. — Ростов-на-Дону, 2002. — 203 с.

Состояние природы как отражение внутреннего мира героев в повести А. Платонова «Котлован»

Шестаков Владислав Владимирович, аспирант
Башкирский государственный университет, Бирский филиал

Статья рассматривает традиционную для русской литературы тему природы и человека. Особенное внимание уделяется природе как средству передачи внутреннего мира и переменных состояний героев повести «Котлован».

Повесть А. П. Платонова «Котлован» — одно из самых выдающихся произведений, написанных об эпохе прошлого столетия, о строительстве социализма в СССР. В «Котловане» автор беспристрастно описывает советскую действительность, болезненно реагируя на события, происходящие в 30-ые годы XX века, в завуалированной форме указывает на противоречивость идеологии и ее воплощения в реальности, на невозможность создания нового советского мира в отрыве от истории, культурного наследия и даже бога, с которым у писателя всегда были сложные неоднозначные отношения. Как пишет исследователь и биограф А. Варламов: «Коллективизация в повести изображена как торжество смерти <...> На смену лирической, напевной, трогательной интонации «Чевенгура», на смену его душевным героям, его пространству, воздуху, ветру, солнцу, теплу, приходят люди, которым тесно и холодно на земле, которые не поют песен...» [1: 190]. А. Платонов является примером тех писателей, которые отрицали существование бога («Бог есть и бога нет. То и другое верно. Бог стал непосредствен etc., что разделился среди всего — и тем как бы уничтожился» [2: 257]), но их мысли, идеи и творчество в целом доказывают обратное от противного.

В повести «Котлован» бог и природа сливаются в единое целое. Солнце, ветер, деревья, туман обретают способность чувствовать и говорить, но общий язык,

на котором говорили люди и природа до революции, забыт, а нового языка еще нет: машина революции, прошедшая по России, оставила только пустырь, на котором еще предстояло построить единое здание, куда войдет на поселение весь местный класс пролетариата. А. Платонов продолжает традиционную для русской литературы тему природы и человека, но природа в «Котловане» — отдельный второстепенный герой. Его чувства и переживания ясны и близки читателю (зачастую, через описание состояния природы и погоды автор сам предстает перед нами), но совершенно недостижимы для остальных персонажей. В этом смысле Платонов выступает как писатель-мистик, писатель-новатор, продолжающий фольклорные традиции в литературе, при этом обогащая их философским содержанием и переосмысливая язык и литературу. И. Бродский в предисловии к «Котловану» напишет: «Платонов говорит о нации, ставшей в некотором роде жертвой своего языка, а точнее — о самом языке, оказавшемся способным породить фиктивный мир...» [4: 156].

Уже в самом начале повести уволенный с механического завода Воцев, взяв на квартире вещи и мешок, выходит «наружу, чтобы на воздухе лучше понять свое будущее» [3: 413]. А. Платонов в «Котловане» становится прототипом Воцева, и, хотя, «вопрос, можно ли ставить знак равенства между героем и повествователем — спорный, есть определенные биографические сходства —

возраст героя и его увольнение с работы» [1: 185]. Воцев, таким образом, становится единственным героем повести, который не до конца утратил способность общаться с природой и, самое главное, — понимать тонкие переходы в ее настроении. Однако его попытки узнать смысл всеобщего существования, услышав голос ветра, — тщетны — «воздух был пуст, неподвижные деревья бережно держали жару в листьях, и скучно лежала пыль на безлюдной дороге» [3: 413]. Пыль, духота, жар становятся ключевыми определениями состояния природы. Главному герою душно от осознания собственной бесполезности, от непонимания устройства мира, от неопределенности будущего, которое, возможно, по ощущениям Воцева, уже в прошлом. Яркий пример, подтверждающий утрату собственной ценности Воцевым, — сравнение главного героя с «умершим, палым листом» [3: 416]. «Ты не имел смысла жизни <...> лежи здесь, я узнаю, за что ты жил и погиб. Раз ты никому не нужен и валяешься среди всего мира, то я тебя буду хранить и помнить» — обращается Воцев к листу [3: 416]. Подобное сравнение выделяет героя повести среди остальных персонажей; Воцев оказывается «лишним человеком», спотыкающимся о жизнь, который стал чужим и для прошлого, и для будущего («все предавалось безответному существованию, один Воцев отделился и молчал» [3: 416]).

Поют в «Котловане» только птицы, «потому что они летали сверху и им было легче» [3: 420]. А. Варламов отмечает: «Работая над повестью, Платонов сознательно убирал из текста упоминания о песнях, оставив лишь слабую песню колхозников, в которой оксюморонами слышится «жалобное счастье и напев бредущего человечества» [1: 191]. Примечательна сцена, в которой Воцев подходит к открытому окну пивной и видит на глинистом бугре дерево — «оно качалось от непогоды, и с тайным стыдом заворачивались его листья» [3: 413]. Стоит отметить, что с тайным стыдом заворачивались листья души самого Воцева, которому было стыдно за себя и за тех «невыдержанных людей», которые «предавались забвению своего несчастья» в питейном заведении [3: 413]. И, хотя автор уточняет, что Воцеву «глуше и легче среди них» [3: 413], его сердце томится в неведении и непонимании. В этой же сцене автор отмечает, что «однообразная, несбывающаяся музыка» духового оркестра, доносившаяся откуда-то из сада совторгслужащих, «уносила ветром в природу <...>, потому что ему редко полагалась радость, но ничего не мог совершить равнозначного музыке и проводил свое вечернее время неподвижно» [3: 414]. Воцев, как и ветер, чувствует, что не может совершить ничего, что было бы равнозначно даже этой однообразной, по определению А. Платонова, несбывающейся музыке. Если птицы поют, то поют жалобно, «не торжествуя, а ища пищи в пространстве» [3: 426]. Примечателен эпизод, в котором Воцев поднимает «мгновенно умершую в воздухе птицу и павшую вниз», а ощипав ее, замечает, что «в его руках осталось скудное печальное существо, погибшее от утомления своего труда» [3: 427].

Так трудились рабочие артели для результата, который они не надеялись увидеть собственными глазами, работая ради отдаленного иллюзорного счастья будущих поколений пролетариата. Прушевскому, инженеру, выдумавшему план общепролетарского дома, счастье представляется в его недостижимости, когда о нем «лишь шелестят деревья и поет духовая музыка в профсоюзном саду» [3: 456]. Таким образом, А. Платонов поднимает философскую проблему природы счастья, которое для народа всегда имело облик, выраженный в чем-либо материальном, вещественном, тогда как класс интеллигенции, и в целом, люди с более сложной структурой ценностей, представляли счастье как более сложную категорию, зачастую не поддающуюся вербализации и овеществлению.

Цветовая палитра «Котлована» представляет симбиоз мрачных, серых, пыльных, мутных и глухих оттенков красок. И, хотя, в произведении есть место для лучей солнца и света звезд, автор, тем не менее, указывает на их отдаленность от человека, а точнее — на нежелание и неспособность нынешних людей поднять голову к солнцу. Вектор, динамика развития повести направлены вглубь, а не ввысь. Герой «Котлована», у которого нет ни имени, ни фамилии, а известен он как «активист», использует в речи метафору «солнце новой жизни» — «Плачь баба, плачь сильней — это солнце новой жизни взошло, и свет режет ваши темные глаза» [3: 486]. Активист — носитель идеи бюрократического служения власти и государству. Воцев называет его «мертвой душой» и обвиняет в том, что тот «весь класс испил» [5]. Вполне вероятно, что А. Платонов через главного героя выражает свое собственное отношение к определенной категории советского общества, представленного «активистами», доносчиками (Козлов) и вымогателями (Жачев), от которых в жизни сам писатель и его сын пострададут не раз. «Вопрошающее небо светило над Воцевым мучительной силой звезд, но в городе уже были потушены огни, и кто имел возможность, тот спал, наевшись ужином» [3: 414]. Эпитеты «вопрошающий» и «мучительный» передают как состояние природы, так и ощущения самого главного героя. С одной стороны природа призывает советского человека прислушаться к ней, остановиться и задуматься над своими действиями, пока это не поздно, с другой стороны, Воцев обращается к небу с вопросами, на которые человек, и окружение Воцева в частности, ответить не в состоянии. Диалог человека и природы заканчивается ничем: обе стороны замечают сигналы, подаваемые друг другу, но не находят способ их декодировать. Прушевский, представитель класса интеллигенции, чувствует «стеснение своего сознания и конец дальнейшего понятию жизни» [3: 429]. На него, как и на Воцева, особое влияние оказывает ночь. «Вдалеке, на весу и без спасения, светила неясная звезда, и ближе она никогда не станет», замечает Прушевский [3: 429]. Утопичность социалистического счастья выражается его отдаленностью: чем больше работали землекопы, тем менее возможным становилось окончание работ. Котлован был

вырыт, но по распоряжению свыше его размеры приказали увеличить в четыре раза, а, затем, чтобы «наверняка», — в шесть раз. Платонов пишет, что «Вошев боялся ночей, он в них лежал без сна и сомневался» [3: 481]. Ночь таинственна, мистически загадочна и неопределинна: она в постоянном конфликте с прозаичностью и ясностью дневного света. Человек с «плановым» складом ума (хотя, Вошев и отличается от других героев, все же, он — представитель советского общества и наделен чертами, характерными для этого общества) к ночи относится настороженно. Для Вошева ночь — безвестность, а «его основное чувство жизни стремилось к чему-либо надлежащему на свете» [3: 481]. Свет для главного героя одновременно спасение и надежда — «спасение от безвестности всеобщего существования» [3: 481]. Темное время суток А. Платонов называет «трудным пространством», трудным — для людей, которые «ходили по всем открытым местам деревни и старались постоянно видеть друг друга» [3: 481].

Присоединившись к артели мастеровых, Вошев надеялся, если и не обрести смысл существования, то, по крайней мере, «наблюдать его в веществе тела другого» [3: 422]. Кроме того, главный герой, уставший от поисков смысла жизни у солнца и неба, решает обратиться к земле — «Вошеву дали лопату, он сжал ее руками, точно хотел добыть истину из земного праха» [3: 422]. Земля как материя обретает в прозе А. Платонова воистину сакральное значение: она становится символом, образом. Талантливый инженер-мелиоратор А. Платонов относится к ней трепетно, как к женщине, прародительнице, кормилице всего народа. Ради идеи создания общего Дома, где «радость сделается мыслью и будущий человек найдет покой» [3: 423], герои А. Платонова, Вошев и Чиклин, готовы трудиться, не жалея себя. «Чиклин спешно ломал вековой грунт, обращая всю жизнь своего

тела в удары по мертвым местам» — пишет А. Платонов [3: 423]. Метафоричность фразы позволяет читателю провести аналогию с тем процессом, который производился советской властью над умами народа. Уничтожение векового грунта — так можно охарактеризовать стремление нового советского общества освободить себя от истории и культуры, от бога, и в целом от старых духовных скреп, заменив их идеологией коммунизма. «Уже тысячи былинки, корешки и мелких почвенных приютов усердной твари он (Вошев — В. Ш.) уничтожил навсегда» [3: 423]. Фатальное «навсегда» подчеркивает необратимость процесса уничтожения всего, что существовало до установления советского режима. Этим подчеркивается дуальность личности А. Платонова. С одной стороны, Платонов в отличие от Бунина и Солженицына не считал себя убежденным врагом советской власти, с другой стороны — в «Котловане» писатель называет вещи своими именами: преступление преступлением, а убийц — убийцами [1: 193].

Подводя итог, отметим, что природа повести «Котлован» предстает перед нами в различных состояниях, но никогда — в состоянии, предвещающем счастье и радость. Погода меняется от душного палящего дневного солнца до «сплошной тьмы, усиленной чернотой почвы» [3: 481]. Как и люди, природа у А. Платонова находится в сонном забвении: яркость солнца сглаживается пылью улиц, туманом, дождем, а чистота неба — тяжелыми тучами. А. Платонову удалось применить известный в живописи прием сфумато («окутывание дымкой») к литературе. Тем самым, автор погружает своих героев в среду безвестности, в «сонную, душную незримость», когда «все живущее находилось где-то посередине времени и своего движения: начало его всеми забыто и конец неизвестен, осталось лишь направление» [3: 467].

Литература:

1. Варламов, А. Н. Андрей Платонов/Алексей Варламов. — 2-е изд. — М.: Молодая гвардия, 2013. — 546 [14] с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1450).
2. Платонов, А. П. Записные книжки. Материалы к биографии. М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2000. — 424 с.
3. Платонов, А. П. Котлован/Андрей Платонов. — Спб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. — 192 с. — (Азбука-классика).
4. Бродский, И. А. Предисловие к повести «Котлован» // Андрей Платонов: Мир творчества. М., 1994. с. 154–156.
5. Матвеева, И. И. Активист // Словарь литературных персонажей: Русская литература: 1940–1980-е годы. — М.: Московский лицей, 1997. Режим доступа: <http://www.a4format.ru/>

ФИЛОСОФИЯ

Средневековая мусульманская философия

Андреева Анна Игоревна, магистрант
Башкирский государственный аграрный университет (г. Уфа)

Формирование исламской философии началось в VIII веке. Но уже с появлением ислама в VII веке среди мусульман велись дискуссии по вопросам верования: о природе греха и загробного воздаяния, о сущности и атрибутах Бога, свободе воли и предопределении, природе откровения, природе ангелов и джиннов т.д. В этой тематике особое место занимал один из ключевых вопросов любой религии: спор о предопределении, т.е. божественной детерминированности человеческих поступков. Сторонники абсолютного предопределения получили название *джабаритов* (от араб. «джабар» — принуждение). По их мнению получалось, что Бог причастен не только к добру, но и к злу. В этом случае совершенно непонятно, за что он одних поощряет, помещая после Судного дня в рай, а других наказывает огнём ада. Одним из ярких представителей джабаритов был аль-Хусейн бен Мухаммад ан-Наджар. Признавая, что Бог делает добро и зло, пользу и вред, он говорил: «Он есть творец людских поступков: добрых и злых, хороших и плохих».

В противоположность джабаритам существовала школа мыслителей, развивавших тезис о свободе человека в выборе своих поступков. Сторонников этого учения называли *кадаритами*. Кадаритом сначала называли всякого, кто признает свободу воли у человека и отрицает предопределение, в противоположность фаталистам — джабаритам. Кадариты считали, что человек является творцом своих действий. Основателями школы кадаритов считают Мабада аль-Джухани и его ученика Гейлана ад-Димашки. Кадариты утверждали, что человек сотворен со свободной волей и отстаивали догмат о «божественной справедливости», утверждая, что дурные поступки не могут исходить от Бога.

Еще одно течение, возникшее в средневековом исламе — *калам* (соответствует греческому логосу). Причиной его возникновения стали бурные дискуссии сторонников разных религиозных течений внутри ислама по вопросам природы откровения, сущности Бога и богопроявления, извечности или сотворенности Корана, ответственности человека за свои действия и т.п. Калам призывал при решении спорных вопросов опираться

на логику, давать догматам ислама толкование, основанное на разуме, а не на слепом следовании религиозным догмам. Основной принцип сторонников калама (мутакаллимов) выражена в тезисе: «Следуй только разуму». В процессе развития калама был выработан метод рассуждения, основанный на символическом и аллегорическом толковании Корана, исключающий при доказательстве конкретных тезисов ссылки на какие-либо авторитеты, кроме разума.

Философско-мистическим течением в исламе является *суфизм*, возникший во второй половине VII в. Наиболее крупными представителями суфизма являются аль-Газали и ибн Араби.

Как известно, в основе самого ислама лежит откровение. Известно также, что Мухаммад доводил до своих учеников стихи (аяты) Корана после нахождения в состоянии транса, в котором, по его утверждению, эти слова, произнесенные какой-то неведомой силой, запоминались им на всю жизнь. Идея познания мира через божественное откровение особенно заметна именно в суфизме. Это мистико-аскетическое течение в исламе сыграло большую роль в его эволюции и распространении среди неарабских народов. В частности, следы деятельности суфийского братства Накшбандия явно прослеживаются в духовной жизни татар и башкир [1]. Известно, что золотоордынский хан Берке принял ислам через суфиев ордена Кубрави. Бог рассматривается в суфизме и как конечная цель познания и творчества, и как конечный пункт развития человека. При этом Бог и мир нередко отождествляются, что сближает онтологию суфизма с пантеизмом. «Смысл единобытия — это единство и единственность того, в чем всякое существующее существует, а это Аллах всевышний», — писал суфий Мухаммад аш-Шунунбабили [2, с 73]. У известного суфийского шейха Ибн Араби мир рассматривается как эманация (истечение) божественной сущности, преобразованная божественная энергия, что сближает суфизм с неоплатонизмом. «Всевышний предстает перед людьми в постоянно меняющихся образах, как этого требует Его Сущность», — пишет он [3, с. 177]. Как заметил Р.Ю. Рахматуллин, в накшбандий-

ском варианте суфизма восхождение человека к высшей истине представляет собой эволюцию от признания формулы «Ля иляхи иль Алла» (нет божества, кроме Господа), к формуле «Ля максуду иль Алла» (нет цели, кроме Господа) и, наконец, осознанию формулы «Ля мауджуду иль Алла» (нет ничего, кроме Господа), что, как видно, полностью согласуется с пантеизмом Ибн Араби [4, с. 73].

Учителями суфизма разработана целостная система самосовершенствования человека, заключающаяся в его восхождении от одной «стоянки» (макама) к другой на пути к Богу. На первой ступени духовного становления, называемой *шариатом*, от ученика требуется знание и неукоснительное соблюдение всех норм ислама. «Держись крепко шариата, друг мой, ибо ты можешь достичь Пути познания только через посредство шариата, точно так же ты приблизишься к истине (хакика) только через посредство тариката (*второй ступени на пути к Богу* — А. А.). Шариат — это корень, тарикат — ветвь, а хакика — плод. Не следует думать, что ты найдешь плод иначе, как через посредство существования корней», — так в характерной для суфизма образной форме обосновывает необходимость этой ступени для развития человека известный суфий ар-Рутби [5, с. 134]. Прохождение этой базовой стоянки обязательно во всех суфийских орденах, ибо здесь приобретаются необходимые для дальнейшего восхождения навыки: умение подчиняться строгой дисциплине, нравственное очищение, элементы аскетической практики, обретение устойчивых ценностных ориентаций и невосприимчивость к имиджам массовой культуры. Только после этого учитель определяет способность ученика двигаться дальше — к *тарикату* (стоянке мудрости), где допускается критический взгляд на догмы ислама. Ислам здесь рассматривается уже *как один из возможных* вариантов движения к Богу. Аль-Халладж, например, учил, что различные религии — это «ветви одного ствола дерева, имеющего одни корни», за что был казнен ортодоксальными исламскими правителями своего государства. Ибн Араби говорил, что все верующие правы в своей вере, но все ошибаются в одном: они считают, что поклоняются Богу в его полноте, принимая одно из проявлений Бога за его сущность. Полное же восприятие Бога дается лишь в мистическом опыте, доступном для тех, кто достиг *хакиката* — последней ступени человеческого совершенства.

Путь к этой ступени самый сложный и трудный — многие могут его одолеть. Он насыщен специальной и очень жесткой аскетической практикой, целью которой является уничтожение в себе прежней личности, духовное и психическое перерождение. «Человек, не умерев в одном, в другом не родится» — метко заметил основную задачу этого этапа Пути авторитетный тюркский шейх Азизаддин, живший в XIII веке [2, с. 74].

В результате многовековой практики суфиями разработаны эффективные методы саморегуляции, с помощью которых достигается вмешательство в процессы, происходящие, как нам представляется, даже на молекулярном и полевым уровнях существования организма. Этим, ду-

мается, можно объяснить «чудеса», творимые суфиями при коллективных радениях (зикрах): глотание горящих углей, живых ядовитых змей, протыкание своих жизненно важных органов острыми предметами, исцеление больных прикосновением руки и т. п.

Онтология, гносеология, этика и антропология суфизма тесно взаимосвязаны [6; 7]. Онтология суфизма сильно напоминает философию Платона, которого в исламской традиции именуют Афлятуном. Она признает наличие отличающихся от зримых вещей мира духовных сущностей, восприятие которых начинается, по утверждению суфиев, в конце второй стоянки — тариката. Но в отличие от Платона, суфии считают этот мир идей или чистых, нематериальных форм только промежуточной реальностью, расположенной между материальным миром и Истинной реальностью (Богом). Последнюю нельзя выразить формально-логическими средствами, здесь более эффективны средства искусства, но и они недостаточны. Более того в суфизме существует запрет на точное изложение испытанного в транс состоянии. Видимо, это вытекает из суфийской методики индивидуального обучения, основанной на принципе «каждый идет к Богу своим путем и Бог является каждому по-разному». Другой причиной такого запрета, думается, является защита психики неподготовленного ученика от преждевременной информации, способной спровоцировать срыв, душевную болезнь.

Теория познания суфизма так же близка к гносеологии Платона. Суфии считают, что источником подлинного знания является душа человека, тождественная по своей сути с Богом. Настоящее познание есть самопознание, настоящая жизнь есть самосовершенствование. Истину надо искать в себе. «Знай, что ключ к мистическому познанию Всевышнего кроется в мистическом познании своей души. Поэтому было сказано, «кто познал себя, тот уже познал своего Господа», — пишет аль-Газали — один из самых авторитетных суфийских ученых [8, с. 7]. А вот как наставлял дервиша (человека ставшего на суфийский путь) Азизаддин Насафи: «Дервиш, знание начальное и конечное сокрыты в тебе, все, что ищешь, ищи в себе, зачем ищешь вовне? Знание, которое через уши достигает твоего сердца, то же, что и вода, взятая тобой из чужого колодца и вылитая в свой, высохший, но вода та не задержится. Кроме того, что она не задержится, она скоро загнет, и родятся на свет из нее тяжелые и невыносимые недуги. Дервиш, эта болезнь превратится в гордыню и умножит любовь к чину Дервиш, каким бы человек не был, все равно внутри его есть колодец воды, но он не явен. Следует очищать колодец и воду делать явной» [2, с. 75]. Познавший себя человек тот, кто осознал единичность своей души с Богом. Как пишет профессор Р.Ю. Рахматуллин, «дух, обозначенный в суфизме как «рух», есть то, что берет начало в Боге и является, по сути, «представительством» Бога в человеке. Это и есть сущность человека, однородная с Богом» [4, с. 69]. Поэтому знание, почерпнутое совершенным человеком в себе, является безусловным и абсолютным нормативным источником основ человеческого существования [9].

Однако важно отметить, что в отличие от салафитов, суфии считают высшее знание, содержащееся в Коране, во многом символическим. Они предостерегают от буквалистского толкования коранических положений, приписывая салафитам, полагая, что существует семь уровней понимания смыслов этой священной книги. Высший — седьмой — смысл понимания Корана присущ только людям, достигшим высшего уровня совершенства — хакиката. Р.Ю. Рахматуллин полагает, что именно в этом заключается главное различие между суфиями и салафитами [11; 12].

Видно, что теория познания суфизма слита не только с этикой, но и с главной проблемой антропологии — вопросом о смысле человеческого существования. И ответ на этот вопрос суфии дают чисто теософский: настоящая

жизнь, скрытая от многих, возможна только на пути к Богу с целью слияния с ним. Здесь суфизм очень близок к философской традиции буддизма и йоги. Не зря некоторые исследователи суфизма называют его мусульманской йогой.

Мы затронули в статье лишь часть из огромного богатства идей средневековых мусульманских философов. Такой выбор был обусловлен степенью влияния отраженных в статье учений на дальнейшее развитие культуры. Эти средневековые мусульманские философы первыми осуществили синтез религии с античной философией — учением Аристотеля и неоплатоников, который затем продолжил крупнейший христианский философ Фома Аквинский. Таким образом, они внесли весомый вклад в мировую культуру и подготовили философию европейского Возрождения.

Литература:

1. Рахматуллин, Р.Ю. Особенности вероучения и культа суфийского братства Накшбандия // Религиозная ситуация в российских регионах. Омск, 2008.
2. Суфизм в контексте мусульманской культуры. М., 1989.
3. Ибн аль-Араби. Мекканские откровения. СПб., 1995.
4. Рахматуллин, Р.Ю. Суфийская антропология // Исламоведение. 2013. № 1.
5. Тримингэм Дж. С. Суфийские ордены в исламе. М., 1989.
6. Рахматуллин, Р.Ю. Модель человека в суфизме // Вестник ВЭГУ. 2014. № 3 (71).
7. Рахматуллин, Р.Ю. Суфийская антропология // Проблема человека в философских традициях Востока и Запада: сборник научных статей. Уфа, 2006.
8. Абу Хамид Мухаммад ал-Газали ат-Туси. Эликсир счастья. СПб., 2002.
9. Рахматуллин, Р.Ю. Генетические источники мусульманского права // Научный вестник Омской академии МВД России. 2011. № 4.
10. Рахматуллин, Р.Ю. Кораническая антропология // Молодой ученый. 2014. № 10 (69).
11. Рахматуллин, Р.Ю. Основные противоречия между салафизмом и суфизмом // Молодой ученый. 2014. № 12 (71).

О возвращении образов из «изгнания»

Ганеева Розалия Баязитовна, магистрант
Башкирский государственный аграрный университет

Название статьи совпадает с выражением известного американского психолога Роберта Хольта, встречающимся в статье, опубликованной в журнале «*American Psychologist*» [1, p. 254]. Это высказывание Хольта в определенной мере выражает дух нашей статьи, в которой мы пытаемся обосновать важность образных представлений в современной культуре, которую В.М. Розин назвал даже «экранной». Сам Хольт связывал возвращение образов из «изгнания» с потребностями инженерной психологии, где еще в 1960-е годы возникла проблема «перевода» результатов теоретических изысканий на язык практики. Для практической реализации теории нужно было представить наглядно, как она может быть применена на производстве. Оказалось, что для этого

нужно создавать модельные представления и образы, то есть «воплотить» теорию, перевести ее на язык чувственного представления.

Для предметного обсуждения природы и функций образа необходимо уточнить содержание этого понятия. Дело в том, что однозначного понимания того, что называют образом, до сих пор нет: его значение находится в диапазоне от отождествления образных представлений с любыми языковыми средствами до сведения их объема к зрительному восприятию. В отечественной философской литературе информация об образах наиболее полно представлена в работах профессора Р.Ю. Рахматуллина [2, 3; 4; 5 и др.]. Поэтому в статье в основном использован материал, почерпнутый из его публикаций.

Первая проблема, которая возникает при определении образа, это вопрос о его отличии от наглядно-графических представлений. Является ли, к примеру, диаграмма или график функции $y = f(x)$ образом? Тот же вопрос возникает и по отношению к эскизу, рисунку, фотографии, модели. На наш взгляд, образ является психическим феноменом. Так как перечисленные феномены обладают объективным существованием (они материальны), то их нельзя называть образами.

Вторая проблема связана с широким распространением в отечественной философской и психологической литературе мнения, что любой психический феномен является образом. Думается, что эта точка зрения возникла в советский период из-за не критического отношения ряда философов к идеям В. И. Ленина, который, в частности, писал в работе «Материализм и эмпириокритицизм», что «ощущение есть субъективный образ объективного мира» [6, с. 106]. Но является ли, к примеру, ощущение боли от укола иголкой образом этой иглы, а запах дыма — образом дыма? Очевидно, нет. Дело в том, что образ должен обладать структурным соответствием с оригиналом. То есть, объект и его образ должны находиться в отношении изоморфизма.

Третья проблема связана с установлением различия между образом и моделью. Выше мы писали, что образ есть психический феномен. Поскольку модели в основном представляют собой материальные изделия, то они не могут называться образами. Но дело не только в этом. Образ объекта переживается нами как реально существующий феномен. К примеру, при восприятии человека в нашей психике возникает его образ, который нами бессознательно воспринимается как сам человек. Но если нам показать модель человека, например, в виде его муляжа, то мы осознаем, что это не человек, а изготовленная кем-то модель. Различая модель и образ академик А. Н. Леонтьев писал: «Взятый в известном отношении, он (образ — Р. Б.) может быть описан как модель. Но это значит лишь то, что чувственный образ может выступить в функции модели, что составляет лишь один из «моментов» его движения; при этом, рассматривая его как модель, мы необходимо абстрагируемся от других особенностей» [7, с. 44]. В этой же работе автор приводит основное различие между образом и моделью: «Главный психологический факт состоит в том, что в образе нам даны не наши субъективные состояния, а сами объекты. Так, например, световое воздействие вещи на глаз воспринимается как объективная форма вещи, находящейся вне глаза. Для субъекта образ как бы наложен на вещь» [7, с. 38]. Свойство образа переживаться как сам объект в современной философии и психологии называется его интенциональностью. Этим свойством модель не обладает.

Четвертая проблема связана с решением вопроса о количестве модальностей образа. Дело в том, что существует мнение, что образом следует называть только зрительные представления. Р. Ю. Рахматуллин вместе с соавторами

утверждает, что это не так: «Связывать образ лишь с какой-то одной модальностью (зрительной, слуховой, осязательной и т.д.), думается, является ошибкой, т.к. он, как и отображаемый им объект-оригинал, полимодален. Образ соснового леса может включать в себя не только визуальные ощущения, но и звуковые (шум сосен, вызываемый ветром), и обонятельные (запах хвои)» [4, с. 169]. Думается, авторы цитируемой статьи правы: образ полимодален. Мы согласны с ними и в определении образа: «Образ есть совокупность чувственных сигналов, изоморфных содержанию объекта-оригинала и субъективно переживаемых в качестве самого объекта» [4, с. 169].

Почему мы утверждаем, что роль образов в современной культуре возрастает, что они возвращаются из «изгнания»? Вслед за Р. Хольтом мы полагаем, что это вызвано потребностями производства. Дело в том, что в XX веке наука во многом развивалась благодаря математизации, широкого применения логико-символических средств. Однако это привело к отрыву теоретической науки от практики. Практическая направленность всегда была присуща науке. Думается, сама наука возникла для того, чтобы помогать человеку решать практические задачи. Вся история химии свидетельствует, что она нужна была человеку, чтобы получить необходимые материалы: стекло, порох, лекарства и т.п. Современная наука создала целый мир искусственных вещей — от бройлерного цыпленка до космической ракеты. Вся эта «вторая природа» состоит из предметов, эволюционировавших от теоретической идеи до его образного воплощения, а от него — до конкретного предмета. В современном обществе существует многочисленная армия так называемых «технологов» (конструкторов, инженеров-проектировщиков, архитекторов, модельеров и т.п.), занятых трансформацией абстрактно-логического в наглядно-конкретное знание. Как пишет Хольт, целый ряд «практических задач, стоящих перед инженерной психологией и другими отраслями нашей науки <...> вынуждают нас обращаться к внимательному изучению образов» [1, с. 259]. Создаваемые «технологами» образы являются необходимым промежуточным звеном между теорией и практикой. Такие образы представляют собой синтез рационального и чувственного и выступают необходимыми компонентами визуального мышления [8]. Эволюцию научного знания, рассматриваемого в этом контексте, можно представить в виде триады «теоретическое знание → онтологизированный образ → материализация идеи в виде нового продукта (телефона, компьютера, лекарства и т.п.).

С указанной функцией создаваемых человеком образов связана и проблема понимания научного знания. Как полагает Р. Ю. Рахматуллин, такая форма знания, как научная картина мира, главное содержание которой составляют онтологизированные образы, и возникает в XX веке из-за необходимости выразить теоретические знания на понятном языке. «Онтологизированные в форму образов НКМ (научной картины мира — Р. Б.) знания

способствуют взаимопониманию между людьми: в рамках научного сообщества, признающего данную картину мира истинной, ее образы рассматриваются как исходные, всеми разделяемые и принимаемые без доказательств положения. Они помогают уяснению смысла достижений науки в контексте мировоззрения субъекта. С этих позиций образы НКМ можно рассматривать как семантическую сторону научного и научно-философского языков, описывающих наиболее существенные с точки зрения науки объекты и свойства существующего мира» [9, с. 168].

Еще одной важной функцией образов является обобщающая. Как правило, под обобщением понимают логическую операцию перехода от понятия с меньшим объемом к понятию с большим объемом. Однако в психологии немало работ, в которых утверждается, что обобщение существует и на чувственном уровне познания (Дж. Брунер, А.Р. Лурия, У. Найссер и др.). Обобщение в образной форме отличается от логического обобщения тем, что оно происходит в виде синтеза. В этом случае возможно соединение в одну целостность логически несоединимого: разных цветов, запаха, внешней формы. Кроме того, в онтологизированном образе кроме чувственных модальностей присутствует и идея: например, образ Солнечной системы представляет собой не только чувственный материал, но также идеи отличия звезды (Солнца) от планет, места Земли в Солнечной системе и т. п.

Еще одной особенностью обобщения при помощи образных представлений Р.Ю. Рахматуллин считает, что обобщение здесь нередко происходит в виде генерализации, когда образ репрезентирует целый класс тождественных объектов: «Образ может выступать в качестве репрезентанта целого класса (образ треугольника представляет весь класс треугольников, образ атома — класс атомов и т. д.), — пишет автор [10, с. 1475]. Ясно, что в этом случае единичный образ является обобщенной формой выражения множества тождественных предметов.

Образ участвует и в творческих процессах. И не только в искусстве, но и в науке. На наш взгляд, это возможно благодаря тому, что создаваемые человеком образы являются образами воображения. Мифологические, рели-

гиозные, художественные образы, представления, создаваемые при научном познании, возникают в процессе соединения идеи с чувственно-практическим опытом человека. Такие образы, создаваемые в творческом процессе, становятся необходимым компонентом человеческой культуры. В гносеологическом аспекте эвристический статус воображения заключается в том, что оно является более высокой формой отражения, чем не только восприятие, но и вербальное мышление. В этом мы солидарны с Д.Н. Завалишиной, которая отмечает ошибочность отнесения всех непонятных форм психического отражения к разряду низших по сравнению с понятийным мышлением. Функционирование мышления на любом непонятном уровне «после понятийного, актуально является более высоким, $n + 1$ уровнем. Иначе говоря, его «размерность», его «отражательная сила» увеличивается за счет того, что субъект уже владеет понятийными определениями некоторого фрагмента реальности, и его мышление тем самым вооружено для открытия новых содержаний», — пишет она [11, с. 160].

Эвристичность образа связана и с его структурой. В науке давно известен метод структурной аналогии, согласно которому структура, принадлежащая объекту, при её проецировании на новую реальность способна переструктурировать эту реальность, создавая тем самым нечто новое. В истории химии известно, что идею зависимости химических элементов от их атомных весов впервые высказал французский ученый А. Шанкуртуа. Исходя из этой закономерности, он начертил на боковую поверхность цилиндра под углом 45 градусов линию, разделенную на 16 частей. Затем расположил формулы химических элементов в этих 16-ти сегментах на одной вертикальной линии таким образом, чтобы их атомные веса отличались на 16 или число, кратное 16-ти. Д.И. Менделеев был знаком с этой моделью и использовал идею структуризации совокупности химических элементов Шанкуртуа для создания своего Периодического закона. Мы полагаем, что и на создание модели атома Э. Резерфордом значительно повлиял образ Солнечной системы, структуру которой он и воспроизвел при объяснении природы атомного строения.

Литература:

1. Holt, R. R. Imagery: the Return of the Ostracized // American Psychologist. 1964. Vol. 19.
2. Рахматуллин, Р.Ю. Онтологизированные образы в научном познании: генезис и функции: дис... д-ра филос. наук. Уфа, 2000.
3. Рахматуллин, Р.Ю., Сафронова Л. В., Рахматуллин Т. Р. Образ как гносеологическая категория: трудности определения // Вестник ВЭГУ. 2008. № 3.
4. Рахматуллин, Р.Ю., Семенова Э.Р., Хамзина Д. З. Понятие образа // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 12—2.
5. Рахматуллин, Р.Ю. Онтологизированные образы в научном и педагогическом пространстве. Saarbrücken, 2012.
6. Ленин, В. И. Материализм и эмпириокритицизм // Ленин В. И. Сочинения. Изд. 4. Т. 14.
7. Леонтьев, А. Н. Чувственный образ и модель в свете ленинской теории отражения // Вопросы психологии. 1970.
8. Жуковский, В. И., Пивоваров Д. В., Рахматуллин Р.Ю. Визуальное мышление в структуре научного познания. Красноярск, 1988.

9. Рахматуллин, Р.Ю. Научная картина мира как особая форма организации знания // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 12–2 (38).
10. Рахматуллин, Р.Ю. Гносеологические функции образа // Молодой ученый. 2015. № 9 (89).
11. Завалишина, Д. Н. Психологический анализ оперативного мышления. М., 1985.

Феномен информационного терроризма: аксиологические аспекты

Котлярова Виктория Валентиновна, кандидат философских наук, доцент

Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) Донского государственного технического университета, (г. Шахты, Ростовская область)

В статье исследуется феномен информационного терроризма на современном этапе. Наибольшее внимание сфокусировано как основных составляющих информационного терроризма. Освещены сущность данного явления, также охарактеризована степень предотвращения информационного терроризма. В качестве основной идеи выступает создание новой системы экзистенциальных ценностей /

Ключевые слова: информационная безопасность, информационный терроризм, информационное пространство, ценности, система ценностей, экзистенциальные ценности.

В современных условиях все большее значение приобретает роль информации. В результате активных процессов глобализации и развития информационно-коммуникационных технологий и как следствие, изменений в социально-информационной сфере, меняются также инструменты реализации государственной политики, как внутренней, так и внешней, и наряду с экономическими и политическими рычагами влияния не менее важными возникают информационные. В эпоху информатизации, в XXI веке, традиционные конфликты переместились с материального пространства в принципиально новый — информационный (киберпространство), в котором манипулятивные технологии приобретают все более широкое применение. Благодаря им ведутся информационные войны, уничтожаются оппоненты, осуществляется влияние на массы и многие другие действия. Поэтому, в последнее время большой популярностью пользуется информационный терроризм. Осмысление этого феномена является предпосылкой формирования более четких представлений о сущности современного международного терроризма, предотвращения его деструктивного влияния на государственные институты и основы информационной безопасности в целом.

Сущность феномена информационного терроризма активно исследуется в трудах как зарубежных так и отечественных ученых. Среди исследователей, занимавшихся изучением терроризма в условиях глобализации, развития информационно-коммуникационных технологий и значимости роли СМИ в жизни общества следует отметить Д. Белла, Ж. Бодрийара, Э. Гиденса, Э. Тоффлера, Ф. Фукуяму, С. Хантингтона, Б. Хофмана, А. Шмида и другие. Стоит заметить, что существует достаточно большое количество работ отечественных ученых, которые внесли свой вклад в исследование данной тематики. Среди них: О.В. Будницкий, К.Н. Салимов, В.И. Василенко,

Д.Б. Левин и другие. Проблеме терроризма посвящен ряд диссертационных исследований: Е.Н. Каратуевой, В.А. Эпштейна, Л.О. Изилевой, Н.Н. Кудриной и других. Вместе с тем на периферии исследования находятся вопросы, связанные с исследованием ценностных оснований терроризма в общем и информационного в частности. Восполнением данного исследовательского пробела выступает настоящая статья. Основную исследовательскую задачу данной статьи автор видит в философском анализе феномена информационного терроризма сквозь призму аксиологии.

Для более четкого понимания сущности понятия «информационный терроризм» следует обратиться к понятию собственно «терроризма». Как известно, впервые данное понятие употребил в 1798 году Иммануил Кант при описании пессимистического взгляда на судьбу человечества.

Современный терроризм существенно отличается от использования террористической тактики экстремистскими группами в прошлом. Террористическая деятельность как сложное, негативное и многофакторное социально-политическое явление давно вышла за рамки национальных границ и трансформировалась в масштабную угрозу для безопасности всего человечества. Проблема терроризма осложняется тем, что терроризм, будучи по сути своей сложной социально-политическим явлением, аккумулирует в себе основные социальные противоречия, достигшие в социуме уровня многостороннего конфликта.

Информационная эпоха расширила сферу деятельности терроризма, что привело к появлению «информационного терроризма», который определяется как слияние физического насилия с активным использованием информационных систем, а также умышленное злоупотребление цифровыми информационными системами, сетями или их компонентами с целью содействия осуществ-

вления террористических операций или акций. С началом XXI века терроризм начал использовать информационно-психологические каналы для дестабилизации социально-экономического положения государства, начало осуществлять прямое влияние на экономику. Для подготовки теракта 11 сентября 2001 г. было затрачено не больше 1 млн. долларов США. А только прямые потери экономики США составили в течение одной недели более 10 млрд. долларов США, а в течение 4–6-х годов — более 100 млрд. долларов США. К тому же, существенно изменились отраслевые пропорции экономики США (например, корпорация «Боинг» проиграла соревнование с корпорацией «Эйрбас» в создании нового широкофюзеляжного самолета). А даже неподтвержденные слухи о возможных терактах в развитых странах существенно повлияли на отрасль авиаперевозок во всех странах мира в 2002–2003 годах [1].

Терроризм — это прежде всего протестная, нелегитимная форма насильственных действий. И отсюда — форма защиты интересов поработанной, подавленной, обойденной в своих правах, оскорбленной части людей в соответствующей общественной структуре. И эти люди имеют свою собственную ценностную систему, которая антагонистична ценностной иерархии общества. Достаточно вспомнить суицидальные террористические акты шахидок с самоподрывом.

На сегодняшний день сложилась ситуация, когда террористические организации доказали, что для эффективных действий и достижения победы, которая воплощается в получении влияния на власть противника, не обязательно иметь мощные вооруженные силы или самую оружие. Поэтому увеличение расходов государств исключительно на свой военно-оборонный комплекс в большинстве случаев приобретает неэффективный характер, поскольку они не могут гарантировать безопасности собственных граждан на своей территории.

Развитость информационной инфраструктуры общества способствует созданию дополнительных рисков информационного терроризма. Информационный терроризм разделяется на информационно-психологический терроризм (контроль над СМИ с целью распространения дезинформации, слухов, демонстрации могущества террористических организаций) и информационно-технический терроризм (нанесение ущерба отдельным элементам и всему информационной среде противника в целом: разрушение элементной базы, активное подавление линий связи, искусственное перезагрузки узлов коммуникации и т. п.) [2, с. 231].

Но самое главное в атаках информационного терроризма — воздействие на личность человека, изменение его ценностной иерархии. В своих работах автор статьи уже предпринимала попытки анализа ценностного влияния на человека пространства Интернета [3, с. 81–83]. Существование информационного терроризма порождает качественно новые ценностные проблемы, определяющие принципы поведения в новой реальности.

Существуют специфические приемы противодействия информационному терроризму. Ряд из данных приемов можно осуществлять на локальном уровне — в стенах учебных заведений, в семье, в муниципальных и региональных средствах массовой информации и т. п. Ряд приемов требуют государственной поддержки в виде законодательных норм и правил. Рассмотрим их более подробно.

Первый прием называется «покрывало». Суть этого приема заключается в создании защитного покрывала над аудиторией, например, глушение радиоголосов. Во времена существования СССР периода «холодной войны» такие приемы применялись довольно широко — «глушились» «Голос Америки» и «Радио Свобода». Прием «покрывало» в настоящее время довольно сложно применить в целостном информационном пространстве общества, но локальное его применение существует довольно широко. Например, во многих учебных заведениях блокируются определенные сайты, в том числе и социальные сети. На государственном уровне происходит блокировка сайтов террористической направленности.

Второй прием — «шум». Информационное сообщение террористической организации фактически исчезает в массе других, специально сгенерированных в так называемом информационном шуме. В современном мире все чаще и чаще поднимается вопрос о способах воздействия ИГИЛ на сознание молодых людей, прежде всего, девушек. Средства массовой информации пестрят сообщениями о присоединении к ИГИЛ девушек, стремящихся выйти замуж и которые ранее не были ярыми приверженцами ислама. Любая девушка живет в ожидании своего «принца», часто за таким ожиданием скрывается неуверенность и комплексы. В данном случае такие сообщения необходимо как можно более активно разбавлять рассказами об альтернативных способах поиска партнера. Например, о создании новой программы типа «Сваха», «Возьмите меня замуж» и т. п. Данную информацию необходимо подкреплять визуальными (обязательно красивыми!) сюжетами красивой свадьбы, счастливой семьи и пр.

Третий прием — «круговорот». Он подразумевает нейтрализацию сообщения в сознании посредством внесения приоритетных, важных сообщений. К сожалению, средства СМИ «грешат» смакованием подробностей террористических актов. С данным приемом коррелирует прием «замена» — смещение акцента с опасного аспекта сообщения на другие. Необходима разработка общегосударственной системы информационного противодействия терроризму путем четкого определения функций и полномочий государственных органов, общественных организаций, средств массовой информации в комплексе мероприятий по информационной блокаде любых действий террористов.

Однако, несмотря на определенные попытки государства противостоять информационному терроризму, «победа» над умами людей все чаще и чаще остается за последним. И здесь, на взгляд автора, уместно вспомнить

прописные истины — без четко выстроенной ценностной иерархии никакое общество не может существовать, и никакие действия государства по нивелированию влияния информационного терроризма не принесут результат, если только в обществе не будет создана консолидирующая система ценностей.

Только ценности помогают найти ответы на смысло-жизненные вопросы. Именно они выступают духовной опорой культуры и общества в противостоянии информационному терроризму, а также способны как объединять, так и разъединять общество. Ценности являются не только транситуативными, но и меняются с течением времени. Процесс изменений длительный: переформатируется иерархия системы ценностей, устаревшие ценности теряют значение, но они не умирают, они могут возрождаться и получать новое «прочтение». Главное — с изменением системы ценностей мир, конкретная культура или общество приобретают новые черты.

Центральной проблемой современного российского общества выступает ценностный поиск по определению фундаментальных национальных ценностей, а также ориентиров дальнейшего развития. Разновекторность духовно-ценностных ориентиров отдельных частей российского общества создает общественное напряжение, которое в свою очередь порождает различные социальные конфликты, способствующие усилению влияния информационного воздействия террористических организаций.

Учитывая это, неотложной задачей является формирование такой ценностной системы, которая была бы принята большинством членов общества и стала основным инструментом общественных преобразований. Реализация этого может быть достигнута только путем переориентации на новые ценности, переоценка уже существующих и доминирующих в сознании людей ценностей. В качестве таких ценностей в предыдущих своих работах мы предлагали формировать новые экзистенциальные ценности на основе духовных традиционных приоритетов [4, с. 94]. Наша позиция коррелирует с точкой зрения А. М. Руденко, что ценности «выступают содержательным аспектом экзистенциалов человеческого бытия» [5, с. 169].

Среди таких экзистенциальных ценностей видное место должны занять: общественные права и свободы, общность

общественной позиции по стратегии и направления развития государства и общества, толерантность всех частей общества (но не равнодушие и вседозволенность), уважение к нации и равенство всех национальностей и тому подобное. Организация жизни всего социума, общественный прогресс возможны лишь в условиях осознания системы духовных ценностей как основы национальной консолидации, без чего невозможны любые политические, экономические, духовные достижения. Формирование новой системы ценностей является, прежде всего, делом государства, которое должна сосредоточиться на определении государственной гуманитарной политики, выстраивании национальной идеологии, национальной идеи с учетом потребностей, интересов и ценностей всех социальных групп общества.

Нерешенность задачи создания соответствующей общественно-историчному моменту системы ценностей не просто порождает негативные общественные явления (равнодушие, маргинальность, пассивность, потребительство, агрессивность и т. д.) и социальную нестабильность, а ставит под угрозу единство общества благодаря усилению влияния информационного терроризма, а, следовательно, и сам факт существования независимой России.

Таким образом, на сегодняшний момент существует проблема противодействия актам информационного терроризма, поэтому, первоочередной задачей для общества является целенаправленная работа по гармонизации и совершенствования законодательства в сфере информационной безопасности государства. Осуществление эффективной информационной политики направленной информирования граждан и обеспечения их понимание того, в чем заключаются причины терроризма, повышение медиа-грамотности путем формирования новых ценностных доминант помогут выстроить систему защиты каждого человека от негативного влияния информационного терроризма. Первой и главной проблемой при этом является проблема формирования новой платформы для реализации ценностных проектов, в том числе и в системе образования. В последующих публикациях автор продолжит обозначенную тему и предпримет попытку рассмотрения формирования новой ценностной системы в молодежной среде.

Литература:

1. Sandler, T., Enders W. An Economic Perspective On Transnational Terrorism // *European Journal of Political Economy*. — 2004. — №. 20 (2). — P. 301–316
2. Бойченко, А. В. Медиа-терроризм: особенности современных признаков информационной безопасности // *Интегрированные интеллектуальные робототехнические комплексы (ПРТК-2009): вторая международная научно-практической. конф. (25–28 мая 2009)*. — М.: НАУ, 2009. — с. 230–232.
3. Котлярова, В. В. Ценности: традиции и аксиологическая парадигма современности. — Шахты: ГОУ ВПО «ЮР-ГУЭС», 2009. — 96 с.
4. Котлярова, В. В. Современный ценностный кризис и поиск общечеловеческих ценностей // *Гуманитарные и социальные науки*. — 2011. — № 2. — с. 86–95
5. Руденко, А. М. Социовитальные ценности смысло-жизненной интенциональности экзистенции человека // *Экономические и гуманитарные исследования регионов*. — 2012 — № 3. — с. 165–172.

Формирование философской культуры учителя (элементы, противоречия, движущие силы, эволюция)

Македонская Светлана Ивановна, соискатель
Запорожский национальный университет (Украина)

В данной статье представлены условия формирования философской культуры как сложного социального и духовного феномена: элементы, противоречия, движущие силы, эволюция. Основной целью исследования являются направления формирования философской культуры, которая помогает гармонизировать жизненный мир личности, направляет потенциал личности — в творческое русло. В данном исследовании сформулирован авторский методологический подход к анализу философской культуры учителя. Результаты исследования могут быть применены в области педагогической практики образовательного процесса.

Ключевые слова: философская культура, противоречия, движущие силы, способ жизнедеятельности, духовность, самореализация

Актуализация данной проблемы связана прежде всего с возрастанием роли субъективного фактора в современных условиях. Изучение формирования философской культуры требует того, чтобы разобраться с процессом протекания данного явления, для чего проанализировать понятия философского дискурса, объективные характеристики и субъективное выражение данного феномена, которое проявляется в профессионально-педагогической практике учителя. Процесс трактуется как «категория философского дискурса, характеризующая совокупность необратимых, взаимосвязанных, длительных изменений, как спонтанных, так и управляемых, как самоорганизованных, так и организуемых, результатом которых является некое новшество или нововведение (новые морфологические формы организмов, новые разновидности, социальные, научные, культурные и прочие инновации» [1, с. 378]. Сегодня философская культура приобретает черты определённого способа жизнедеятельности, то есть процесса, направленного на становление способа жизни, формирования духовных ориентиров как проявление социальных характеристик и мотивов поведения как объекта, так и субъекта педагогического процесса.

В основе профессионально-педагогической практики учителя лежит взаимодействие между субъектом и объектом, между ними есть некоторое взаимодействие и единство. Взаимодействие субъекта и объекта деятельности возможно благодаря средствам деятельности. К средствам деятельности входят и **элементы философской культуры учителя**. Они имеют субъективно-объективный характер, где субъект при некоторых условиях выступает в роли объекта и наоборот. К элементам философской культуры учителя принадлежат: знания, язык, ценности, традиции, новаторство, убеждения и нормы. Особенное значение имеют философские знания. Философские и научные знания в своей связи формируют научно-философский способ восприятия действительности, которые раскрывают истинное отображение процессов и явлений в окружающей мире, а также позволяют воспринимать мир масштабно, целостно. Взаимосвязь

знаний и действительности есть сущностью философской культуры учителя и именно эта связь есть ее **источником**. Совокупность элементов в своей взаимозависимости составляет содержание философской культуры учителя. Форма философской культуры учителя состоит в способе ее существования и функционирования, она выражается в нормах. Функции философской культуры учителя состоят в осознании мировоззренческого самоопределения личности учителя и способствуют социальной, профессиональной и личностной самореализации. Поэтому дадим определение данному феномену. Философская культура учителя — это многоэлементная система, элементами которой есть знания, язык, ценности, убеждения, обычаи, традиции, новаторство, которые составляют содержание культуры, а нормы есть ее формой. Сущность культуры состоит во взаимосвязи знаний и ценностей.

Философская культура — это совокупный феномен, который репрезентирует учитель с целью осознать, усвоить, трансформировать знания, накопленное человечеством, чтобы превратить их в культуру. Философская культура, как и культура вообще, есть синтез предметных знаний и ценностей человека, которые учитель пытается трансформировать в убеждения, которые станут в дальнейшем основой и импульсом для действий и практики в целом. Учитель стремится сформировать новые философские знания путем рационального осмысления универсалий культуры, их критического анализа и формирования на этом пути новых знаний и ценностей, которые трансформируясь, превратятся в философскую культуру.

Противоречия в своей совокупности и взаимопроникновенности, которые характеризуют современное общество, преодолеваются духовными, культурными, языковыми, политическими факторами, и составляют основу противоречий процесса становления и развития философской культуры учителя. Социальный опыт учителя влияет на индивида как объект воспитания в контексте реально существующих ситуаций через общение, коммуникацию, разнообразные дискурсы, но и благодаря примеру учителя, который переубеждает невидимыми спо-

собами действий, созданными педагогической практикой. А это означает, что при исследовании философской культуры учителя необходимо изучать условия и взаимоотношения, сформировавшие учителя благодаря культуре, которая становится неотъемлемой частью его преподавания. Отсюда потребность изучать межкультурное взаимодействие в учительской среде, которая есть важной основой понимания философской культуры учителя как субъекта и ученика как объекта, что приводит к трансформации субъекта в объект и формирования субъект-субъектной основы восприятия группы как целостного самостоятельного субъекта педагогического процесса.

Следует также акцентировать внимание на движущих силах развития философской культуры учителя, которые сводятся к духовно-культурному возрождению и единству, устойчивому экономическому развитию, информатизации и передовым технологиям. Сила философской культуры в ее национальной специфике, достижении нацией устойчивого развития, объединении нации и достижении ее интеграции. Философская культура должна быть направлена на осознание своей национальной культуры, своих интересов, потребностей, места в мире, то есть всего того, что входит в мировоззрение. Философская культура учителя проявляется в контексте профессионально-педагогической практики, в процессе которой она выступает как личное приобретение субъектом всего того богатства, которое направлено на выявление ценностей каждого индивидуума, которые переходят в его внутреннее содержание. В этом процессе универсалии культуры из неосознанных оснований культуры и социальной жизни превращаются в предельно обобщенные категориальные формы, на которые направлено сознание. Они выражаются посредством философских категорий, которые выступают теоретическими схемами универсалий культуры» [2, с. 1083–1084].

С помощью элементов философской культуры, которые мы выше перечислили, можно дать описание любого явления социальной и духовной жизни, осознания человеческого достоинства как выражения высшего предела исторического развития человека, а именно духовности. Духовность человека — это проблема реализации тех оснований человеческой жизнедеятельности, которая есть результатом исторического развития людей. Именно благодаря объективации духовного потенциала личность придает смысл индивидуальному бытию, а духовность выступает опосредствованным началом между интеллектом и инстинктом, переживаниями человека относительно отношения к миру, другим людям, природе и самой себя. «Духовность — это и устремленность к познанию смысла своей жизни, это и совесть, и потребность в творчестве, в любви, в дружбе, это стремление к высокому, к самосовершенствованию, к самореализации, это ответственность за сохранение жизни на Земле» [3, с. 33].

Составляющими философской культуры учителя являются мировоззренческая культура, культура мышления, культура общения, культура организации труда, инфор-

мационная культура, которые есть условиями успешной адаптации человека к современному обществу. Именно философская культура учителя влияет на утверждение ценностей человеческой личности, включая национально-ментальные, мировоззренческие, ценностно-нормативные, национально-психологические основания, которые детерминируют взаимоотношения между учителем и учениками, дают основание объяснить поведение субъектов воспитания в контексте формирования определенных культурных ценностей и норм, которые определяют их духовное мировоззрение и сознание. Философская культура способствует воспитанию интеллектуальной элиты нации, обеспечению национальных интересов страны, формирования личности будущего, укрепления государства на международной арене. Последние исследования свидетельствуют, что устойчивое развитие страны формируется в контексте тех социокультурных изменений, которые произошли в сознании современного человека. Именно учитель поддерживает и усиливает чувство принадлежности своих субъектов воспитания к определенной группе, формирует у них чувство идентичности, способствует трансляции своего социального и духовного наследия, обеспечивая чувство целостности жизни, восстанавливая значение целостного жизненного мира личности. Изменения, которые произошли в современном мире и образовании требуют творческого осмысления качественных преобразований в экономических, социальных, политических и духовно-культурных отношениях, в информационной, научной, технической, технологической сферах. Философская культура включает анализ социальной среды, в контексте которой она и формируется «как совокупность символических программ мышления, чувствования и поведения людей; через социальную детерминацию и социокультурную причинность; через потребности и интересы; через поведенческие практики и их социальные последствия. Ценности философской культуры не существуют разрозненно, они связаны между собой в одно единое гармоническое целое, то есть культурный космос. Этот мир представляет собой особенную нормативно-ценностную реальность, внутри которой человек развивается как духовное существо, субъект духовности. И чем более развитым есть духовное «Я» личности, тем значительнее для личности становится реальность, в которой человек руководствуется культурными нормами и в его жизни присутствует культура, чтобы облагородить человека и общество.

Проследив этапы эволюции общества от индустриального и постиндустриального в информационное, мы делаем вывод, что на современном этапе информационного общества следует формировать информационную культуру, которая есть составляющей философской культуры. Информационное общество формирует модель информационного, толерантного, культурного, высокоразвитого человека. «Развитие информационных технологий открывает для учителя новые возможности в профессиональной деятельности и дает возможность реализовать

образовательно-педагогические практики разных эпох и культур», — отмечает А.А. Кравченко в работе «Архетип учителя: идея, образ, ответственность» [4, с. 3].

Процессы информатизации заставляют смотреть учителя на мир новыми глазами, что требует формирования нового взгляда на мир, формирования компьютерной грамотности и компьютерной культуры, изменения самого мышления как элемента общей философской культуры учителя. В сфере философской культуры учителя оказываются противоречия, которые порождены возникающими проблемами современности: преодоление упрощенных традиционных взглядов на соотношение философии и мировоззрения; преодоление рационализма. Обращение к особенностям практически-духовного освоения мира и преодоления противоречий современности, позволяет «реабилитировать» важное понимание символических форм мировосприятия (Родина, добро, справедливость, красота, образы будущего), которые представляют единство идеального и реального. Эти изменения еще более усиливают значение и роль философской культуры учителя, требуют превращения самой системы образования в его эволюции от индустриального и постиндустриального общества в информационное, критерием эффективности которого выступают человекотворческие, человеко-стимулирующие потребности. Человечество столкнулось с новой проблемой — проблемой усвоения этих лавинообразно растущих ресурсов.

В современных условиях наступила эпоха информационного насыщения, или информационного кризиса. Разрешение этого кризиса возможно за счёт научно-технического прогресса. Все это свидетельствует о возникновении новой проблемы — внутренней противоречивости человеческой деятельности, которая есть и освоением природы (превращением ее в предметный мир реализации челове-

ческих потребностей, целей и интересов), и ее «отчуждением» (вызванным или усилением действия разрушения условий человеческого бытия природных сил освоения окружающей природы. «Сейчас, когда развитие цивилизации подошло к критическому рубежу, только сфера разума может указать пути выхода из нарастающих глобальных трудностей» [5, с. 14].

Выводы

Таким образом, философская культура учителя — это сложное и многогранное проявление духовного мира его личности, она состоит в способности к мировоззренческому самоопределению, философскому осмыслению собственной педагогической деятельности. В силу своих профессиональных функций философская культура современного учителя — необходимая и обязательная основа его профессионально-педагогической практики. Философская культура учителя принадлежит к духовной культуре, потому что в ее состав входят духовные ценности, а результатом деятельности учителя есть личность ученика, его обучение, воспитание и развитие. В силу своей духовной функции философская культура учителя помогает гармонизировать жизненный мир личности, выявить внутренние противоречия и направить их в соразмерные формы, а «взрывной потенциал» личности в творческое русло. Философская культура рассматривается нами как социальное пространство жизнедеятельности личности, особенный «срез» социального пространства, в котором культура создаёт поле и способ общения и самореализации личности. Задача всего общества сформировать такую философскую культуру, в которой личность приобретает возможность понимать принципы обустройства окружающего мира и найти свое место в этом мире.

Литература:

1. Огурцов, А. П. Процесс // Нов. философ. энцикл.: в 4 т. М.: Мысль, 2010. Т. 3. Новая философская энциклопедия: В 4 тт. М.: Мысль. Под редакцией В. С. Стёпина. 2001. — с. 378—379.
2. Новейший философский словарь: 3-е изд., исправл. — Мн.: Книжный дом, 2003, — 1280 с. (Мир энциклопедий)
3. Человек и общество: ноосферное развитие: [монография/О. С. Анисимов, Г. В. Атаманчук, В. К. Батурин и др.; под ред. В. Н. Василенко и др.]. — Москва: Белгор. обл. типогр., 2011. — 485 с.
4. Кравченко, А. А. Архетип учителя: идея, образ, відповідальність: монографія/А. А. Кравченко. — Львів: Вид-во «Ліга-Прес». 2013. — 421 с.
5. Осипов, Г. В., Лисичкин В. А., Вририн М. М. Становление информационного общества в России и за рубежом: учеб. Пособие/Г. В. Осипов, В. А. Лисичкин, М. М. Вирин; под общ. Ред. В. А. Садовниченко. — М.: НОРМА: ИНФРА-М, 2014. — 304 с.

Общественно-политическая и культурная ситуация во Франции XVIII века сквозь призму книги Алексиса де Токвиля «Старый порядок и революция»

Писаревская Анна Альбертовна, студент
Санкт-Петербургский государственный университет

В истории философии выделяют несколько важных периодов, это философия Античности, Средневековья, философия эпохи Возрождения и Нового времени. Одной из самых интересных является философия Просвещения. Она была основана на вере в безграничные возможности человеческого разума. Разум чуть ли не обожествлялся философами того времени. Ему предписывалась главенствующая роль над всем. Характерной чертой данной эпохи является падение роли Церкви в жизни человека. Только чистый разум мог привести человека к счастью — так считали мыслители Просвещения. Именно с разумом связывает свой ответ на вопрос «что такое Просвещение?» И. Кант. Здесь я хотела бы разобраться является ли общественно-политическая и культурная ситуация во Франции в середине XVIII века реализацией кантовского проекта Просвещения, изложенного в статье «Ответ на вопрос: «Что такое Просвещение?»»

Просвещение, по мнению Канта, это: «выход человека из состояния своего несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине» [1, с. 29]. Здесь мне хотелось бы остановиться и разъяснить позицию Канта. Для того чтобы понять, что есть этот выход, необходимо узнать, что он вкладывает в понятие «несовершеннолетие». Несовершеннолетие Кант относит вопреки не к возрасту, а к способности мыслить: «Несовершеннолетие есть неспособность пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-то другого» [2, с. 29]. То есть Просвещение — это способность мыслить без чужой помощи. Является ли состояние несовершеннолетия естественным? По Канту человек уже давно освободился от него, но остается там по причине своей лени и трусости, то есть «по собственной вине». Отсюда становится ясным, что эпоха просвещения — это, прежде всего, эпоха собственной личности человека. Именно поэтому Кант призывает освободиться от так называемых «опекунов».

Опекуном может быть не только политик, но даже книга и врач. Здесь, по моему мнению, Кант имеет в виду не доверять полностью данным источникам, а относится критически, используя свой разум — как говорится: «доверяй, но проверяй». Именно эти предписания он называет «кандалами постоянного несовершеннолетия». Дело в том, что человек, полностью положившийся на врачей, книгу либо кого-то третьего, никогда не применяет свой собственный разум, он просто следует указаниям, как стадо овец подчиняется пастуху. Этим предписаниям очень легко следовать, не прилагая никаких усилий. Но Кант говорит, что: «публика сама себя просветит, если только предоставить ей свободу» [3, с. 30]. Эта свобода должна заклю-

чатся в публичном пользовании своим разумом, то есть человек здесь должен выступать в роли некоего ученого, который общается с публикой посредством своих произведений. Именно в этом заключается истинное Просвещение. В итоге Кант приходит к выводу, что «меньшая степень гражданских свобод дает народному духу возможности развернуть все свои способности» [4, с. 37]. Здесь я полностью согласна с Кантом, и хотела бы проиллюстрировать данное мнение ситуацией во Франции восемнадцатого века. Для этого я воспользуюсь произведением французского политического деятеля Алексиса де Токвиля «Старый порядок и революция».

В данной книге Алексис де Токвиль рассматривает причины революции во Франции 1789 года. В первой главе третьей книги автор раскрывает роль «людей письмен», то есть интеллектуалов во французской революции. Именно в восемнадцатом веке они достигают наибольшей популярности. Токвиль признает, что все интеллектуалы в итоге приходили к уже существующим понятиям. Эти понятия мы можем найти в теории «общественного договора». Представителями данной теории являются Т. Гоббс, Дж. Локк и Ж. Ж. Руссо. Для того чтобы читатель мог понимать на каких идеях строилась французская революция, я хотела бы рассказать, что собой представляет эта теория.

Теория общественного договора впервые разделяет государство и общество. Она основывается на естественном состоянии человека, которое впоследствии привело к заключению договора между людьми и властью. Т. Гоббс описывает естественное состояние человека как «войну всех против всех» и в этом он ходит три причины: «мы находим в природе человека три основные причины войны: во-первых, соперничество; во-вторых, недоверие; в-третьих, жажда славы» [5]. Результатом этого состояния является общественный договор, который ограничивает права личности в пользу государства. Дж. Локк отходит от понимания естественного состояния человека как «войны всех против всех». Он пишет о том, что люди по своей природе равны и для того чтобы сохранить свободу, им необходимо было заключить договор, который обеспечил бы защиту прав свободы, равенства и собственности.

Одним из крупнейших представителей французского просвещения является Ж. Ж. Руссо. Он был идейным вдохновителем французской революции, а его идеи впоследствии использовались при якобинском терроре. Его взгляды значительно отличались от представлений Гоббса и Локка. Руссо пишет, прежде всего, о несправедливом договоре. Поначалу все было общим, люди были равны и свободны в своих действиях. Однако с появлением

частной собственности и расслоением общества на богатых и бедных, власть оказалась посредством хитрости в руках богатых людей: «С этой целью, показав предвзвешенно своим соседям все ужасы такого состояния, которое вооружало их всех друг против друга, делало для них обладание имуществами столь же затруднительным, как и удовлетворение потребностей; состояния, при котором никто не чувствовал себя в безопасности, будь он беден или богат, — он легко нашел доводы, на первый взгляд убедительные, чтобы склонить их к тому, к чему он сам стремился» [6, с. 122]. Это привело к полному несоблюдению естественных прав человека и появлению монархии. Руссо призывает людей объединиться для того, чтобы заключить новый договор, в котором бы восстанавливались естественные права человека. По мере достижения этой цели, Руссо оправдывает революцию, и даже временную диктатуру.

И так, мы с вами посмотрели на какие идеи и понятия опирались интеллектуалы восемнадцатого века. Почему же в это время, они достигают такой популярности? Именно здесь, по моему мнению, находит свое отражение вывод И. Канта. Французское общество, как замечает Алексис де Токвиль, было далеко от практики и не имело никакой власти по отношению к политике: «центральное правительство подменяло местные органы, все больше подчиняя себе всю сферу государственной власти» [7]. Несмотря на это, литераторы обладали большой свободой в своих размышлениях. Люди перестали обращать внимание на власть и все больше и больше мечтали о том, что могло бы произойти. Французские литераторы были свободны в плане своих мыслей и учений: «При виде граждан, живших обособленно и замкнуто в условиях разветвленной и могущественной королевской власти,

можно подумать, что дух независимости исчез вместе с общественными вольностями и что все французы были одинаково приучены к покорности. Но ничего подобного не было: хотя правительство самовластно и неограниченно вторгалось во все общественные дела, она было еще далеко от подчинения себе всех индивидов» [8]. И здесь мы видим, что «публика сама себя просветила» так как была свободна духовно, а эта свобода вытекает, прежде всего, из несвободы гражданской. Я не могу сказать, что интеллектуалы были «опекунами». Нет, это далеко не так. Они обращались к людям с целью просветить их разум. Они не занимали каких-либо административных постов в правительстве. Их целью не было «оглушить домашний скот и уберечь от опасности ходить самостоятельно».

Не смотря на то, что французские просветители не создали новых философских теорий, а лишь опирались на уже известные, их вклад во Французскую революцию велик. Они сумели распространить свои мысли среди просто народа, что, как пишет Токвиль, даже простой крестьянин мог стать литератором, если бы умел писать. Разве это не говорит нам о том, что публика была читающая, и происходил процесс освобождения от несвобождения? Как писал в своей статье «Философы и Французская революция» Альберт Собуль: «Независимо от различий точек зрения и даже внутренних распрей философия способствовала консолидации усилий, чтобы опрокинуть старый мир и положить начало новому» [9]. Таким образом, общественно-политическая и культурная ситуация во Франции в середине XVIII века является реализацией кантовского проекта Просвещения, изложенного в статье «Ответ на вопрос: «Что такое Просвещение?»».

Литература:

1. Кант, Иммануил. Собр. соч. в 8 тт. М.: Чоро, 1994. Т. 8. с. 29–37.
2. Там же
3. Там же
4. Там же
5. Гоббс, Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Сочинения: В 2т. — Т. 2. — М.: Мысль, 1991.
6. Руссо, Жан-Жак. Об общественном договоре. Трактаты. Пер. с фр. М., КАНОН — ПРЕСС — Ц., Кучково поле, 1998. 416 с
7. А. де Токвиль. Старый порядок и революция. [Электронный вариант].URL: http://www.democrasy.ru/curious/democracy/old_regime_revolution/page17.html Дата проверки: 07.07.2015.
8. Там же
9. Собуль, А. Философы и Французская революция/Перевод В.П. Визгина // Французский ежегодник 1982. М. Наука, 1984. с. 138–149

Мутазилиты — основатели рационализма в арабо-мусульманской философии

Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор
Башкирский государственный аграрный университет (г. Уфа)

Как известно, после смерти Мухаммада в исламе стали появляться различные течения. Разногласия возникли по поводу передачи верховной политической и духовной власти в связи с кончиной основателя ислама в 632 году. Они привели к расколу мусульман на суннитов и шиитов. Впоследствии внутри каждого из этих течений стали появляться отдельные группы, отличающиеся от других своей трактовкой тех или иных положений ислама. Именно к такому раннеисламскому еретическому течению относится и учение мутазилитов. Их идеи вызывают интерес не только исламских богословов, но и профессиональных философов. К сожалению, в отечественном религиоведении мутазилизм представлен небольшим количеством работ [1; 2; 3]. Данная статья является небольшим вкладом в изучение этого явления мусульманской культуры. Мы полагаем, что мутазилитов можно называть основателями рационалистического течения в арабо-мусульманской философии, названного позже каламом. Для них было характерно обращение к разуму как высшей инстанции при толковании тех или иных положений ислама. Этим мутазилиты отличаются от салафитов — сторонников догматического толкования ислама.

Основателем мутазилизма считают Васи́ла ибн Ату (699—748), ученика известного богослова Хасана аль-Басри. В истории ислама существует мнение, что разногласия между ним и Василом ибн Атой возникли по вопросу о последствиях совершенного человеком тяжкого греха. В то время имелись два мнения на этот счет: а) такой грех автоматически выводит человека за пределы ислама; б) человек остается в исламе, но за этот грех будет отвечать перед Богом. Когда один из прихожан мечети задал этот вопрос Хасану аль-Басри, тот не успел ответить, так как на вопрос стал быстро отвечать его ученик Васил ибн Ата, который сказал, что совершивший тяжкий грех человек находится в промежуточном состоянии между мусульманином и не мусульманином. Высказав это мнение, он отошел в угол мечети и стал обосновывать свою точку зрения группе мусульман. Хасан аль-Басри тогда произнес: «И'тазала Васил 'анна», что на арабском языке означает «Васил отделился от нас». С этого времени Васи́ла ибн Ату и его сторонников стали называть мутазилитами — отделившимися. Число мутазилитов быстро росло за счет наиболее грамотных мусульман, и в Аббасидском халифате I половины IX века их учение стало ядром государственной религии и официальной идеологией суннизма.

Мутазилиты пытались решить ряд противоречий в исламе, возникших из-за возможности разного толкования тех или иных положений Корана. Заметим, что такие противоречия сохранились и поныне, о чем мы ранее писали [4; 5]. В частности, ссылаясь на те или иные аяты

Корана, одни богословы защищают апофатическое, другие — катафатическое представление о Боге. Сторонники апофатического богословия (*танзих*) ссылаются при этом на особо почитаемую мусульманами 112-ю суру Корана, в которой запрещается сравнивать Бога с человеком. Та же мысль содержится и в 11-ом аяте 42-й суры: «Ничто не подобно Ему (*Богу* — *P.P.*).

Сторонники же катафатического исламского богословия (*ташбих*) ссылаются на известные 99 имен Аллаха, содержащиеся в Коране и Сунне: милосердный, прощающий, любящий и т. п. В таком случае получается, что природу Бога можно толковать в человеческих категориях, придавая ему антропоморфные признаки. Ибн Ата выступал в качестве последовательного противника катафатического богословия. Из всех приписываемых Богу атрибутов он признавал только его существование. При этом следовал логическому доводу, вытекающим из аристотелевского закона исключенного третьего: если одно из двух противоречащих другу-другу суждений истинно, то другое обязательно ложно (и наоборот: если одно из них ложно, то другое обязательно истинно). Два высказывания «Бог существует» и «Бога нет» противоречат друг другу. Если признать истинным второе высказывание, то это выводит человека за пределы религии и делает бессмысленными все богословские споры. Поэтому для богослова высказывание «Бог существует» является аксиоматическим основанием для дедуктивного исследования остальных проблем веры.

Но как же быть с упомянутыми в Коране атрибутами Бога, позволяющими сравнивать его с человеком? Более того, в том же Коране (58-я сура) утверждается, что Бог слышит и видит! Исходя из этого, а также ряда других мест в Коране, мусульмане-догматики утверждали о наличии анатомического сходства Бога и человека. Мутазилиты не могли отрицать то, что на самом деле зафиксировано в Коране. Но они предлагали логические доводы решения подобных противоречий. Если Коран содержит слова самого Бога (в чем мусульмане не сомневаются), то не мог же Бог противоречить самому себе? Видимо, дело не в кораническом тексте, а в нас, в нашем понимании этого текста. Дело в том, что в текстах, в том числе и сакральных, существуют образные сравнения. К примеру, если мы встречаем в тексте выражение «Ветер воет», это вовсе не означает, что ветер это животное, имеющее анатомический орган, позволяющий выть. Все приведенные в Коране качества Бога следует толковать не том значении, которые применяются к человеку. Такой довод вытекает и из толкования природы языка Василом ибн Атой и его последователями, что послужило основанием для доказательства ими сотворенности Корана.

В мусульманском богословии существовали и продолжают существовать два мнения о природе Корана. Одни (салафиты) утверждают, что Коран не сотворен, он существует вместе с Богом как выражение одного из его атрибутов — речи (аль-Калям). Мутазилиты утверждают, что речь, как и выражающие её буквы, сотворены Богом, являются продуктом, а не атрибутом Бога. Условность человеческой речи и алфавита указывают на то, что Коран не совечен Богу: он есть важнейший продукт его творения, созданный для сообщения людям истины и информации о правильном пути жизни.

Мутазилиты не могли пройти и мимо важнейшего для богословия вопроса о предопределенности. Как известно, на этот вопрос существуют два альтернативных ответа: а) от человека ничего не зависит, все решает Бог; б) человек наделен Богом не только атрибутом существования, но и свободой воли, правом выбирать те или иные способы решения проблем. Ссылаясь на Коран, можно доказывать правомерность как первого, так и второго утверждения. Так, в суре 6 есть 59-й аят: «У Него (Бога — *P. P.*) ключи к сокровенному, и знает о них только Он. Ему известно то, что на земле и в море. Даже лист падает только с Его ведома. Нет ни зернышка во мраках земли, ни чего либо свежего или сухого, чего бы не было в ясном Писании». В аяте 96 суры 37 сказано еще более определенно: «И Бог создал вас и то, **что вы делаете** (*выделено нами — P. P.*)». В таком в случае с человека снимается ответственность за свои поступки: ведь они были предопределены Богом! Более того, заранее определено и место человека после Судного дня: быть ему в Аду или в Раю. Но Коран также изобилует аятами, возлагающими ответственность на самого человека за совершенные им поступки. Первый эпизод свободы воли человека мы встречаем уже в поступке Адама и Евы, когда они ослушались слов Бога и вкусили плод от запретного дерева. И чуть ли не в каждой суре мы встречаем предостережения Бога людям, выбирающим неверный путь в жизни по собственной воле.

Мутазилиты искали способ снятия противоречия между идеей предопределенности происходящего и возможностью изменения фатального. Придерживаясь в целом наличия свободы воли у человека, они понимали невозможность противопоставления человеческих поступков божественной воле. При решении этой сложной проблемы, думается, прежде всего благодаря усилиям мутазилитов, возникает диалоговая концепция истории: как индивидуальной, так и общественной. В мусульманском богословии ключевым концептом этой теории является понятие «бада». Его смысл сводится к тому, что предопределенное может быть изменено самим Богом. В 39-м аяте суры 13 говорится «Отменяет Аллах, что желает, и утверждает». Если, к примеру, человек, стоящий перед выбором благородного и низменного поступка, выбирает первый, то он получает «баллы» (саваб), способствующие его попаданию в Рай. Получается, что человек сам создает условия для смены одного предопределенного на другое,

для совершенствования или, напротив, ухудшения своего будущего. Как видим, в такой интерпретации человеческой судьбы уже нет фатализма.

Из утверждений Василя ибн Аты о сотворенности Корана и способностью самого человека влиять на свою судьбу вытекает третье его утверждение, встреченное многими его современниками весьма негативно. Он высказался, что в Коране изложены только прошлые события и по этой причине он не может предсказывать будущее. На самом деле, в Коране приводится множество фактов из жизни различных народов и исторических личностей. Это не научная книга, в которой излагаются закономерности развития природы, общества и человека. Это не физика, социология или антропология. Французскому религиоведу Луи Гарде принадлежит самое короткое определение ислама: «ислам — это номократия» [6, 65]. Это означает, что ислам есть прежде всего тотальное повиновение Закону, власть Закона; конечно же, имеется в виду божественный закон, изложенный в Коране. Эта книга есть единый источник норм, задающих алгоритм существования человека, природы и общества [7; 8]. Василь ибн Ата прав в том, что Коран это не план Бога по преобразованию мира. Если можно говорить о Коране как некоем плане или проекте, то лишь как упоминании о конечности земной жизни (дунья) и вечности жизни потусторонней (ахират). Бог предписывает человеку как нужно жить в этой конечной земной жизни (дар аль-фана) для того, чтобы обрести счастье в вечной жизни (дар аль-бака).

Учение мутазилитов можно охарактеризовать как сложившуюся под значительным влиянием перипатетиков и неоплатонизма либеральную религиозность, которая терпимо относилась к светской образованности. По нашему мнению, идеи мутазилитов во многом повлияли на появление и развитие таких феноменов в исламе, как мазхабы, иджитхад и кияс. Появление мазхабов было рациональным решением снятия противоречий, возникающих между каноническим исламом и обычным правом (адатом) в процессе распространения ислама в неарабском мире. Каждый мазхаб предлагает компромисс между несовпадающими нормативными системами под главенством коранических норм [9]. Это создавало предпосылки безболезненного входа многих народов в пространство ислама.

Что касается иджитхада, то он позволяет богослову или правоведа выносить собственное решение на основе разума (акл), если в Коране или Сунне нет ясного решения той или иной проблемы. При этом он может руководствоваться логическим методом аналогии (кияс), что также позволяет характеризовать мутазилизм как рационализм.

Заметим, что не все рассуждения мутазилитов являются безупречными даже с точки зрения рационального мышления, которое они считали главным инструментом познания. К примеру, идея Василя ибн Аты о справедливости деяний Бога явно противоречит декларируемой им и его последователями апофатической традиции. Ведь справедливость есть этическая категория, применяемая

для оценки человеческих поступков. И нет оснований для наделения её метафизическим статусом, каким обладают понятия «существование» или «бытие». Это вытекает и из того, что близкие к справедливости понятия добра и зла имеют в исламе иную трактовку, чем вне его.

Так понятия добра и зла здесь применяются как оценочные категории для измерения степени соответствия поступков человека нормам Корана и Сунны [10]. Из этого вытекает, что они не имеют смысла для оценки Бога и его деяний.

Литература:

1. Али-заде, А. А. Мутазилиты // Исламский энциклопедический словарь. М., 2007.
2. Анисов, А. М., Смирнов А. В. Логические основания философии времени мутазилитов // Философский журнал. 2009. № 2 (3).
3. Вольф, М. Н. Становление философии калама в рамках спекулятивной теологии ислама // Средневековая арабская философия: мутазилитский калам. Новосибирск, 2005.
4. Рахматуллин, Р. Ю. Кораническая антропология // Молодой ученый. 2014. № 10 (69).
5. Рахматуллин, Р. Ю. Основные противоречия между салафизмом и суфизмом // Молодой ученый. 2014. № 12 (71).
6. Gardet, L. La Cite musulmane. P., 1976.
7. Рахматуллин, Р. Ю. Генетические источники мусульманского права // Научный вестник Омской академии МВД России. 2011. № 4.
8. Рахматуллин, Р. Ю., Семенова Э. Р. Онтологические основания идеи федерализма в свете философии права // Вестник ВЭГУ. 2010. № 4.
9. Рахматуллин, Р. Ю. Мусульманские правовые школы суннитского толка // Правовое государство: теория и практика. 2009. № 16.
10. Журавский, А. В. Представления о человеке в Коране и Новом Завете // Труды по культурной антропологии. М., 2002.

Картина мира и мировоззрение

Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор
Башкирский государственный аграрный университет

Понятие «картина мира» стало предметом исследования отечественных философов в 1970-е годы. Правда это понятие уже встречается в работах естествоиспытателей в первой половине XX века. Как считают Е. Д. Бляхер и Л. М. Вольнская в то время это понятие применялось «как интуитивно ясное» [1, с. 7]. Отечественные авторы в большей мере стали исследовать эту проблему в связи с необходимостью анализа мировоззренческого научного знания. В результате, понятие «картина мира» обретает в философии статус эпистемологической категории.

В работах Л. А. Микешиной, И. Я. Лойфмана, Д. В. Пивоварова, Л. Ф. Кузнецовой и В. С. Стёпина картина мира стала рассматриваться как компонент мировоззрения. Мы уже писали, что картина мира представляет собой предметную сторону мировоззрения и представляет собой вид онтологизированного знания [2, с. 41–76; 3]. Такое понимание природы картины мира приводит к уточнению содержания понятия «мировоззрение». Несмотря на большое количество публикаций на эту тему, однозначности в его понимании нет до сих пор.

Прежде всего возникает вопрос о субъекте мировоззрения. Например, один из пишущих на эту тему авторов

утверждает, что в качестве субъекта мировоззрения может выступать «отдельный человек, социальная, профессиональная, религиозная и национальная общность, человечество в целом» [4, с. 265]. Исходя из этого и других источников, можно сделать вывод, что субъектом мировоззрения выступает:

- 1) индивид;
- 2) человек как родовое существо;
- 3) группа людей (класс, этническая или религиозная общность, и даже человечество в целом).

Встречающиеся в текстах понятия «христианское мировоззрение», «марксистско-ленинское мировоззрение», «обыденное мировоззрение» и т. п. могут привести к мысли о четвертом виде носителя мировоззрения. Но мы полагаем, что в этих случаях имеется в виду третий вид субъекта (христиане, марксисты-ленинцы, носители обыденного сознания и т. п.). Ясно, что мировоззрение индивида во многом отличается от того, что называют, например, мировоззрением рабочего класса, если даже индивид является рабочим. По этой причине в существующей литературе имеют место различные определения мировоззрения. Например, в определении, автором которого является Л. А. Мясникова, утверждается,

что это «концептуально выраженная система взглядов человека на мир, на себя и на свое место в мире» [5, с. 392]. По этому поводу неизбежно возникают четыре вопроса:

1) почему мировоззрение должно быть обязательно концептуально выраженной системой взглядов? Как в таком случае быть с обыденным мировоззрением? Или с мнением И. Канта, что мировоззрение есть мирозерцание, т. е. чувственная форма миропредставления?

2) почему мировоззрение должно быть «системой взглядов»? Разве обыденное мировоззрение является системным образованием? Но даже у строго мыслящего ученого в мировоззрении могут сочетаться, к примеру, убежденность в истинности квантовой механики, безнравственности соседки тети Даши и правильности кастового устройства общества. При помощи какого принципа можно объединить эти три убеждения в одну систему?

3) можно ли термин «мировоззрение» применять для характеристики иных субъектов, отличающихся от человека? Как видим, он широко применяется и в других случаях («коммунистическое мировоззрение», «мировоззрение рабочего класса» и т. п.);

4) все ли «концептуально выраженные взгляды на мир, на себя и на свое место в мире» входят в мировоззрение? Например, являются ли элементами мировоззрения современного астронома геоцентрическая и гелиоцентрическая концепции строения Вселенной, противоречащие друг другу? Ясно, что обе указанные концепции содержатся в его сознании, но, думается, только вторая концепция будет компонентом мировоззрения.

Среди имеющихся в отечественных источниках дефиниций мировоззрения мы выделяем в качестве основного определение академика Т.И. Ойзермана. Автор вместо слова «взгляды» при определении мировоззрения использует понятие «убеждение»: «Мировоззрение — систематическое единство многообразия обобщенных, непосредственно связанных с осознаваемыми интересами людей *убеждений* (выделено нами — Р.Р.) относительно сущности природных или социальных явлений, или же их совокупности» [6, с. 515]. Мы полагаем, что слово «убеждение» должно быть ключевым при объяснении сути мировоззрения. Поэтому в содержание мировоззрения входят прежде всего убеждения.

Можно было бы полностью согласиться с определением Т.И. Ойзермана, если бы он не характеризовал мировоззрение как системное образование. Как уже было указано, мы сомневаемся в системности этого феномена и полагаем, что мировоззрение это мозаичное создание. Кстати, в самой статье Ойзермана содержится информация, противоречащая принципу системности мировоззрения. Автор пишет, что мировоззрение имеет дело не с одним миром, а с мирами: «Каждый из нас живет во многих мирах, и все они посюсторонни, даже если это мир прошлого, которого уже нет, или мир будущего, которого еще нет» [6, с. 516]. Но соединить в одну систему «миры» Лао-цзы, В.И. Ленина и аль-Газали невозможно не только из-за различных ценностных ориентаций этих авторов, но и несовпадения

категориального аппарата их учений. Мы полностью согласны с точкой зрения Д.А. Леонтьева, который пишет, что «индивидуальное мировоззрение может быть связным, хорошо структурированным и интегрированным, непроторечивым; или же фрагментарным, неструктурированным, плохо осознанным и в силу этого несущим в себе множество противоречий» [7, с. 517].

Полагаем, что определение Т.И. Ойзермана может быть дополнено другим, принадлежащим христианскому философу из США Дж. Сайру. Его определение заслуживает внимания тем, что автор отказывается характеризовать мировоззрение как систему: «Мировоззрение — это ряд предпосылок (истинных полностью, отчасти или совершенно ложных), которых мы придерживаемся (сознательно или бессознательно, последовательно и непоследовательно), размышляя об основных слагаемых нашего мира» [8, с. 14]. Как видно, Дж. Сайр избегает в своем определении понятия «система».

Нам представляется, что вместо слова «система» при определении мировоззрения, лучше применять слово «совокупность», являющееся более широким по своему объему. Этим термином можно обозначать как систему, так и то, что не структурировано как единая целостность.

Исходя из наших рассуждений, можно предложить следующее определение: мировоззрение — это совокупность убеждений людей относительно значимых для него слагаемых их мира. Видно, что в этом определении заменено и слово «человек» (убеждения человека) на слово «людей», что включает в класс субъектов мировоззрения, как индивида, так и совокупность людей.

Может быть, объемы понятий «мировоззрение» и «картина мира» совпадают? Мы полагаем, что картина мира является частью мировоззрения. Например, если мировоззрение характеризуется как научное, то его предметной стороной выступает научная картина мира, которая не охватывает всего содержания мировоззрения. Например, носитель научного мировоззрения может быть убежденным холостяком, пацифистом, автогонщиком, что никак не вытекает из его убежденности в правильности теоремы Гёделя о неполноте.

Важно заметить, что количество картин мира совпадает с количеством видов мировоззрения. Это замечание связано с тем, что в научной литературе встречаются публикации о технической, этнической, лингвоцветовой, фразеологической, комической и т. п. картинах мира. Если нет технического или фразеологического мировоззрения, то не следовало бы говорить о существовании подобных картин мира.

Понимание сути картины мира невозможно без уяснения ее отличия от других видов знания. Мы полагаем, что ее основное содержание составляют особые образы, которые призваны в чувственной форме выражать важнейшие убеждения субъекта. О том, что такие образы существуют, мы ранее уже писали [9; 10; 11]. Такие образы нами характеризуются как онтологизированные представления. Они имеют искусственный характер происхождения

и в этом сходны с моделями. Иногда их называют моделями: «модель атома Резерфорда», «птолемеевская модель Солнечной системы», «модель ДНК» и т. п. Но существует важное различие между моделью и образом. Если при восприятии модели мы осознаем её искусственный, рукотворный характер, то образ воспринимается человеком в виде объективно существующего предмета. Например, образ Солнца, возникший в нашей психике в результате наблюдения за этим объектом или в процессе его представления, переживается нами не как созданная учеными модель, а как реально существующий объект. Такое свойство психики Э. Гуссерль называл интенциональностью.

Образ является психическим феноменом и отличается от знака или символа структурным соответствием оригиналу. Это свойство образа можно характеризовать как изоморфизм. Иногда наличие этого свойства называют тождеством образа и его объекта. Думается, это неверно. Чувственные модальности образа изоморфны свойствам отражаемого в нем объекта, но не являются их копиями. Так, яблоко мы видим красным не от того, что оно красное, а из-за того, что отраженные от его поверхности электромагнитные волны имеют определенную длину и частоту, которые воспринимаются зрительным рецептором человека как красный цвет. Прав В. Ф. Петренко, который пишет, что «физика «не знает» красного, а описывает электромагнитные волны определенной длины (частоты), которые при воздействии на сетчатку глаза человека вызывают соответствующее ощущение. Физика «не знает»

ни звуков, ни запахов, а описывает соответствующие процессы как колебание воздуха или распространение частиц вещества» [12, с. 128].

Образы картины мира с одной стороны обладают всеми признаками обычных чувственных образов, а с другой — являются продуктом интеллектуальной деятельности человека. И это относится не только к образам научной картины мира, но и, к примеру, религиозной: ангелов, богов, Ада и Рая, конца света и Судного дня никто из людей не наблюдал. Их образы возникли в результате размышления людей о сущности существующего, смерти и своей будущей вечной жизни. В процессе общения эти мысли воплощались в образную форму, что облегчало их понимание другими людьми [13]. Такие же выводы справедливы и для характеристики образов мифологической картины мира.

Из вышеизложенного вытекает, что образы картины мира можно называть мировоззренческими, ибо картина мира является компонентом мировоззрения. Они представляют собой чувственные репрезентанты наиболее важных для субъекта познания объектов его мира. Но важность и сущность этих объектов определяет сам субъект в результате осмысления своего места в окружающем его мире. По этой причине картины мира разных людей, как и их мировоззрение, не могут полностью совпадать. Если такое несовпадение значительно, возникают мировоззренческие противоречия. В этом случае говорят, что люди не понимают друг друга.

Литература:

1. Бляхер, Е. Д., Волинская Л. М. «Картина мира» и механизмы познания. Душанбе, 1976.
2. Рахматуллин, Р. Ю. Онтологизированные образы в научном познании: генезис и функции: дис... д-ра филос. наук. Уфа, 2000.
3. Рахматуллин, Р. Ю. Научная картина мира как особая форма организации знания // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 12–2 (38).
4. Дробжев, М. И. В. И. Вернадский о науке, философии и научном мировоззрении // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 2.
5. Мясникова, Л. А. Мировоззрение // Современный философский словарь. М., 2004.
6. Ойзерман, Т. И. Мировоззрение // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М., 2009.
7. Леонтьев, Д. А. Мировоззрение // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М., 2009.
8. Сайр Дж. Парад миров. Типология мировоззрений. СПб, 1997.
9. Жуковский, В. И., Пивоваров Д. В., Рахматуллин Р. Ю. Визуальное мышление в структуре научного познания. Красноярск, 1988.
10. Рахматуллин, Р. Ю., Сафронова Л. В., Рахматуллин Т. Р. Образ как гносеологическая категория: трудности определения // Вестник ВЭГУ. 2008. № 3.
11. Рахматуллин, Р. Ю., Семенова Э. Р., Хамзина Д. З. Понятие образа // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 12–2.
12. Петренко, В. Ф. Вернем психологии сознание! // Вестник Московского ун-та. Сер. 14. Психология. 2010. № 8.
13. Семенова, Э. Р., Хамзина Д. З. Образные представления в научной коммуникации // Молодой ученый. 2013. № 7.

Проблема манипуляции массовым сознанием как фактор дестабилизации информационной безопасности современного российского общества

Руденко Андрей Михайлович, доктор философских наук, доцент;

Шестаков Юрий Александрович, кандидат исторических наук, доцент

Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) Донского государственного технического университета (г. Шахты, Ростовская область)

В статье анализируется сущность, признаки, формы проявления, последствия и способы противостояния манипуляции массовым сознанием в контексте необходимости обеспечения информационной безопасности современного российского общества.

Ключевые слова: *манипуляция сознанием, массовое сознание, информация, безопасность, информационная безопасность, общество, информационная война*

Современные массовые коммуникации оказывают все большее влияние на экзистенцию современного человека, играя «важную роль в формировании человека как личности и как члена общества» [1, с. 102]. Но в условиях XXI века глобальный мир, к сожалению, все чаще становится пространством, в котором происходят *информационные войны*. При этом общим для них становится то, что они адресованы культурному уровню ментальности человека, имеющему ценностную основу, что неоднократно подчеркивалось в современных исследованиях [2, с. 20–27; 3, с. 80–85; 4, с. 84–86]. Современные информационные войны особенно часто используются в экономике, политике и военной борьбе. Кроме того, «информационная война может вестись управляющей элитой с целью удержания в нем своего господствующего положения через сохранение доминирующей в данном обществе структуры приоритетов и ценностей, через поддержание возможности непрерывно продолжать воспроизведение этой структуры, поддерживая тем самым и непрерывность (сохранение) власти» [5, с. 36]. В настоящее время информационно-психологические войны становятся основой и всяких других войн, предшествуя им или протекая параллельно, определяя успех или поражение их исхода.

Современное российское общество нуждается не только в поступлении информации, но и в защите от негативной информации, а информационная составляющая служит важным компонентом национальной безопасности. Информационная безопасность не ограничивается сугубо техническими и технологическими параметрами (информационно-техническая безопасность). Не менее значимой как для военной, так и для невоенной области оказывается информационно-психологическая (психофизическая) безопасность. *Информационно-психологическая безопасность* в отношении личности состоит в защищенности отдельных лиц и (или) групп лиц от негативных информационно-психологических воздействий и связанных с этим иных жизненно важных интересов личности, общества и государства.

Информация является важнейшей категорией, сущность которой состоит в содержании, которое переда-

ется в процессе коммуникации и, таким образом, является одним из ее элементов. А в философском понимании информация, наряду с веществом и энергией, является одной из трех фундаментальных субстанций, составляющих сущность мироздания и охватывающих любой продукт мыслительной деятельности человека.

В самом общем виде всю информацию можно условно разделить на два вида:

— *биологическая (генетическая) информация*, т. е. информация, которая содержится в хромосомах организмов и передается по наследству;

— *социальная информация*, т. е. информация, которая каждым поколением каждый раз заново приобретает в обществе.

Одним из видов массовой информации является *массовая информация*, которая собирается, накапливается, обрабатывается, передается с помощью информационных агентств, а затем через средства массовой информации. Массовая информация лежит в основе процесса массовой коммуникации. К характерным чертам массовой информации относятся [6, с. 25–26]:

— *направленность на массовую аудиторию* (общество, народ, слой, группу, регион, профессию и т. п.);

— *направленность на формирование единой позиции масс* по социальным проблемам;

— *способность ориентировать массы в реализации социально-политических, экономических, культурно-духовных и других потребностей* и интересов гражданского общества;

— *доступность*: легкость восприятия и усвоения информации, удобные способы ее получения (на дом, на работу или службу и т. д.);

— *возможность интерактивного обмена* информацией взаимодействующих сторон (благодаря современным информационным технологиям);

— *регулярность* поступления;

— *открытость* для участия в работе органов информации в различных формах (письма, отклики, «прямой провод», выход в эфир).

К основным критериям оценки ценности информации можно отнести ее новизну, достоверность (точность и пол-

ноту содержания происходящего), доступность, своевременность и соответствие запросам потребителя (потребностям и интересам). В целом социальная информация эффективна лишь тогда, когда отражает тенденции общественного прогресса и способствует ему.

Основной площадкой для ведения информационных войн на сегодняшний день являются СМИ, так как они имеют возможность оказывать влияние на массовое сознание. Например, гражданская война в Сирии, начавшаяся в марте 2011 г., вызвала широкий резонанс в общественных и политических кругах. Россия и Франция заняли в отношении этого конфликта противоположные позиции. Французское правительство настаивало, вслед за США, на военном или экономическом воздействии на конфликтующие стороны, в то время как российские дипломаты старались не допустить любого вмешательства во внутригосударственный конфликт. Политическое противоборство двух государств нашло свое отражение и в средствах массовой информации, о чем свидетельствуют выявленные исследователями признаки (или приемы) информационной войны. Среди них были отмечены следующие [7, с. 319–320]:

1. *Использование стереотипов* (в 43% материалов, посвященных деятельности оппозиции, антиправительственные силы названы боевиками. В 12% им дано еще более категоричное определение — террористы. Использование таких понятий влечет за собой фиксированное негативное восприятие, связанное ни столько с отношением к самой сирийской оппозиции, сколько с восприятием понятий «террористы» и «боевики». Зачастую подобное определение не обосновано самим новостным материалом);

2. *Замена имен, или наклеивание ярлыков* (подобный метод получил широкое распространение во французских СМИ. Одним из наиболее заметных примеров является использование сочетаний «кровавый режим» и «жестокая диктатура» относительно правительства Башара Аль-Асада).

3. *Повтор информации* (при частом повторении одной и той же информации может наблюдаться эффект внушения. Данный прием использовался как российским, так и французскими информационными агентствами).

4. *Сокращение значимой информации* (примером подобного приема служит игнорирование французскими СМИ информации о содействии сирийского правительства миссии Красного Креста во время событий в Хомсе. Однако «РИА Новости» уделило этому факту большое внимание, не сообщая при этом информацию о новых жертвах со стороны оппозиции).

Таким образом, информация служит в войнах данного типа главным инструментом борьбы: она извращается, изымается, переструктурируется, перемещается и т. п. Но особенно часто информация выступает средством манипуляции массовым сознанием. *Манипуляция массовым сознанием* — это воздействие, направленное на психику человека, которое осуществляется скрытно и ставит своей

задачей установить контроль над поведением массовой аудитории, лишить ее свободы выбора посредством изменения представлений, мнений, побуждений и целей людей в нужном некоторой группе направлении. Манипуляция массовым сознанием служит ключевым элементом психологических операций и информационной войны.

Иными словами, *манипуляция* — это контроль над поведением людей посредством внедрения в сознание определенных идей, мыслей и представлений. Манипулирование позволяет погрузить аудиторию в состояние иллюзорности, ведь само активное информационное поле обладает способностью формировать сознание людей, подчиняя их тем, кто управляет процессом.

Основным материалом, с помощью которого СМИ осуществляют свои манипуляции, является информация, используя которую, можно производить следующие действия [8, с. 479]:

- сфабриковать, выдавая за подлинную;
- исказить путем неполной, односторонней подачи;
- отредактировать, добавив различные домыслы;
- интерпретировать факты в выгодном для манипулятора свете;
- утаить самую важную информацию, какие-либо существенные детали;
- проявлять избирательное внимание к фактам в соответствии со своей позицией;
- сопроводить материал заголовком, не соответствующим содержанию;
- приписать кому-либо заявления, которых он никогда не делал;
- опубликовать правдивую информацию, когда она потеряла свою актуальность;
- неточно цитировать, когда приводится часть фразы или выступления, которая в отрыве от контекста приобретает другой, подчас противоположный смысл.

Наиболее откровенно средства массовой коммуникации проявляют свои манипулятивные возможности в ходе избирательных кампаний. Особенно эффективно они манипулируют результатами социологических опросов. Ведь одну и ту же цифру в одном контексте можно подать как успех, а в другом — как катастрофу [9, с. 135–136].

Признаками манипуляции сознанием являются:

- *скрытое психологическое насилие* (мишенью действий манипулятора является психика человека, его образ мира, ценности, представления, убеждения, стереотипы и установки);
- *скрытое воздействие, факт которого не должен быть замечен объектом манипуляции* (успех манипуляции гарантирован, когда манипулируемый верит, что все происходящее естественно и неизбежно);
- *наличие фальшивой действительности* (зачастую эту фальшивую действительность создают СМИ, которые служат информационными фильтрами, формируют повестку дня и являются проводниками авторитетных мнений, которые усваиваются людьми, а затем воспринимаются ими как свои собственные);

— применение специальных манипулятивных техник, которые которое требует значительного мастерства и знаний (учитывая, что манипуляция общественным сознанием является технологией, сегодня имеются профессиональные работники, владеющие ею);

— отношение к манипулируемым людям не как к личностям, а как к объектам, особого рода вещам, лишенным свободы выбора (манипуляция представляет собой часть технологии власти, чем она и отличается от простого психологического воздействия);

— подмена истинных причин событий мнимыми, дезориентирующими объект в нужном для манипулятора направлении (данная задача может быть выполнена как с помощью СМИ, так и на основе неформальных каналов информации. Если главной целью классической войны служит физическое уничтожение врага, то целью информационной войны, ведущейся посредством манипулятивных технологий, является уничтожение врага в духовном аспекте за счет разрушения его ценностей, а также смыслового контекста в котором эти ценности укоренены);

— попытка заставить объект манипуляции признать неполноценность и ущербность своих собственных ценностей на фоне показательной яркости и привлекательности ценностей врага (это чаще всего является целью манипулятивной программы).

Условие успешной манипуляции заключается в том, что преобладающее большинство граждан являются пассивным объектом информационного воздействия. Люди не стремятся тратить душевные и умственные силы или время на то, чтобы усомниться в сообщениях, поступающих со стороны средств массовой коммуникации.

Основными принципами манипуляции через систему массовой коммуникации, которые наиболее точно сформулировал американский лингвист, философ и общественный деятель Ноам Хомский, являются [10, с. 133–135]:

1. *Отвлечение внимания.* Основным элементом управления обществом является отвлечение внимания людей от важных проблем и решений, принимаемых политическими и экономическими правящими кругами, посредством постоянного насыщения информационного пространства малозначительными сообщениями. Прием отвлечения внимания весьма существенен для того, чтобы не дать гражданам возможности получать важные знания в области науки, экономики, психологии, нейробиологии и кибер-нетики.

2. *Создание проблемы, а затем предложение способа ее решения.* Данный метод также называется «проблема-реакция-решение». Создается проблема, некая ситуация, рассчитанная на то, чтобы вызвать определенную реакцию среди населения, в результате оно само потребует принятия мер, которые необходимы правящим кругам.

3. *Постепенное применение.* Чтобы добиться принятия какой-либо непопулярной меры, достаточно внедрить ее постепенно, день за днем, год за годом.

4. *Отсрочка исполнения.* Этот способ продавливания непопулярного решения заключается в том, чтобы представить его в качестве «болезненного и необходимого» и добиться в данный момент согласия граждан на его осуществление в будущем. Гораздо проще согласиться на какие-либо жертвы в будущем, чем в настоящем. Во-первых, потому что это не произойдет немедленно. Во-вторых, потому что народ в массе своей всегда склонен лелеять наивные надежды на то, что «завтра все изменится к лучшему» и что тех жертв, которых от него требуют, удастся избежать.

5. *Общение с народными массами как с маленькими детьми.* В большинстве пропагандистских выступлений, рассчитанных на широкую публику, используются такие доводы, персонажи, слова и интонация, как будто речь идет о детях школьного возраста с задержкой в развитии или об умственно неполноценных индивидуумах. Чем усиленнее кто-то пытается ввести в заблуждение слушающего, тем в большей степени он старается использовать инфантильные речевые обороты.

6. *Влияние на эмоции в гораздо большей степени, чем на размышления.* Воздействие на эмоции представляет собой классический прием, направленный на то, чтобы заблокировать способность людей к рациональному анализу, а в итоге и вообще к способности критического осмысления происходящего.

7. *Поддержание людских масс в невежестве, культивирование посредственности.* Это ведет к неспособности людей понимать приемы и методы, используемые для того, чтобы ими управлять и подчинять своей воле. Качество образования, предоставляемого низшим общественным классам, должно быть как можно более скудным с тем, чтобы невежество, отделяющее низшие общественные классы от высших, оставалось на уровне, который не смогут преодолеть низшие классы.

8. *Побуждение граждан восторгаться посредственностью.* Внедрение в сознание населения мысли о том, что модно быть тупым, пошлым и невоспитанным.

9. *Усиление чувства собственной вины.* Человека необходимо убедить в том, что только он виновен в собственных несчастьях, которые происходят ввиду недостатка его умственных возможностей, способностей или прилагаемых усилий. В результате вместо того, чтобы восстать против экономической системы, человек начинает заниматься самоуничтожением, обвиняя во всем самого себя, что вызывает подавленное состояние, приводящее, в числе прочего, к бездействию. А без действия ни о какой революции и речи быть не может.

10. *Знать о людях больше, чем они сами о себе знают.* Успехи в развитии науки привели к образованию все увеличивающегося разрыва между знаниями простых людей и сведениями, которыми обладают и пользуются господствующие классы. Благодаря биологии, нейробиологии и прикладной психологии «система» получила в свое распоряжение передовые знания о человеке, как в области физиологии, так и психики. «Системе»

удалось узнать об обычном человеке больше, чем он сам о себе знает.

Думающему человеку следует знать, что современное информационное общество живет в мире образов, которые создаются искусственно. Эти образы незаметно для большинства реципиентов информации, предоставляемой средствами массовой коммуникации, становятся тем, что считается реальностью и служит ориентиром для наших мыслей, мнений, чувств и поступков. Мы надеемся, потому что нам внушают надежды, и боимся,

потому что нам внушают страхи. Бульварная пресса эксплуатирует подобную взаимосвязь искусственных образов и действительности с особенным цинизмом, превратив разжигание эмоций в весьма доходный бизнес [9, с. 140].

Важнейшими формами противодействия манипуляции личностью являются: критический анализ поступающей информации, организация получения информации из разных источников, повышение уровня компетентности и формирование научного образа мышления.

Литература:

1. Руденко, А. М., Фролова Ю. А. Влияние средств массовой коммуникации на экзистенцию современного человека // Современное общество, образование и наука сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 31 марта 2015 г.: в 16 частях. — Часть 11. — Тамбов: ООО «Консалтинговая компания Юком», 2015. — с. 102–103.
2. Roudenko, A. M., Kotlyarova V. V., Shubina M. M. Philosophical analysis of the values influence of the western world in the socio-cultural space of Russia // Paradigmata poznani. — 2015. — № 1. — с. 20–27.
3. Котлярова, В. В. Современный ценностный кризис и поиск общечеловеческих ценностей // Гуманитарные и социальные науки. — 2011. — № 2. — с. 80–85.
4. Котлярова, В. В. Традиционные ценности в современной культуре // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2010. — № 1. — с. 84–86.
5. Самохвалова, В. И. Глобальный мир как пространство современных информационных войн // Философия и общество. 2011. № 4. с. 33–49.
6. Головлева, Е. Л. Массовые коммуникации и медиапланирование: учебное пособие. — Ростов-на-Дону: Феникс, 2008. — 250 с.
7. Медведева, Я. В., Марущак А. В. Приемы ведения информационных войн (на примере освещения гражданской войны в Сирии в информационных агентствах России и Франции) // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета. — 2013. — № 10. — с. 319–320.
8. Виноградова, С. М., Мельник Г. С. Психология массовых коммуникаций: учебник для бакалавров. — М.: Изд-во Юрайт, 2014. — 516 с.
9. Воронина, С. А. Манипулятивный аспект функционирования средств массовой коммуникации // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. — 2013. — № 5. — с. 135–143.
10. Васильев, С. С. Средства массовой коммуникации и их роль в формировании нравственного самосознания в региональных условиях Юга России // Историческая и социально-образовательная мысль. 2011. № 4. с. 133–141.

Роль философского образования в гуманитарном развитии современного общества

Соболь Татьяна Владимировна, кандидат философских наук
Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко (Украина)

В данной статье анализируется значение философского образования для формирования инновационного человека, гуманитарного развития современного общества и духовного самовыражения личности.

Ключевые слова: общество, гуманитарное развитие, философское образование, философия образования, инновационная личность

В условиях глобального информационного и интеграционного развития современного мира актуальными становятся проблемы улучшения и совершенствования

механизмов развития современного общества для решения которых необходимо не только проанализировать составные части данного процесса, но и определить ос-

новые факторы, которые определяют его качество и скорость. Именно поэтому в большинстве стран современного мира политика социально-гуманитарного развития общества является одним из важнейших направлений государства так как данная модель развития ориентирована на раскрытие потенциала как отдельного человека, так и всего общества. Влияние гуманитарного развития в системе общественного бытия проявляется в обеспечении развития различных видов общественных отношений: социально-трудовых, семейных, социально-классовых, территориально-поселенческих и т.д. С другой стороны, статусные взаимодействия индивида и социальных групп также влияют на гуманитарное развитие современного общества и проявляются в экономических, политических, социальных и духовных сферах. В экономическом измерении гуманитарное развитие проявляется в росте интеллектуального продукта и инновационной модели экономического поведения. В политическом измерении — «достижение высоких степеней свободы личности и одновременно ее готовность брать ответственность за себя, свою семью, местную общину и страну. В социальном измерении гуманитарное развитие означает создание для человека, как главного национального ресурса, условий реализации всех его возможностей» [7, с. 88].

В духовной сфере гуманитарного развития общества особое место занимают мировоззренческо-ценностные ориентации человека и общества, их духовно-интеллектуальный и идеологический аспект. Мировоззренческо-ценностные ориентации проявляются в форме определенных идей, принципов, позиций, которые обеспечивают духовное развитие личности, развивают ее социальное сознание и, соответственно, влияют на ее социальное поведение, которое является главным элементом всего общественного развития. Именно система мировоззренческо-ценностных ориентаций влияет на становление твердых взглядов личности на систему социальной жизни общества, социальное воспитание и социологизацию человека. Зрелость общего мировоззрения личности заключается в признании всеобщих социальных ценностей и идеалов, в частности социальных прав и свобод человека, которые отражают основные потребности людей в социальной сфере общественной жизни. Процессы трансформации духовных основ современного общества, интеграционные и глобализационные процессы, которые не могут не влиять на духовное развитие всего общества, распространение мировых социальных ценностей, обогащение содержания и форм культурного развития, обуславливают переосмысления ценностных основ мировоззрения и формирования новой мировоззренческой философии. Решающее значение в этом процессе принадлежит системе образования, ведь «знание о социальном как составляющей части духовной культуры формируется в процессе образования, значение которого в социальном развитии, обогащении содержания социальной культуры в современных условиях особенно возрастает» [6, с. 60]. Поэтому, для изменения ценностной ориентации обще-

ства нужно, прежде всего, пересмотреть и удовлетворить новые вызовы в сфере образования. Необходимость этого доказывает доктор философских наук И. Предборская, которая убеждена в потребности перехода к совершенно иной образовательной системе, ориентированной на формирование инновационного человека, изобретательной и творческой личности, которая способна самостоятельно принимать нестандартные решения и находиться в состоянии постоянного поиска. Изобретательность становится архетипом для инновационного человека, а ведущей целью обучения — формирование у него собственной исследовательской позиции, то есть значение приобретает процесс перехода в образовательной деятельности от школы памяти в институт работы с мышлением [1, с. 37].

Данную позицию поддерживает и А.В. Гулько, которая считает, что именно философская модель образовательного проектирования содержит глубокий потенциал для реализации современных задач новой парадигмы образования, и поэтому должна заменить старую. Именно новая система образования, по ее мнению, должна быть в состоянии сформировать инновационную личность, развить ее креативный потенциал, подготовить человека к жизни в глобальном информационном пространстве, признать приоритет человека как личности, которая обладает критическим мышлением и проектным сознанием и способна к полной реализации собственных возможностей [3]. Становлению такой личности способствует, в первую очередь, рефлексивное мышление, которое и лежит в основе философии. Именно по этому весомую роль в формировании инновационного образования играет именно философское образование, которое берет свое начало еще во времена античности, когда впервые была создана школа с трехлетним изучением философии. В Риме, в свою очередь, наиболее популярными были школы стоиков и эпикурейцев. В Средневековье философия изучалась в школах при монастырях, где большое внимание уделялось написанию и переписыванию книг. Дальнейшее развитие философии образования обусловило создание различных университетов и академий, которые уже были оторванными от монастырей. В эпоху Великой французской революции в обучение были внедрены ряд философских принципов: свобода обучения, исследования, знания, произошло разделение философских факультетов на различные отделения. Во второй половине XVIII и в начале XIX века философское образование уже начало восприниматься как локомотив духовного формирования и саморазвития личности. Считалось, что философия синтезирует все отдельные отрасли научного знания и его следует воспринимать как некую систему наук и методов академических знаний. Поэтому именно она должна формировать основные принципы образования и обучения и отыгрывать ключевую роль в гуманитарном развитии современного общества. Подтверждение данной позиции можно увидеть при анализе такой дисциплины, как философия образования. Лучше всего это удалось сделать таким выдающимся исследователям совре-

менности, как М. С. Свидло и И. И. Сторожик, которые в своей статье «Философия образования как синтез философии и педагогики» проанализировали взгляды различных ученых на понимание объекта исследования философии образования. Они отмечают, что, например, «Киященко под философией образования понимал «практическую философию», Пищулин — «философию духовности». Терещенко философию образования относит к разряду конкретных сфер деятельности «философии политики, права, техники», «онтологии духовной и духовно-практической культуры» [5, с. 11]. В свою очередь Шими́на, описывая философию образования, использует термин «философия педагогики», поскольку педагогическая мысль «никогда не существовала без философской рефлексии». Российский писатель Разин также «философию образования» называет «теоретической педагогикой». Гусинский, Турчанинова и Клепко «философию образования» называют во множественном числе, потому что они считают, что по своей сути она «плюралистическая» [5, с. 11], поскольку синтезирует в себе знания многих наук. Данные ученые убеждены, что философия образования является катализатором развития не только науки но и всего общества.

Впервые, философия образования получила статус научной дисциплины в США. Считается, что именно идеи Джона Дьюи (1859—1952) привели к тому, что «философия образования была признана обязательным измерением ответственной практики в образовании» [5, с. 12]. Данные идеи были распространены по всему миру и на сегодняшний день общепризнанным является убеждение, что философия образования является интегративной основой для различных наук и включает в себя их достижения и проблематику. Философия образования также являет собой форму концептуализации образования, которая становится объектом философского анализа и рефлексии. Сама же философия охватывает образование во всех ее ценностных социально-философских, теоретических и прикладных аспектах. Таким образом, образование является объектом философии образования, а ее предметом является «наиболее общие фундаментальные принципы функционирования и развития системы образования» [2, с. 90]. Философия образования, в свою очередь, является одной из дисциплин философского образования главной задачей которого является формирование у студентов критического мышления, умения анализировать ценности и жизненные смыслы, умение рефлексировать над принципами познания и находить верные решения в сложных жизненных ситуациях меняющегося настоящего. Именно с помощью развития мышления становится возможным появление инновационного человека, который рассматривает окружающий мир не как постоянную структуру, а как сферу познавательной неопределенности, которая меняется и требует постоянного приспособления к нему. Кроме того, современное общество требует от человека проявления изобретательности, творческого подхода и собственной обоснованной определенности

в жизни. Реализация данных запросов становится возможной посредством формирования философского мышления, которое не сводится только к накоплению определенной информации, а включает в себя и умственные действия. Последние способствуют решению множества проблем и самореализации личности. Как отмечает известный логик настоящего, именно «философия решает те вопросы, которые лежат в основе самого человеческого бытия, а они являются неисчерпаемыми настолько, насколько неисчерпаемой и бесконечной является сам человек. Поэтому, как отмечает А. Е. Конверский, завершеного и абсолютного знания философия дать не может» [4, с. 86], но может сформировать критическое мышление, которое является интегрированным в каждый из других видов мышления и служит связующим звеном между ними, влияет на их логику, качество, целостность и взаимосвязь. Данный элемент менталитета индивида крайне необходим не только для науки, но и для любой деятельности, поскольку без критической оценки информации: анализа, сравнения, обобщения, — невозможно обоснованно принять или опровергнуть любую идею. Формирование критического мышления является процессом, в результате которого актуализируются и развиваются такие природные качества личности как любознательность, восприимчивость, уверенность в себе, самостоятельность, коммуникабельность, свобода выражения мнения (раскованность), смелость в высказывании идей, которые способствуют не только формированию способности человека сознательно обосновывать собственную позицию по тому или иному вопросу, но и выбирать и аргументировано отстаивать лучшую из существующих позиций или же находить новые идеи, которые способны влиять на темпы и качество гуманитарного развития современного общества. Таким образом, критическое мышление выступает катализатором формирования инновационной культуры, которая помогает не только принять и практически применять лучшие общественные нововведения, но и самим создавать и представлять свои инновации и таким образом совершенствовать как собственную жизнь, общество и государство, так и мир в целом.

Кроме критического мышления философское образование формирует и общие мировоззренческие ориентации и методологические приоритеты и широкую осведомленность в различных философских областях науки. Также оно развивает сознание и расширяет восприятие любого человека. Приведенные качества помогают личности адаптироваться к быстрым темпам и изменениям современного общества и достаточно легко решать проблемные ситуации, которые время от времени возникают в повседневности.

Таким образом, философское образование сближает студенчество с современной жизнью, учит его разным методам решения проблемных задач, их анализа и творческого подхода к обоснованию своей позиции в жизни, достойного и нравственного поведения и мудрого управления другими, критическому восприятию действитель-

ности и терпимому отношению к недостаткам мира. Философия, будучи фундаментальной наукой, формирует не только определенное восприятие мира, но и общемировые и индивидуальные ценности человека, а открытия, которые осуществляет философия, носят междисциплинарный характер и включают в себя как постановку проблем так и способы их решения, что является определенным образцом для всех других наук. Именно поэтому философия должна активнее проникать во все научные сферы и разрабатывать на соответствующих факультетах философии права, языка, математики, естествознания, психологии и т. д. Обязательно должен существовать курс, который посвящен философско-методологическим проблемам и терминологии той или иной области науки. Все

аспиранты-ученые должны владеть философской методологией и критическим мышлением, которое можно начать формировать еще со школы. Весьма полезными для изучения в общеобразовательных школах, колледжах и техникумах могли бы стать уроки логики, этики, риторики, эристики и т. д., которые развивают не только умение мыслить, но и использовать свои навыки на практике, накапливают с общечеловеческими ценностями и формируют индивидуальное мировоззрение, учат искусству рассуждений и толерантному восприятию мыслей других людей. Наличие данных качеств позволит не только улучшить жизнь людей, которые ими владеют, но и повлияет на повышение гуманитарного развития современного общества.

Литература:

1. Андрущенко, В. Філософія освіти/В. Андрущенко, І. Предборська. — Київ, 2009. — 230 с.
2. Гершунский, Б. С. Философия образования для XXI века (В поисках практико-ориентированных концепций)/Б. С. Гершунский. — М.: ИнтерДиалект+, 1997. — 697 с.
3. Гулько, О. В. Філософський аналіз сучасної моделі освітнього проектування/О. В. Гулько // Гуманітарний вісник Запорізької державної інженерної академії. — 2012. — Вип. 50. — с. 202–210.
4. Конверський, А. Є., Черноног Р. А. Філософська освіта як чинник становлення світоглядної культури // Вісник Київського університету. Серія: Філософія. Політологія. — 2006. — Вип. 81/83. — С. 86–88.
5. Свідло, М. С. Філософія освіти як синтез філософії та педагогіки/М. С. Свідло, І. І. Сторожик // Вісник Національного технічного університету України «Київський політехнічний інститут». Філософія. Психологія. Педагогіка: зб. наук. праць. — К.: ІВЦ «Політехніка», 2007. — № 2 (20), Ч. 2. — с. 11–15.
6. Управління соціальним і гуманітарним розвитком: навч. посіб./В. А. Скуратівський, В. П. Трощинський, П. К. Ситник та ін.: у 2 ч. — К.: НАДУ, 2009. — Ч. 1. — 456 с.
7. Шниптева, А. Ю. Удосконалення механізмів державного регулювання гуманітарного розвитку в умовах глобальної трансформації суспільства/А. Ю. Шниптева // Гуманітарний вісник Запорізької державної інженерної академії. — 2012. — Вип. 48. — с. 84–93.

Молодой ученый

Научный журнал
Выходит два раза в месяц

№ 14 (94) / 2015

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Ахметова Г. Д.

Члены редакционной коллегии:

Ахметова М. Н.
Иванова Ю. В.
Каленский А. В.
Куташов В. А.
Лактионов К. С.
Сараева Н. М.
Авдеюк О. А.
Айдаров О. Т.
Алиева Т. И.
Ахметова В. В.
Брезгин В. С.
Данилов О. Е.
Дёмин А. В.
Дядюн К. В.
Желнова К. В.
Жуйкова Т. П.
Жураев Х. О.
Игнатова М. А.
Коварда В. В.
Комогорцев М. Г.
Котляров А. В.
Кузьмина В. М.
Кучерявенко С. А.
Лескова Е. В.
Макеева И. А.
Матроскина Т. В.
Матусевич М. С.
Мусаева У. А.
Насимов М. О.
Прончев Г. Б.
Семахин А. М.
Сенцов А. Э.
Сенюшкин Н. С.
Титова Е. И.
Ткаченко И. Г.
Фозилов С. Ф.
Яхина А. С.
Ячинова С. Н.

Ответственные редакторы:

Кайнова Г. А., Осянина Е. И.

Международный редакционный совет:

Айрян З. Г. (Армения)
Арошидзе П. Л. (Грузия)
Агаев З. В. (Россия)
Бидова Б. Б. (Россия)
Борисов В. В. (Украина)
Велковска Г. Ц. (Болгария)
Гайич Т. (Сербия)
Данатаров А. (Туркменистан)
Данилов А. М. (Россия)
Демидов А. А. (Россия)
Досманбетова З. Р. (Казахстан)
Ешиев А. М. (Кыргызстан)
Жолдошев С. Т. (Кыргызстан)
Игиснинов Н. С. (Казахстан)
Кадыров К. Б. (Узбекистан)
Кайгородов И. Б. (Бразилия)
Каленский А. В. (Россия)
Козырева О. А. (Россия)
Колпак Е. П. (Россия)
Куташов В. А. (Россия)
Лю Цзюань (Китай)
Малес Л. В. (Украина)
Нагервадзе М. А. (Грузия)
Прокопьев Н. Я. (Россия)
Прокофьева М. А. (Казахстан)
Рахматуллин Р. Ю. (Россия)
Ребезов М. Б. (Россия)
Сорока Ю. Г. (Украина)
Узаков Г. Н. (Узбекистан)
Хоналиев Н. Х. (Таджикистан)
Хоссейни А. (Иран)
Шарипов А. К. (Казахстан)

Художник: Шишков Е. А.

Верстка: Бурьянов П. Я.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.
За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.

E-mail: info@moluch.ru

http://www.moluch.ru/

Учредитель и издатель:

ООО «Издательство Молодой ученый»

ISSN 2072-0297

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, 26